

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Луданин Дмитрий Андреевич

**Обогащение «за счет» потерпевшего как условие
возникновения кондикционного обязательства**

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук
Тололаева Наталья
Владимировна

Москва – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. Унитарная модель кондикционного обязательства и присущее ей понятие обогащения «за счет» потерпевшего.....	15
§ 1. Унитарная модель кондикционного обязательства.....	15
§ 2. Обогащение «за счет» потерпевшего в значении причинной связи между выгодами приобретателя и потерями потерпевшего.....	37
§ 3. Обогащение «за счет» потерпевшего в значении уменьшения имущества потерпевшего	64
ГЛАВА 2. Партикулярная модель кондикционного обязательства и присущее ей понятие обогащения «за счет» потерпевшего.....	79
§ 1. Партикулярная модель кондикционного обязательства	79
§ 2. Содержание условия «за счет» потерпевшего в рамках кондикции из вмешательства.....	93
1. Противоправность как содержание условия «за счет» потерпевшего в обогащении из вмешательства	93
2. Прикрепленное содержание субъективного права (Zuweisungsgehalt) как содержание условия «за счет» потерпевшего в обогащении из вмешательства	100
§ 3. Целенаправленное предоставление имущества как содержание условия «за счет» потерпевшего в рамках кондикции из предоставления...	109
§ 4. Содержание условия «за счет» потерпевшего в кондикционных обязательствах, осложненных участием третьего лица	122
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	163
БИБЛИОГРАФИЯ.....	166

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Обязательства из неосновательного обогащения (кондикционные обязательства) являются традиционным институтом гражданского права со времен римского права. Известно, что данный вид обязательств может встречаться во многих сферах общественной жизни, начиная от бытовых споров и заканчивая крупными коммерческими проектами. Стоит отметить, что в некоторых судебных актах прямо отмечается, что запрет неосновательного обогащения является одним из элементов публичного порядка¹.

Как указывал В.С. Ем, при последней кодификации гражданского законодательства России наибольшие изменения претерпел институт неосновательного обогащения, в связи с чем перед современной юриспруденцией стоит задача существенной переоценки взглядов на данный правовой институт². Действительно, в силу принятия Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и стремительного развития судебной практики возникла необходимость актуализации накопленного теоретического материала.

Вместе с тем количество работ на русском языке, посвященных проблемам обязательств из неосновательного обогащения на современном этапе развития, мало. Авторитетный характер приобрели только две кандидатские диссертации, одна из которых (работа Д.В. Новака) написана в 2006 году³, а вторая (работа В.С. Гербутова) – в 2014 году⁴. При этом работа

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 26.02.2018 № 10-П; постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2017 № 9-П.

² Ем В.С. Обязательства вследствие неосновательного обогащения в современном российском гражданском праве // Законодательство, 1999. № 7. С. 10.

³ Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве: сравнительно-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид.наук. М., 2006.

⁴ Гербутов В.С. Понятие и формы обогащения в кондикционных обязательствах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

Д.В. Новака посвящена общим проблемам регулирования обязательств из неосновательного обогащения, а работа В.С. Гербутова – понятию «обогащение» и его формам.

При этом согласно п. 1 ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) **за счет другого лица (потерпевшего)**, обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество. Как следует из данной нормы, законодатель прямо обращает внимание на тот факт, что для возникновения кондикционного обязательства между приобретателем и потерпевшим обогащение должно происходить *за счет* потерпевшего.

При этом в отечественной доктрине данное условие упоминается как необходимое для возникновения кондикционного обязательства⁵, а содержание данного условия описывается как означающее уменьшение имущественной массы потерпевшего.

Например, Д.Д. Grimm – один из первых исследователей неосновательного обогащения в отечественной литературе – указывал, что обогащение одного лица «на счет другого» предполагает увеличение имущества первого и уменьшение имущества второго⁶.

В.А. Рясенцев предлагал ориентироваться на уменьшение имущества потерпевшего как необходимый элемент (условие) для возникновения кондикционного обязательства⁷.

⁵ См., например, Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.В. Витрянский, В.С. Ем, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011. Т. 2: Обязательственное право. С. 1141; Гражданское право. Особенная часть: учебник / Н.В. Багрова, Т.Ю. Баришпольская, Р.С. Бевзенко и др.; под ред. Е.С. Болтановой. Москва: ИНФРА-М, 2023.

⁶ Grimm Д.Д. Очерки по учению об обогащении. Выпуск первый. Дерпт. 1891.

⁷ Рясенцев В.А. Обязательства из так называемого неосновательного обогащения в советском гражданском праве // Ученые записки Московского государственного университета. Труды юридического факультета. 1949. Вып. 144. Кн. 3. С. 85-106.

О.С. Иоффе также указывал на неразрывную связь обогащения приобретателя и обеднения потерпевшего, что является содержанием условия «за счет потерпевшего»⁸.

Тем не менее, в отечественной цивилистической науке отсутствует комплексное и системное исследование именно условия «за счет» потерпевшего, основные подходы к пониманию данного условия, как было показано выше, основаны лишь на идее уменьшения имущественной массы потерпевшего. Однако такой подход имеет существенные недостатки, что требует установления иных возможных вариантов содержания условия «за счет» потерпевшего для возникновения кондикционного обязательства.

Судебная практика при описании предмета доказывания по спорам о возврате неосновательного обогащения также выделяет условие «за счет» потерпевшего в отдельное обстоятельство, которое подлежит доказыванию истцом⁹. Однако на данный момент не разработаны системные доктринальные положения, на которые мог бы опереться суд при разрешении конкретного дела, касающегося толкования условия «за счет» потерпевшего.

Одновременно среди иностранных ученых нет единства по вопросу, каково содержание данного условия возникновения кондикционного обязательства? Так, некоторые авторы указывают, что условие «за счет» потерпевшего отражает идею о том, что событие обогащения влечет «минус» в имущественной сфере потерпевшего¹⁰. Иными словами, данное условие фактически уравнивается с необходимостью уменьшения имущества потерпевшего в результате обогащения. Другой подход заключается в том, что условие обогащения за счет потерпевшего означает необходимость

---

⁸ Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. 880 с.

⁹ См., например, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.11.2024 № 5-КГ24-104-К2; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.06.2023 № 305-ЭС23-3459 по делу № А40-205506/2021.

¹⁰ См., например, McInnes M. The Canadian Principle of Unjust Enrichment: Comparative Insights Into the Law of Restitution // Alberta Law Review. Vol. 37 (1). 1999. P. 20-23; Descheemaeker E. L'enrichissement injustifié: The Reform of 10 February 2016 in a Historical and Comparative Perspective. Tribonien No. 3. 2019. P. 39.

установления причинно-следственной связи между выгодами приобретателя и потерями потерпевшего¹¹. С точки зрения иных подходов, данное условие должно иметь различное содержание в зависимости от вида и структуры самого кондикционного требования¹².

Такое положение актуализирует выбор оптимального подхода в понимании условия «за счет потерпевшего» при возникновении обязательства из неосновательного обогащения для российского права с целью **установления в нем определенности по данному вопросу, отсутствующей в настоящее время.**

Степень научной разработанности темы исследования. Различные аспекты общего правового регулирования обязательств из неосновательного обогащения и виды таких обязательств анализировали многие отечественные дореволюционные ученые, в том числе Д.Д. Гримм¹³, Л.И. Петражицкий¹⁴, Г.Ф. Шершеневич¹⁵ и В.К. Розенблюм¹⁶.

Подробный анализ проблемных вопросов кондикционных обязательств (где также уделяется внимание условию «за счет») и их соотношения с иными видами требований был осуществлен в работах советских ученых-правоведов, в частности М.А. Гурвича¹⁷, М.М. Агаркова¹⁸, Е.А. Флейшиц¹⁹, О.С. Иоффе²⁰,

¹¹ См., например, Goff R., Jones G. The Law of Restitution. 9th ed. London, 2016. P. 208; Birks P. Unjust Enrichment. Oxford University Press; 2nd edition. 2005. P. 70. Davrados N.A. Demystifying Enrichment Without Cause // Louisiana Law Review. Vol. 78. 2018. P. 1266.

¹² См., например, Каммерер Э. Обогащение и недозволенное действие. Часть первая // Вестник гражданского права. 2010. № 2. С. 246 - 288. Wilburg W. Die Lehre von der ungerechtfertigten Bereicherung nach osterreichischem und deutschem Recht. Graz. 1934. S. 28; Medicus D. Schuldrecht II. Besonderer Teil: Ein Studienbuch. II. Aufl. Munchen, 2003. S. 303-305; Ellger R. Bereicherung durch Eingriff. Tubingen: Mohr. 2002. S. 37.

¹³ Гримм Д.Д. Указ. соч.

¹⁴ Петражицкий Л.И. Иски о «незаконном обогащении» в 1 ч. X т. (к характеристике современной юриспруденции) // Вестник права. 1900. № 1.

¹⁵ Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т.5: Учебник русского гражданского права. Москва. Статут, 2007. 832 с.

¹⁶ Розенблюм В. Иски из неправомерного обогащения // Юридический вестник. № 2. 1889.

¹⁷ Гурвич М.А. Институт неосновательного обогащения в его основных чертах по Гражданскому кодексу РСФСР // Советское право. 1925. № 2 (14). С. 88 – 111.

¹⁸ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М. 1940.

¹⁹ Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М.: Госюриздат, 1951. 235 с.

²⁰ Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. 880 с.

В.А. Рясенцева²¹, В.И. Чернышева²², Ю.К. Толстого²³, А.Е. Семенов²⁴. Однако в основном работы данных авторов были посвящены общему понятию неосновательного обогащения и некоторым его видам.

На современном этапе развития учения о неосновательном обогащении можно выделить только две основные диссертации, заслуживающие особого внимания в контексте глубины проработки проблем кондикционных обязательств. Речь идет о диссертациях Д.В. Новака (2006 г.) и В.С. Гербутова (2014 г.). Помимо диссертационных исследований важными являются работы В.С. Ема²⁵, А.Л. Маковского²⁶, Е.А. Крашенинникова²⁷, С.Д. Дамбарова²⁸, Д.А. Ушивцевой²⁹, Д.О. Тузова³⁰.

Как уже было указано выше, кондикционные обязательства прошли продолжительную историю своего развития. В этой связи, в зарубежной доктрине можно наблюдать не только работы по общим проблемам данного вида обязательств, но и монографии и научные статьи, которые посвящены предметному анализу условия «за счет потерпевшего». Среди таких работ зарубежных ученых-правоведов следует особо отметить работы Э. фон

---

²¹ Рясенцев В.А. Указ. соч.

²² Чернышев В.И. Обязательства из неосновательного приобретения или сбережения имущества. Учебное пособие. Ярославль. 1977. 102 с.

²³ Толстой Ю.К. Обязательства из неосновательного обогащения или сбережения имущества (юридическая природа и сфера действия) // Вестник ЛГУ. 1973. № 5. С. 135-143.

²⁴ Семенова А.Е. Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и обязательства, возникающие из причинения вреда. Гражданский кодекс РСФСР. Научный комментарий под ред. С.М. Прушицкого и С.И. Раевича. Выпуск XX. Юридическое издательство НКЮ РСФСР. Москва. 1928. С. 6-8.

²⁵ Ем В.С. Указ. соч. С. 10-11.

²⁶ Маковский А.Л. Обязательства вследствие неосновательного обогащения (глава 60). Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть вторая), под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. МЦФЭР, 1996.

²⁷ Крашенинников Е.А. Фактический состав возникновения обязательства из неосновательного обогащения // Очерки по торговому праву. Вып. 15, 2008.

²⁸ Дамбаров С.Д. Формы неосновательного обогащения // Закон. № 8. 2007.

²⁹ Ушивцева Д.А. Обязательства вследствие неосновательного обогащения: вопросы теории и практики. Тюмень: Слово, 2006.

³⁰ Тузов Д.О. Неосновательное обогащение: Учебное пособие. Санкт-Петербург. 2020.

Каммерера (*E. v. Caemmerer*)³¹, В. Вильбурга (*W. Wilburg*)³², Ф. Шульца (*F. Schulz*)³³, С. Мейер (*S. Meier*)³⁴, К.-В. Канариса (*C.-W. Canaris*)³⁵, М. Мартинек (*M. Martinek*)³⁶, Б. Купиша (*B. Kupish*)³⁷, В. Лоренца (*W. Lorenz*)³⁸, Г. Даннеманна (*G. Dannemann*)³⁹, Дж. Гордли (*J. Gordley*)⁴⁰, Р. Циммерманна (*R. Zimmermann*)⁴¹, Р. Эльгера (*R. Ellger*)⁴², Э. Вейнриба (*E. Weinrib*)⁴³, А. Бэрроуза (*A. Burrows*)⁴⁴, П. Биркса (*P. Birks*)⁴⁵, Э. Болл (*E. Ball*)⁴⁶, Р. Гоффа (*R. Goff*) и Г. Джонса (*G. Jones*)⁴⁷.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, складывающиеся между приобретателем (должником по обязательству) и потерпевшим (кредитором по обязательству) по поводу неосновательного обогащения первого за счет второго.

Предметом диссертационного исследования выступают нормы российской и зарубежных кодификаций гражданского права, а также

-
- ³¹ Каммерер Э. Обогащение и недозволенное действие. Часть первая // Вестник гражданского права. 2010. № 2. С. 246 – 288.
- ³² Wilburg W. Die Lehre von der ungerechtfertigten Bereicherung nach österreichischem und deutschem Recht. Graz. 1934.
- ³³ Schulz F. System der Rechte auf den Eingriffserwerb // Archiv für die civilistische Praxis. 105 Bd. H. 1. 1909
- ³⁴ Meier S. Mistaken Payments in Three-Party Situations: A German View of English Law // Cambridge Law Journal. № 56. 1999 P. 567.
- ³⁵ Canaris C.-W. Der Bereicherungsausgleich im Dreipersonenverhältnis // Festschrift für Karl Larenz. Munich. 1973.
- ³⁶ Martinek M. Das Recht der ungerechtfertigten Bereicherung und der Geschäftsführung ohne Auftrag // in J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen Eckpfeiler des Zivilrechts. Berlin: de Gruyter. 2008. S. 815-817.
- ³⁷ Kupish B. Rechtspositivismus im Bereicherungsrecht // JuristenZeitung. No. 5. 1997.
- ³⁸ Lorenz W. Gläubiger, Schuldner, Dritte und Bereicherungsausgleich // Archiv für die civilistische Praxis. Vol. 168 (3). 1968.
- ³⁹ Dannemann G. The German law of unjustified enrichment and restitution. Oxford, 2009.
- ⁴⁰ Gordley J. Foundations of Private Law: Property, Tort, Contract, Unjust enrichment. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- ⁴¹ Zimmermann R. A road through the enrichment forest? Experiences with a general enrichment action // The Comparative and International Law Journal of Southern Africa. Vol. 18 (1). 1985. P. 9-12.
- ⁴² Ellger R. Bereicherung durch Eingriff. Tübingen: Mohr. 2002. S. 40-65.
- ⁴³ Weinrib E. J. The Gains and Losses of Corrective Justice // Duke Law Journal. Vol. 44 (2). 1994.
- ⁴⁴ Burrows A. A Restatement of the English Law of Unjust Enrichment. Oxford. 2012.
- ⁴⁵ Birks P. Unjust Enrichment. Oxford. 2005.
- ⁴⁶ Ball E. Enrichment at the Claimant's Expense: Attribution Rules in Unjust Enrichment. Hart Publishing. 2019ю 270 p.; Goff R., Jones G. The Law of Restitution. 9th ed. London, 2016.
- ⁴⁷ Goff R., Jones G. The Law of Restitution. 9th ed. London, 2016.

негосударственных сводов, регулирующие отношения из неосновательного обогащения, российская и зарубежная судебная практика, теоретические концепции, предложенные в юридической литературе в отношении содержания условия «за счет» потерпевшего.

Целью диссертационного исследования является установление содержания условия «за счет» потерпевшего для возникновения обязательства из неосновательного обогащения.

Для достижения названной цели автором были поставлены следующие **задачи**, а именно:

- установить существующие модели построения системы кондикционных обязательств и определить их влияние на содержание условия «за счет»;
- определить содержание условия «за счет» в рамках унитарной модели кондикционного обязательства, а именно содержание условия «за счет» в рамках концепции причинно-следственной связи и концепции уменьшения наличного имущества потерпевшего;
- определить содержание условия «за счет» в рамках партикулярной модели кондикционного обязательства в зависимости от определенного вида кондикции;
- разрешить ситуации обогащения, осложненные участием третьего лица, с учетом содержания условия «за счет» потерпевшего.

Научная новизна исследования состоит в определении содержания условия возникновения обязательства из неосновательного обогащения «за счет» потерпевшего в зависимости от системы регулирования кондикционных обязательств: по модели единого регулирования для любого неосновательного обогащения либо по модели дифференциации этих обязательств. В диссертации доказано: условие обогащения «за счет» потерпевшего в рамках российского правопорядка (как правопорядка, построенного по унитарной модели) может определяться на основе концепции адекватной причинно-

следственной связи, что позволит с функциональной точки зрения приходить к тем же решениям спорных ситуаций, которые характерны для партикулярной модели. В связи с этим, выводы автора вносят вклад в развитие отечественного учения о неосновательном обогащении.

Проведенное исследование позволило сформулировать и обосновать следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Содержание условия «за счет» потерпевшего зависит от системы регулирования кондикционных обязательств. В системах, в которых кондикционное требование и его условия являются едиными для всех ситуаций неосновательного обогащения (унитарная модель кондикционного обязательства), условие «за счет» потерпевшего понимается либо как необходимость установления причинной связи между потерями потерпевшего и выгодами приобретателя, либо как уменьшение имущественной массы потерпевшего. В системах дифференциации регулирования ситуаций неосновательного обогащения (партикулярная модель кондикционного обязательства) условие «за счет» потерпевшего имеет различное содержание в зависимости от происхождения обогащения (обогащение в результате предоставления потерпевшего или обогащение в результате вмешательства приобретателя).

2. В рамках унитарной модели предпочтительным является толкование условия «за счет» потерпевшего в значении понятия «адекватная причинно-следственная связь» между действием или событием, приведшим к неосновательному обогащению, и выгодами приобретателя. При этом функционально данный подход позволяет получать решения конкретных ситуаций, аналогичных решениям, предложенным в партикулярной модели. Напротив, толкование условия «за счет» потерпевшего в значении уменьшения имущественной массы потерпевшего необоснованно сужает сферу действия правил об обязательствах из неосновательного обогащения.

3. Для ситуаций возникновения обогащения в результате вмешательства приобретателя в рамках партикулярной модели возможны два подхода к определению содержания условия «за счет» потерпевшего. Первый подход основан на теории *Zuweisungsgehalt* (нем.; прикрепленное содержание субъективного права), согласно которой совершение другим лицом действий, доступных только обладателю субъективного права, само по себе является достаточным для возникновения у действовавшего лица обязательства по возмещению неосновательного обогащения. Согласно второму подходу отражением условия «за счет» является противоправность действий приобретателя.

На основании анализа указанных подходов обосновано, что теория *Zuweisungsgehalt* (нем.) является предпочтительным механизмом для определения сторон кондикционного обязательства для данной группы случаев.

4. В рамках партикулярной модели стороны кондикционного обязательства, возникающего в результате действий потерпевшего, определяются на основании концепции целенаправленного предоставления, согласно которой должником по такому обязательству является лицо, на увеличение имущества которого было направлено предоставление потерпевшего. Такой подход позволяет обосновать невозможность истребования у приобретателя случайных выгод, которые у него образовались в результате удовлетворения потерпевшим собственных нужд в рамках реализации субъективного права.

5. В ситуациях обогащения, осложненных участием третьего лица, на которое должником было возложено исполнение обязательства, определение сторон кондикционного обязательства различается в случаях недействительности «отношения валюты» (правоотношение между кредитором и должником) и недействительности «отношения покрытия» (правоотношение между должником и третьим лицом). При недействительности отношения покрытия – обогащение за счет третьего лица возникает у должника. При недействительности отношения валюты –

обогащение за счет должника возникает у кредитора. При недействительности отношения валюты и отношения покрытия – обогащение за счет третьего лица возникает у должника.

6. Если третье лицо исполняет обязательство в отсутствии возложения должником либо недействительности возложения, обогащение за счет третьего лица возникает у кредитора. Если же возложение изначально имело юридическую силу, но утратило ее впоследствии, то обогащение за счет третьего лица возникает у должника.

Теоретическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования состоит том, что в работе определены возможные подходы к содержанию условия «за счет» потерпевшего для возникновения обязательства из неосновательного обогащения, а также рассмотрены их достоинства и недостатки с учетом системы отечественного законодательства и положений иностранной доктрины. Результаты исследования могут быть использованы для определения содержания иных условий возникновения кондикционного обязательства.

Выдвинутое в диссертации предложение о возможности использования теории адекватной причинно-следственной связи в рамках кондикционных обязательств решает проблему умножения понятий, что способствует взаимному влиянию работ по неосновательному обогащению и деликтам друг на друга и приводит к большей правовой определенности в сфере указанных обязательств. В связи с этим, сформулированные в диссертации выводы могут быть использованы для установления места неосновательного обогащения в системе обязательственного права и для его сопоставления с иными основаниями возникновения обязательств.

Практическая значимость исследования. Установление определенности по вопросу содержания условия «за счет» потерпевшего и предложения различных вариантов толкования данного условия состоит в возможности использования изложенных в настоящей работе подходов в

законопроектной работе, при подготовке разъяснений о толковании статьи 1102 ГК РФ Верховным Судом Российской Федерации, судами при разрешении конкретных споров, участниками гражданского оборота на досудебных и внесудебных стадиях разрешения спора. Результаты исследования могут быть также использованы в преподавательской деятельности.

Методологической основой исследования являются общенаучные методы (среди которых классификация, обобщение, описание, сравнение, анализ, синтез и другие) и юридические (частнонаучные) методы: логическое, системное и телеологическое толкование. В качестве юридических методов исследования особое значение приобрели метод сравнительного правоведения и историко-правовой метод, поскольку данные методы позволяют сформировать комплексное решение поставленных задач при исследовании условия «за счет» потерпевшего в рамках кондикционных обязательств с использованием богатого исторического опыта отечественного правопорядка и идей, предложенных в иностранной доктрине и судебной практике. В данной работе также использован функциональный метод для выявления общих для проанализированных правопорядков (каждый из которых имеет собственную традицию и многообразие особенностей) тенденций развития в сфере кондикционных обязательств.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности исследования подтверждается анализом отечественных и зарубежных нормативных актов, материалов судебной практики и доктринальных работ, что послужило основой для самостоятельных выводов и предложений, выработанных по результатам исследования на базе избранной автором методологической основы.

Основные выводы и положения исследования отражены в четырех научных статьях, опубликованных в рецензируемых изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ⁴⁸.

Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры гражданского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Для целей апробации автором подготовлены и представлены доклады на профильных конференциях⁴⁹, а также опубликованы научные статьи в специальных изданиях, результаты исследования использованы автором в практической деятельности и при проведении семинарских занятий по гражданскому праву на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова.

Структура работы задана целями и задачами исследования, а также использованными методами. Работа состоит из введения, двух глав, состоящих из семи параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

---

⁴⁸ Луданин Д.А. Уменьшение имущества потерпевшего как условие кондикционного требования // Вестник гражданского права. 2022. № 5. С. 59 – 84; Луданин Д.А. Причинная связь как отражение условия «за счет потерпевшего» в кондикционном обязательстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. № 3. С. 183 – 200; Луданин Д.А. К вопросу о системе кондикционных требований // Евразийская адвокатура. 2025. № 1 С. 25-32; Луданин Д.А. Особенности кондикционных требований, осложненных участием третьего лица // Вестник гражданского права. 2025. № 1. С. 7-42.

⁴⁹ Выступление на мероприятии ALUMNI Partners с докладом на тему «Нелинейность неосновательного обогащения» (09.12.2022); выступление на заседании студенческого кружка ГАУГН по гражданскому праву с докладом на тему «Проблемы судебной практики по спорам из неосновательного обогащения» (08.11.2023).

ГЛАВА 1. Унитарная модель кондикционного обязательства и присущее ей понятие обогащения «за счет» потерпевшего

§ 1. Унитарная модель кондикционного обязательства

Общая характеристика унитарной модели

В рамках унитарной модели кондикционное обязательство регулируется как единый вид обязательств без разделения на какие-либо подвиды. Считается, что такое единое регулирование подходит для разрешения любой ситуации, связанной с возвратом неосновательного обогащения. Соответственно, для такой модели характерно выделение общих и единых условий возникновения кондикционного обязательства вне зависимости от конкретной ситуации, в результате которой образовалось неосновательное обогащение.

Можно заметить, что еще в текстах Г. Гроция прослеживаются корни унитарной модели. В частности, автор отталкивался от идеи, что закон природы не терпит того, чтобы кто-либо увеличивал свои возможности, средства и блага грабежом других. По его мнению, данное положение продиктовано самой справедливостью и распространяет свое действие на абсолютно различные жизненные ситуации⁵⁰. На основании этого, голландский автор указывал, что кондикционное обязательство (в терминологии автора – обязанность, возникающая из собственности – *obligatio quae ex dominio oritur*) является единым и подчиняется одним и тем же правилам. Например, он указывал, что добросовестный владелец не несет обязанности возместить стоимость имущества в случае его гибели, но обязан возвратить полученные и сохранившиеся доходы⁵¹. Указанное правило распространяется на все случаи кондикционных притязаний вне зависимости от какого-либо их вида.

---

⁵⁰ Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир. 1994. С. 763.

⁵¹ Там же. С. 767-769.

Стоит отметить, что Г. Гроций был одним из первых авторов, который выделил неосновательное обогащение в качестве самостоятельного основания возникновения обязательств⁵². Напомним, что в его концепции основания возникновения обязательств делятся на соглашения и неравенство. Неравенство в свою очередь подразделяется на два случая: 1) вызванное действиями другого лица (деликт) и 2) вызванное обогащением. Последний из указанных случаев обязывает приобретателя компенсировать неравенство вне зависимости от формы обогащения⁵³.

Четкое оформление унитарная модель получила в трудах Ф.К. фон Савиньи. В своей фундаментальной работе «Система современного римского права» немецкий ученый указывал, что функция кондикции заключается в необходимости защиты лица, которое распорядилось своим имуществом, как если бы это лицо было собственником⁵⁴.

Для целей построения унитарной концепции автор проводит последовательный анализ различных случаев кондикций, известных еще римскому праву. Так, он указывает, что все известные кондикции можно разделить на пять групп:

- 1) собственник посредством доверенной собственности увеличивает имущество получателя;
- 2) случаи, когда получателю доверяют только владение, но он своими самовольными действиями добивается увеличения своего имущества;
- 3) случаи, когда увеличение имущества получателя произошло по воле собственника, но в результате ошибки;
- 4) случайное обогащение;
- 5) обогащение, которое возникло в результате действий приобретателя⁵⁵.

⁵² Grotius G. Inleiding tot de Hollandsche Rechtsgeleertkeyd (Цит. по Zimmermann R. The Law of Obligations: Roman foundations of the civilian tradition. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 885-886).

⁵³ Ibidem. P. 886.

⁵⁴ Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: В 8 т.: Пер. с нем. Т. 3. М., 2013. С. 651.

⁵⁵ Там же. С. 659.

Объединяя случаи обогащения в результате действий потерпевшего и случаи обогащения, возникающего в результате действий приобретателя, ученый делал вывод о том, что право неосновательного обогащения является, по сути, самостоятельной областью гражданского права, а не собирательным термином для отдельных квази-контрактов⁵⁶. Такой вывод стал возможен в связи с тем, что все указанные виды обогащения можно объединить одной формулой, структурные элементы которой как раз и отображают единство указанных видов. Данная формула, по мнению Ф.К. фон Савиньи, звучит следующим образом: увеличение одного имущества вследствие уменьшения другого, которое всегда было либо необоснованным, либо утрачивало свое изначальное основание⁵⁷.

Как указывал Ф.К. фон Савиньи, данная общая формула является той отправной точкой, из которой проистекают все конкретные кондикционные требования: все кондикции, изложенные еще римскими юристами, фактически основываются на идее неосновательного обогащения приобретателя, проистекающего из собственности потерпевшего⁵⁸. Иными словами, можно заключить, что любое неосновательное обогащение обусловлено переходом собственности от потерпевшего в пользу приобретателя.

Можно заметить, что эта идея также отражает основной постулат волевой теории Ф.К. фон Савиньи. Господство (*Herrschaftsmacht*) воли индивида – центральный принцип частного права и основа концепции субъективного права⁵⁹. Она проявляется как в вещном (господство над собственностью), так и в обязательственном праве (господство над действиями должника). Данная теория также является ключевой для догмы

⁵⁶ Там же. С. 670.

⁵⁷ Mugdan B. Die Gesamten Materialien zum burgerlichen Gesetzbuch fur das Deutsche Reich. Bd. 2: Recht der Schuldverhaltnisse. Scientia, 1979. S. 474. Martinek M. Das Recht der ungerechtfertigten Bereicherung und der Geschäftsführung ohne Auftrag // in J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einföhrungsgesetz und Nebengesetzen Eckpfeiler des Zivilrechts. Berlin: de Gruyter. 2008. S. 815-817.

⁵⁸ Савиньи Ф.К. фон. Указ. соч. С. 670-672.

⁵⁹ Третьяков С.В. Субъективное право как "последняя абстракция" цивилистики: генезис и структурные компоненты классической волевой теории // Вестник гражданского права. 2020. № 2. С. 18–59.

неосновательного обогащения. Если обогащение одного лица за счет имущества другого происходит по воле первого, то такое волевое решение одновременно является причиной перемещения имущества. Наоборот, отсутствие волевой легитимации приобретателя приводит к неосновательному перемещению имущества и, следовательно, становится условием для кондикционного притязания⁶⁰.

Как известно, при разработке ГГУ было принято решение закрепить именно общую формулу, разработанную Ф.К. фон Савиньи⁶¹. При обсуждении модели кондикционного требования, предлагаемой для закрепления в ГГУ, делая вывод в пользу унитарной модели⁶², составители руководствовались тем, что такое регулирование является более понятным, в большей степени соответствует принципам юридической техники, а также отвечает требованиям логичной систематики, когда общий принцип, из которого исходят более частные правила, помещается в самом начале изложения⁶³.

На основании этого появился § 812 ГГУ, первое предложение которого звучит следующим образом: *«лицо, которое без законных оснований приобретет что-либо вследствие исполнения обязательства другим лицом или иным образом за его счет, обязано возвратить ему полученное»*⁶⁴.

Несмотря на тот факт, что сама по себе формулировка нормы позволяет говорить о том, что имеются в виду два разных вида кондикции – путем предоставления и иным образом – отмечалось, что это является не более чем описанием возможных операций, приводящих к изменению имущественного

⁶⁰ Loewenheim U. Bereicherungsrecht. C.H. Beck Verlag. Munchen. 2007. S. 4-5.

⁶¹ Kupish B. Rechtspositivismus im Bereicherungsrecht: Nachlese zu einem alten Thema // JuristenZeitung, 1997. No. 5. S. 213-215; Jansen N. Op. cit. P. 9.

⁶² Интересно отметить, что в первом проекте ГГУ предлагалось в начале главы о неосновательном обогащении поместить четыре основных вида кондикций, заимствованных из римского права (condictio indebiti, condictio ob rem, condictio ob causam finitam, condictio ob turpem vel iniustam causam), а уже потом – общую норму, подобную формуле Ф.К. фон Савиньи. Как видно из нормы ГГУ о неосновательном обогащении, позже от этого отказались. Mugdan. Op. cit. S. 475.

⁶³ Mugdan. Op. cit. S. 1170.

⁶⁴ *«Wer durch die Leistung eines anderen oder in sonstiger Weise auf dessen Kosten etwas ohne rechtlichen Grund erlangt, ist ihm zur Herausgabe verpflichtet».*

положения приобретателя. В целом условия и характеристики кондикционного требования, возникающего в результате двух указанных операций, являются тождественными⁶⁵.

Кондикционные обязательства в целом направлены на разрешение одной и той же проблемы – устранение неэквивалентности, которая образовалась между сторонами по тем или иным причинам. Иными словами, все указанные случаи неосновательного обогащения функционально связаны между собой, в связи с чем было бы логично предусмотреть для них единое регулирование⁶⁶. Как указывал Й. Эссер, иск из обогащения – механизм контроля объективного права за тем, соответствует ли перемещению блага достойное защиты основание такого перемещения⁶⁷. Действительно, как в случае *condictio indebiti*, так и в случае обогащения, вызванного действиями приобретателя, конечный результат заключается в том, что потерпевший лишается определенного имущества, а приобретатель, наоборот, получает такое имущество. Соответственно, в двух указанных случаях, приведенных для примера, и в принципе во всех проявлениях неосновательного обогащения результат будет одинаковым: одно лицо обогащается за счет другого без правового основания. Получается, что если результат является одинаковым, то кондикционное обязательство, направленное на устранение такого результата, реализуется одинаково.

В ином случае, при делении кондикционного требования на виды, которые имеют свое самостоятельное *ratio*, следует сделать вывод, что само по себе кондикционное требование не имеет какого-либо аналитического

---

⁶⁵ Ibidem. S. 1170.

⁶⁶ Du Plessis J. Basic Features and Problems of Unjustified Enrichment // *Iurium itinera. Historische Rechtsvergleichung und vergleichende Rechtsgeschichte*. Mohr Siebeck: Tübingen. 2022. P. 563.

⁶⁷ Каммерер Э. Обогащение и недозволенное действие. Часть первая // *Вестник гражданского права*. 2010. № 2. С. 246 - 288.

содержания. В связи с этим, утверждаются, что неосновательное обогащение «не может быть одновременно и яблоком, и апельсином»⁶⁸.

Иными словами, общий кондикционный иск в силу генерального характера распространяет сферу своего применения на все ситуации, которые соответствуют указанному выше результату. По этой причине, исключена ситуация, когда исчерпывающее количество видов кондикции не покрывает какую-либо ситуацию неосновательного обогащения⁶⁹.

Тождественность результата для всех видов кондикции и необходимость наличия единого требования о возврате неосновательного обогащения приводит к тому, что условия такого требования должны быть идентичными для всех случаев неосновательного обогащения. В связи с этим, в доктрине авторы выделяют следующие условия для возникновения кондикционного обязательства: 1) обогащение, 2) которое происходит неосновательно 3) за чужой счет⁷⁰.

Л. Энекцерус указывал, что кондикционное обязательство является единым, в связи с чем должны быть сформулированы общие условия его возникновения. Ф. Эндеманн в своем учебнике писал, что нормы о неосновательном обогащении в ГГУ основаны на общем принципе, что никто не может обогащаться в ущерб другому. По мнению ученого, это положение проистекает из идеи необходимости восстановить справедливость во взаимоотношениях сторон. Основным случаем такой ситуации является *condictio indebiti*. При этом кондикционный иск является субсидиарным и подлежит удовлетворению только в тех случаях, когда невозможно использовать иные способы защиты (например, договорные или вещные)⁷¹.

⁶⁸ Saiman C. The Reemergence of Restitution: Theory and Practice in the Restatement (Third) of Restitution // Villanova Law Review. No. 52. 2006. P. 25.

⁶⁹ Gordley J. Foundations of Private Law: Property, Tort, Contract, Unjust enrichment. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 389-393.

⁷⁰ Enneccerus L. Das bürgerliche Recht. Allgemeiner Teil; Schuldverhältnisse. Marburg. 1900. S. 741-742. Matthiass B. Lehrbuch des Bürgerlichen Rechtes. Berlin. 1900. S. 622-623.

⁷¹ Endemann F. Lehrbuch des bürgerlichen Rechts. Berlin. 1900. S. 895-897.

Доктрина правопорядков общего права также имеет сторонников унитарной модели. Так, П. Биркс в первом издании своей работы⁷² указывал, что для определения ситуаций, к которым применяются правила о возврате неосновательного обогащения необходимо задать следующие вопросы:

- произошло ли обогащение на стороне приобретателя?
- произошло ли обогащение за счет потерпевшего?
- произошло ли обогащение в ситуации отсутствия правового основания для перемещения имущества?
- имеются ли у приобретателя какие-либо возражения, которые являются основанием для отказа в кондикционном требовании или уменьшении размера ответственности?

Как видно, первые три вопроса отражают те структурные компоненты кондикционного требования, которые выделялись немецкими авторами: обогащение, происходящее за счет потерпевшего, при отсутствии правового основания.

В работе А. Лоддера также указывается, что кондикционное требование по английскому праву состоит из следующих (уже несколько раз упомянутых) реквизитов: 1) неосновательное 2) обогащение 3) за счет потерпевшего⁷³. Иными словами, для любого кондикционного требования названный автор также формулирует одинаковые условия. Действительно, такой подход позволяет определенным образом упростить право неосновательного обогащения путем анализа любой фактической ситуации с точки зрения трех указанных выше вопросов.

Данные условия, которые фактически являются структурными компонентами кондикционного обязательства в рамках унитарной модели,

⁷² Birks P. An Introduction to the Law of Restitution. Oxford: Clarendon Press. 1989. P. 35.

⁷³ Lodder A.V.M. Enrichment in the Law of Unjust Enrichment and Restitution. Oxford and Portland, Oregon: Hart. 2012. P. 37-46.

приобрели признание не только в академической среде⁷⁴, но и в судебной практике⁷⁵.

Стоит отметить, что унитарная концепция реализована также в Модельных правилах европейского частного права (DCFR). В ст. VII.–1:101 (Основное правило) указано следующее: *«лицо, получившее неосновательное обогащение в результате невыгодных последствий для другого лица, обязано вернуть обогащение этому лицу»*⁷⁶. Как видно, данное правило также воплощает представление о едином кондикционном требовании, основные компоненты которого раскрываются в следующих статьях главы (книги) о неосновательном обогащении. При этом авторы сознательно использовали именно данный подход. Отмечается, что регулирование кондикционных обязательств в DCFR построено по модели, схожей с деликтной ответственностью: вместо инкорпорирования различных деликтов, разработчики вводят общее базовое правило, которое охватывает все известные деликты. При этом для целей применения данной нормы не имеет значения, возникает ли требование об обогащении в результате исполнения обязательств по несостоявшемуся соглашению или какого-либо правонарушения. Основное правило применяется как к обогащению, вызванному действиями потерпевшего, так и к обогащению, вызванному действиями приобретателя. Соответственно, основное правило специально сформулировано достаточно широко, чтобы охватить все возможные случаи. При этом в той же статье указывается, что общее правило применяется с учетом более конкретных правил, которые содержит DCFR⁷⁷.

⁷⁴ См., например, Virgo G. The principles of the law of restitution. Oxford University Press. 2015. P. 45-58; Goff R., Jones G. The Law of Restitution. 9th ed. London, 2016. P. 208; Edelman J., Bant E. Unjust enrichment. Second edition. Oxford; Portland: Hart Publishing. 2016. P. 115-135.

⁷⁵ Investment Trust Companies v Revenue and Customs Comrs [2012] EWHC 458 (Ch), [2012] STC 1150; Banque Financière de la Cité v Parc (Battersea) Ltd [1999] 1 AC 221; Bank of Cyprus v Menelaou [2015] UKSC 66.

⁷⁶ Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ.; Науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013. СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁷ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law Draft Common Frame of Reference (DCFR). Interim Outline Edition / Chr. von Bar, E. Clive, H. Schulte-Nölke et al. Sellier, 2008. P. 1479.

Для пояснения, как должны применяться эти правила, разработчики приводят следующий пример. Радиостанция публикует рекламный материал, который представляет из себя фотографию знаменитого пилота «Formula-1», слушающего портативный приемник, на котором отчетливо виден логотип радиостанции. Цель публикации состояла в создании впечатления, что пилот является слушателем радио и сторонником его передач. Фотография в качестве рекламного материала была опубликована без согласия пилота. Как утверждают разработчики DCFR, в данном случае радиостанция неосновательно (фотография опубликована без согласия спортсмена) обогатилась, получив актив (изображение спортсмена, опубликованное без выплаты компенсации), в связи с чем пилот понес потери (неполучение компенсации)⁷⁸.

Как видно, DCFR как пример авторитетной частноправовой унификации также использует унитарную модель кондикционного обязательства, которая, по мнению составителей, позволяет разрешать любые споры, связанные с возвратом обогащения.

Таким образом, унитарная модель постулирует общие условия возникновения обязательства для всех фактических ситуаций. Такой подход позволяет унифицировать и объединить все фактические ситуации, которые подпадают под сферу действия кондикционного требования, что устраняет противоречивость. Действительно, можно было бы сказать, что как в случае с *condictio indebiti*, так и в случае с обогащением, вызванным действиями приобретателя, указанные выше условия *prima facie* (1) одинаковы в применении и (2) позволяют в полной степени установить факт возникновения обязательства. Так, при платеже недолжного приобретатель получает денежные средства (обогащение) при отсутствии какого-либо соглашения или иного основания для такого платежа (неосновательное), при этом деньги

---

⁷⁸ Ibidem. P. 1482.

исходят от (за счет) потерпевшего. При обогащении, вызванном действиями приобретателя, например, в случае бездоговорного пользования чужим участком можно также увидеть наличие всех вышеперечисленных условий. Соответственно, за счет такого генерального характера унитарной модели практически не остается каких-либо ситуаций, не покрытых общим кондикционным требованием.

Другим аргументом в пользу унитарной концепции является идея о том, что с точки зрения систематики и юридической техники, унитарная модель позволяет с меньшими затратами изложить законодательный материал. В частности, утверждается, что такой подход позволяет более гармонично организовать учение о неосновательном обогащении без его деления на множество различных субинститутов⁷⁹.

Становление унитарной модели кондикционного обязательства в отечественном правопорядке

Для определения модели кондикционного обязательства, реализованного в российском праве, стоит охарактеризовать исторический путь его развития.

Исторически первым этапом в развитии отечественной концепции кондикционных обязательств является вторая половина XIX века – первое десятилетие XX века. Именно в это время начинает формироваться доктринальное учение о кондикционных обязательствах в России. Во многом это было обусловлено следующими причинами: (1) отсутствие закрепления концепции кондикционных обязательств в законе, (2) активной правотворческой деятельностью Сената в качестве суда кассационной инстанции, правовые позиции которого стали материалом для исследований, (3) развитие в иностранных правопорядках учения о неосновательном обогащении.

---

⁷⁹ Saiman C. Op. cit. P. 24-26.

В дореволюционном праве отсутствовали законодательные правила о неосновательном обогащении. Однако, как замечает Л.И. Петражицкий, хотя общее мнение юриспруденции отмечает, что в отечественном праве отсутствует иск о незаконном обогащении, «законы гражданские» содержат общее начало о возврате незаконного обогащения⁸⁰. По мнению ученого, такое положение дел противоречиво: кондикционного требования по действующему праву нет, но оно, тем не менее, существует⁸¹.

В связи с наличием объективной необходимости для разрешения споров, связанных с неосновательным обогащением, правоприменительная практика с помощью расширительного толкования выводила кондикционное требование из ст. 574 Свода законов Российской Империи (т. X, ч. 1): как по общему закону никто не может быть лишен прав без суда, то всякий ущерб в имуществе и причиненный вред или убытки налагают обязанность (на нарушителя) и предоставляет потерпевшему право требовать вознаграждения.

Так, указывалось, что данная норма основана на общих началах справедливости, согласно которым всякий ущерб в имуществе должен быть вознагражден тем, кто без законного основания получил от такого ущерба выгоду. При этом безвозмездный переход ценности из рук в руки не предполагается⁸². Такова была, по сути, общая формула иска о возврате неосновательного обогащения, которая, как можно заметить, соответствует названному выше унитарному подходу.

Применение этого подхода можно проиллюстрировать на примере дела, которое было рассмотрено Сенатом в 1907 году. Обстоятельства дела были следующие. Лицо А передало на хранение свои часы лицу Б (общественная баня). В результате небрежности лица Б часы были украдены, а с лица Б была

⁸⁰ Петражицкий Л.И. Иски о «незаконном обогащении» в 1 ч. X т. (к характеристике современной юриспруденции) // Вестник права. 1900. № 1. С. 2.

⁸¹ Там же. С. 3.

⁸² Решения Гражданского Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1907 год. Санкт-Петербург. 1907. С. 155-157.

взыскана стоимость часов в связи с ненадлежащим исполнением договора. Позже в рамках уголовного процесса вор вернул похищенные часы лицу А. В связи с этим, лицо Б предъявило иск о возврате стоимости часов, которая была с него взыскана ранее лицом А. Все инстанции отказали лицу Б в связи с тем, что в данном случае решение суда, которым взыскана стоимость часов в пользу лица А, вступило в законную силу⁸³. В данном случае наличие вступившего в силу решения суда фактически означало отсутствие такой характеристики кондикционного требования, как «предоставление без основания».

Отменяя нижестоящие решения судов, Сенат постановил, что лицо А в действительности обогатилось «на чужой счет»: у лица А одновременно оказалось и имущество, и его стоимость, хотя должно быть что-то одно. При этом Сенат указал, что само по себе решение о взыскании стоимости часов с лица Б не является препятствием для удовлетворения иска о возврате неосновательного обогащения⁸⁴.

В другом деле Сенат рассматривал вопрос, связанный с определением надлежащего должника (ответчика) по обязательству о возврате неосновательного обогащения. Лицо А передало в депозит суда денежные средства в обеспечение предъявленного к нему иска лица Б. Денежные средства во исполнение решения суда были переданы кредиторам лица Б. Однако впоследствии решение суда было отменено. Лицо А обратилось с иском о возврате неосновательного обогащения к кредиторам лица Б.

Рассмотрев дело, Сенат указал, что кредиторы лица Б не могут быть обязанными лицами перед лицом А, поскольку не состоят в каких-либо отношениях с лицом А. Обогатившимся является лицо Б, а не его кредиторы,

---

⁸³ Там же. С. 157.

⁸⁴ Там же.

поскольку выдача кредиторам денежных средств принесла пользу лицу Б как лицу, освободившемуся от обязательств перед кредиторами⁸⁵.

Как мы видим, несмотря на отсутствие законодательного регулирования Сенат с помощью толкования Свода законов не только рассматривал определенные споры, но и формировал общие правила относительно возврата неосновательного обогащения.

Стоит отметить, что в дореволюционной цивилистике имели место работы, в которых проводился глубокий анализ института обогащения.

Одним из таких исследований является работа Д.Д. Гримма «Очерки по учению об обогащении». Так, Д.Д. Гримм в своей работе, анализируя понятие «обогащение», указывает, что оно может иметь экономическое и юридическое значение. При этом юридическое значение состоит в отъемлемости обогащения, т.е. в том, может ли полученное обогащение быть истребовано управомоченным лицом. Обогащение, по мнению автора, не подлежит возврату в тех случаях, когда оно основано на законе, судебном решении или сделке (если стороны сами не придали ей неотъемлемому обогащению иной характер). Соответственно, под юридическим значением обогащения, подлежащего возврату, Д.Д. Гримм понимает его неосновательность⁸⁶.

Экономическое же понятие обогащения, по мнению автора, является более сложным. Д.Д. Гримм указывает, что обогащение одного лица на счет другого – увеличение имущества одного лица за счет имущества другого путем перехода благ из одного имущества в другое⁸⁷. Соответственно, делается вывод, что увеличение имущества приобретателя предполагает уменьшение имущества потерпевшего. При этом автор подчеркивает, что размер обогащения (а именно то, на сколько увеличилось имущество приобретателя) не зависит от уменьшения имущества на стороне

---

⁸⁵ Решения Гражданского Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1883 год. Екатеринослав. 1912. С. 286-287.

⁸⁶ Гримм Д.Д. Указ. соч. С. 31-33.

⁸⁷ Там же. С. 35.

потерпевшего. Например, в тех случаях, когда приобретатель отчуждает полученное от потерпевшего благо и получает его стоимостный эквивалент, такой эквивалент может не соответствовать фактическим убыткам потерпевшего (например, по причине того, что приобретатель смог продать вещь в два раза дороже ее номинальной стоимости)⁸⁸.

Таким образом описана общая идея понятия «обогащения»⁸⁹. Соответствие какой-либо фактической ситуации указанным критериям (экономическое значение) совместно с критерием «без законного основания» (юридическое значение) делает обогащение способным к взысканию со стороны потерпевшего. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что Д.Д. Гримм также придерживается унитарной концепции неосновательного обогащения, поскольку выделяет общие для всех ситуаций условия возникновения такого обогащения⁹⁰.

Представляется, что выделение определенных условий, при которых возможно предъявление требования о возврате неосновательного обогащения является существенным шагом, свидетельствующим о понимании авторами тех неблагоприятных последствий для оборота, которые может нести буквальное понимание формулы, выведенной Сенатом «никто не должен обогащаться в ущерб другому». Еще В. Розенблум отмечал, что недостаток всей практики, сформулированной Сенатом, заключается в отсутствии

---

⁸⁸ Там же. С. 36.

⁸⁹ Стоит отметить, что автор предлагает выделять несколько видов обогащения и, соответственно, несколько классификаций, основанных на различных критериях.

Первая классификация: чистое обогащение, т.е. ситуация, когда потерпевший не получает ничего взамен своего предоставления, и модифицированное обогащение, т.е. ситуация, когда потерпевший получает определенное благо, которое по своим характеристикам неэквивалентно предоставлению, сделанному потерпевшим.

Вторая классификация: прямое обогащение, т.е. когда ценность заключается в присоединении самого блага, и косвенное обогащение, т.е. когда ценность состоит в извлечении дополнительных благ из прямого обогащения. В данной ситуации косвенное обогащение предполагает наличие прямого.

Третья классификация: непосредственное, когда приобретатель обогащается за счет потерпевшего, и опосредованное обогащение, когда приобретатель обогащается не напрямую от потерпевшего, а при посредничестве третьего лица (Гримм Д.Д. Указ. соч. С. 48-51).

⁹⁰ Там же. С. 52. Такими условиями (для отъемлемого обогащения) являются: (1) увеличение имущества приобретателя за счет присоединения к его имуществу блага, принадлежащего потерпевшему, (2) уменьшение имущества потерпевшего, (3) переход благ без законного основания.

исключений из указанной формулы, при которых кондикционное требование не допускается (как например, ошибка или противоправность действий плательщика). В связи с этим автор заключает, что для Сената неосновательное обогащение всегда и безусловно подлежит возвращению⁹¹. Мысль В. Розенблума можно развить, указав на тот факт, что Сенат в принципе не указывал каких-либо условий возникновения кондикционного обязательства, что не только допускает их произвольное применение, но также не позволяет отличить от схожих правовых конструкций.

Г.Ф. Шершеневич специально подчеркивает, что в связи с тем, что такая формула может натолкнуть на мысль о необходимости применения норм о неосновательном обогащении в любой ситуации неэквивалентного обмена, необходимо установить условия возникновения таких обязательств⁹². Однако, как мы увидим далее, условия, сформулированные еще дореволюционной доктриной, в большинстве своем остались неизменными на протяжении всего развития отечественного учения о праве неосновательного обогащения.

Впервые нормы о неосновательном обогащении появились в проекте Гражданского Уложения Российской Империи 1905 г. в главе 3 книги 5 тома 5. В частности, ст. 1059, открывающая главу о неосновательном (в терминах Проекта – незаконном) обогащении, закрепляла известное общее правило, созвучное тому, которое уже было выработано Сенатом⁹³.

В качестве условий для возникновения кондикционного обязательства указываются: (1) наличие исполнения, (2) несуществование / недействительность обязательства, (3) ошибочное убеждение исполнителя,

⁹¹ Розенблум В. Иски из неправомерного обогащения // Юридический вестник. № 2. 1889. С. 278.

⁹² Шершеневич Г.Ф. Указ. соч.. С. 595.

⁹³ *«Никто не имеет права обогащаться на чужой счет без законного основания. Лицо, добросовестно получившее от кого-либо имущество или имущественную выгоду без законного основания, обязано возвратить полученное или стоимость...».*

что обязательство существует или действительно. Данные условия должны присутствовать одновременно⁹⁴.

При этом из анализа норм проекта следует, что основной вектор регулирования заключается в случаях *condictio indebiti*, т.е. предоставления недолжного. Какого-либо упоминания об обогащении в результате действий приобретателя в тексте Проекта не содержится. В комментарии к проекту указано, что составители умышленно оставили за скобками иные виды кондикции, кроме *condictio indebiti*, поскольку надлежащее регулирование, по мнению составителей, должно быть выработано судебной практикой (например, на откуп судов оставлены случаи приобретения имущества по безнравственному или противозаконному основанию)⁹⁵.

Дальнейшее развитие права неосновательного обогащения также идет в русле унитарной модели с выделением примерно одинакового перечня условий возникновения кондикционного обязательства и практически полным умолчанием о кондикции из вмешательства. Стоит лишь обратить внимание на норму о неосновательном обогащении (ст. 399), сформулированную в ГК РСФСР 1922 г.: «*обогатившийся за счет другого без достаточно установленного законом или договором основания обязан возвратить неосновательно полученное*». Как видно, данная норма воспроизводит положения дореволюционной юриспруденции, дополняя «новую» норму указанием на достаточное законное или договорное основание. Однако какой-либо кардинально новой правовой материи в данном случае не создается.

Вероятно, с этим связаны и комментарии ученых касательно данного положения. Так, А.Е. Семенова указывает следующие условия возникновения кондикционного обязательства: (1) отсутствие юридического основания, (2) увеличение имущества, (3) возникновение «за счет другого», т.е. обогащение

---

⁹⁴ Проект Гражданского уложения Российской империи. Книга 5: Обязательства. Т. 5 с объяснениями. СПб., 1899. С. 375-409.

⁹⁵ Там же. С. 377.

является результатом прямого уменьшения или ухудшения имущества другого лица⁹⁶.

Аналогичный список условий выделяет и М.А. Гурвич. Тем не менее, применительно к условию «за счет потерпевшего» автор указывает, что, во-первых, увеличение имущества связано с уменьшением, а, во-вторых, уменьшение может происходить как в форме положительного ущерба, так и в форме «неувеличения имущества на ту ценность, которая должна была в него поступить»⁹⁷.

Автор указывает, что один из основных случаев возникновения неосновательного обогащения происходит, когда одно лицо совершает действия, которые имеют своим предметом чужое имущество или связаны с вторжением в чужую имущественную массу. В качестве примера М.А. Гурвич указывает ситуацию, когда лицо перерабатывает сырье, принадлежащее другому лицу⁹⁸. Данная ситуация заключается в обогащении в результате действий приобретателя, однако каких-либо отдельных условий для удовлетворения такого кондикционного требования не приводится.

В схожем ключе размышляет и Е.А. Флейшиц, которая, в частности, подчеркивает, что обогащение может также состоять в безвозмездном пользовании вещью потерпевшего, в результате чего произошел износ такой вещи⁹⁹. При этом условия возникновения кондикционного обязательства также соответствуют вышеуказанным авторам.

В.А. Рясенцев при исследовании условий кондикционного требования, помимо установленных выше, указывает на дополнительное условие «внешне

---

⁹⁶ Семенова А.Е. Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и обязательства, возникающие из причинения вреда. Гражданский кодекс РСФСР. Научный комментарий под ред. С.М. Прушицкого и С.И. Раевича. Выпуск XX. Юридическое издательство НКЮ РСФСР. Москва. 1928. С. 6-8. Можно заметить, что те же самые условия выделяет и М.М. Агарков, останавливая свое внимание и выделяя в качестве «наиболее затруднительного» условие, связанное с отсутствием достаточного юридического основания (См. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М. 1940. С. 157-158).

⁹⁷ Гурвич М.А. Указ. соч. С. 88, 90.

⁹⁸ Гурвич М.А. Указ. соч. С. 95-96.

⁹⁹ Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 211.

правомерный характер сделанного приобретения или сбережения». Данное условие выводится автором для обоснования различий между кондикционным и деликтным требованиями, последнее из которых как внутренне, так и внешне является неправомерным¹⁰⁰. Представляется, что указание автора является скорее характеристикой неосновательного обогащения, но не условием возникновения кондикционного требования.

В рамках кодификации 1964 г. нормы о неосновательном обогащении вовсе сократились до двух статей. Однако помимо приобретения имущества законодателем была прямо сформулирована другая форма неосновательного обогащения – сбережение. Как отмечает О.С. Иоффе, приобретение имеет место, когда исполняется не существующая обязанность или уже исполненная обязанность. Напротив, сбережение возникает в ситуации, когда обогатившийся должен был израсходовать часть своих средств, но не израсходовал. Как указывает автор, *«неосновательное сбережение сохраняет без должных оснований имущество в прежнем размере, а положительный ущерб отражает имущественные потери, вызванные правонарушением»*¹⁰¹.

При этом в качестве условий для двух указанных форм обогащения выделяют одни и те же компоненты: (1) факт обогащения (2) одного лица за счет другого (3) при отсутствии к этому достаточных оснований¹⁰².

В современном ГК РФ обязательствам из неосновательного обогащения уделено больше внимания по сравнению с советским законодательством. Указывается, что в сфере обязательственного права кондикционные обязательства претерпели наибольшие изменения, в связи с чем перед

---

¹⁰⁰ Рясенцев В.А. Обязательства из так называемого неосновательного обогащения в советском гражданском праве // Ученые записки Московского государственного университета. Труды юридического факультета. 1949. Вып. 144. Кн. 3. С. 90.

¹⁰¹ Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит. 1975. С. 438-439.

¹⁰² Там же. С. 437-438.

современной юриспруденцией стоит задача существенной переоценки взглядов на данный правовой институт¹⁰³.

Вероятно, по этой причине в начале 2000-х можно было наблюдать рост числа диссертаций¹⁰⁴, посвященных исследованию обязательств из неосновательного обогащения. Между тем, как отмечают специалисты¹⁰⁵, кардинально новых путей в развитии кондикционных обязательств авторы этих работ не предлагали.

В ГК РФ сохраняется разделение обогащения на приобретение и сбережение. При этом не следует думать, что указанные формы свидетельствуют об использовании законодателем дифференцированного подхода. Хотя под случаи сбережения обычно попадают ситуации, связанные с обогащением активными действиями приобретателя, оно имеет место также и в случаях обогащения действиями потерпевшего.

Например, в одном из судебных дел рассматривалось требование истца о взыскании с ответчика неосновательного обогащения, связанного с незаконным пользованием имуществом. Суть дела заключается в следующем. Ответчик (второй приобретатель) по цепочке перепродаж (вторая сделка в цепочке) приобрел имущество – асфальтовый каток. Позже было установлено, что первая сделка была признана недействительной по банкротным основаниям (причинение вреда кредиторам в связи с выводом имущества из конкурсной массы). Далее истец виндизировал каток у ответчика-второго приобретателя и впоследствии предъявил к нему кондикционный иск в связи с незаконным пользованием чужим имуществом¹⁰⁶. С точки зрения формы

---

¹⁰³ Ем В.С. Обязательства вследствие неосновательного обогащения в современном российском гражданском праве // Законодательство, 1999, № 7. СПС «ГАРАНТ».

¹⁰⁴ См., например, Былков В.В. Проблемы правоотношений, возникающих вследствие неосновательного обогащения: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. Гранат М.А. Неосновательное обогащение в гражданском праве России: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. Климович А.В. Кондикционные обязательства в гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002.

¹⁰⁵ Гербутов В.С. Обзор диссертаций на тему неосновательного обогащения // Вестник гражданского права, 2008, № 2. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰⁶ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.02.2024 по делу № А26-9964/2022.

обогащения, в данном случае суд исходил из того, что ответчик не понес те расходы, которые он должен был бы понести в нормальной ситуации (сумма арендной платы за пользование участком), т.е. ответчик сберег имущество истца. При этом ответчик не совершил каких-либо активных действий, которые могли бы относиться к обогащению иным образом.

Как можно сделать вывод из современной правоприменительной практики, как в случаях с приобретением, так и в случаях со сбережением суды исходят из одних и тех же условий удовлетворения кондикционного иска (а, соответственно, из одних и тех же условий возникновения кондикционного обязательства). В одном из дел Верховный Суд РФ следующим образом охарактеризовал условия возникновения кондикционного обязательства¹⁰⁷:

«Обязательства из неосновательного обогащения возникают при наличии трех условий: если имеет место приобретение или сбережение имущества, то есть увеличение стоимости собственного имущества приобретателя, присоединение к нему новых ценностей или сохранение того имущества, которое по всем законным основаниям неминуемо должно было выйти из состава его имущества; приобретение или сбережение произведено за счет другого лица, что означает, что имущество потерпевшего уменьшается вследствие выбытия его из состава некоторой части или неполучения доходов, на которые это лицо правомерно могло рассчитывать; отсутствие правовых оснований, а именно приобретение или сбережение имущества одним лицом за счет другого не основано ни на законе (иных правовых актах), ни на сделке, прежде всего договоре, то есть происходит неосновательно».

---

¹⁰⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2021 № 71-КГ21-9-КЗ.

Аналогичным образом условия возникновения кондикционных обязательств перечисляются и в иных судебных актах. См., например, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2023 № 24-КГ23-17-К4, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.02.2021 № Ф05-24606/2020 по делу № А41-87784/2018, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.10.2020 № Ф05-16433/2020 по делу № А40-268986/2019.

Из указанной цитаты следует, что суд, употребляя приобретение и сбережение имущества, по сути, через запятую, руководствуется тем, что условия возникновения обязательства из неосновательного обогащения для двух указанных видов одинаковы. Иными словами, по мнению суда, между приобретением и сбережением нет никаких отличий и, соответственно, какая-либо дифференциация правового регулирования в этой сфере неуместна. При этом таким же образом (без какой-либо дифференциации) формулируют условия возникновения кондикционных обязательств и академические источники¹⁰⁸.

Тем не менее, в отечественной доктрине встречаются точки зрения, которые могут свидетельствовать о необходимости дифференцированного регулирования кондикционных обязательств. Так, К.А. Усачева обосновывает возможность унифицированного регулирования модели возврата при различных вариантах срыва договорных отношений (расторжение, недействительность, отказ от договора)¹⁰⁹. К.А. Усачева указывает, что к возврату полученного по отмененному договору должны применяться договорные правила, а не общие условия возврата неосновательного обогащения¹¹⁰. Данный вывод основан на том, что кондикционные нормы не учитывают договорное распределение рисков, в связи с чем являются несправедливыми при разрешении ситуаций возврата полученного по договору.

Иными словами, автор выводит из области кондикционных обязательств данные ситуации, что фактически означает дифференцированное

¹⁰⁸ Толстой Ю.К. Обязательства из неосновательного обогащения или сбережения имущества (юридическая природа и сфера действия) // Вестник ЛГУ. 1973. № 5. С. 140; Гражданское право. Особенная часть: учебник / Н.В. Багрова, Т.Ю. Баршпольская, Р.С. Бевзенко и др.; под ред. Е.С. Болтановой. Москва: ИНФРА-М, 2023. 583 с. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰⁹ Усачева К.А. Возвращение полученного как следствие расторжения нарушенного договора: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 193-202.

¹¹⁰ Указ. соч. С. 28-29.

регулирование для возврата полученного по отмененному договору (договорные нормы) и для иных случаев неосновательного обогащения.

Следует отметить определенное противоречие между материальным и коллизионным регулированием кондикционных обязательств в России. Как уже было сказано, ГК РФ не предусматривает какого-либо различного регулирования с точки зрения условий возникновения кондикционного обязательства в материальном праве. Вместе с тем, ГК РФ в разделе, посвященном коллизионным нормам, прямо указывает на дифференциацию правового регулирования неосновательного обогащения.

Согласно п. 1 ст. 1223 ГК РФ, по общему правилу, к обязательствам, возникающим вследствие неосновательного обогащения, применяется право страны, где обогащение имело место. При этом п. 2 ст. 1223 ГК РФ предусматривает, что, если неосновательное обогащение возникло в связи с существующим или предполагаемым правоотношением, по которому приобретено или сбережено имущество, к обязательствам, возникающим вследствие такого неосновательного обогащения, применяется право страны, которому было или могло быть подчинено такое правоотношение.

Предполагаемое правоотношение может иметь место в случае, когда потерпевший, совершая платеж, ошибочно исходил из того, что он уплачивает договорный долг приобретателю, который, в действительности, уже прекращен. Существующее правоотношение имеет место, когда, например, потерпевший-заказчик требует вернуть часть неотработанного аванса по договору от приобретателя-подрядчика в связи с тем, что часть работ по договору подряда не покрыта авансами¹¹¹. Указанное выше регулирование сближает кондикционную и договорную правовую квалификацию требования о возврате неотработанного аванса.

---

¹¹¹ Внедоговорные обязательства в международном частном праве: монография / В.Н. Борисов, Н.В. Власова, Т.П. Лазарева и др.; отв. ред. И.О. Хлестова. М.: ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2017. 160 с. Международное частное право: учебник / В.Н. Борисов, Н.В. Власова, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. Н.И. Марышева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. 848 с.

Общее же правило ориентировано в основном на те случаи, когда обогащение произошло в результате активных действий приобретателя. Например, оно может иметь место, когда приобретатель для стоянки судна определенное время пользовался причалом потерпевшего без какого-либо основания (поскольку причал находился в порту Ботсфьорд (Норвегия), то к спору были применены нормы голландского права)¹¹².

Несмотря на то, что указанное коллизионное регулирование может иметь определенные недостатки (исследование которых выходит за рамки настоящей работы), следует заметить, что его основным вектором является дифференцированный подход к различным случаям неосновательного обогащения. Иными словами, в отечественном правопорядке присутствует дифференциация кондикционных обязательств на коллизионном уровне. Однако в материальном праве господствует унитарная модель.

***

Переходя к рассмотрению содержания условия «за счет», следует сказать, что в унитарной модели выделяется две группы подходов по данному вопросу: (1) условие «за счет» является отражением концепции причинно-следственной связи и (2) условие «за счет» означает уменьшение наличного имущества потерпевшего. Ниже мы разберем последовательно обе данные группы.

§2. Обогащение «за счет» потерпевшего в значении причинной связи между выгодами приобретателя и потерями потерпевшего

Существует мнение о том, что содержание условия «за счет потерпевшего» заключается в необходимости установления определенного вида связи между выгодами, которые извлек приобретатель, и потерями, которые причинены потерпевшему, образовавшимися в результате события обогащения. Как было сказано выше, ключевой функцией условия «за счет

---

¹¹² Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 07.07.2022 по делу № А59-1461/2021.

потерпевшего» является легитимация активной и пассивной стороны кондикционного обязательства. В связи с этим, в зарубежных правовых порядках распространен подход¹¹³, согласно которому для определения должника и кредитора в кондикционном обязательстве необходимо определить характер связи между данными субъектами.

В данной области есть несколько подходов к пониманию характера связи между должником и кредитором по кондикционному обязательству¹¹⁴, однако наиболее популярным среди исследователей является подход, согласно

¹¹³ См, например, Goff R., Jones G. *The Law of Restitution*. 9th ed. London, 2016. P. 208; Birks P. *Unjust Enrichment*. Oxford University Press; 2nd edition. 2005. P. 70.

¹¹⁴ Что касается иных теорий, можно упомянуть, так называемую, теорию транзакционной связи (*transactional link theory*). Данная теория исходит из тезиса, что между сторонами кондикционного правоотношения всегда присутствует определенная транзакционная связь (*transactional link*), которая индивидуализирует сторон кондикционного обязательства (Edelman J. Bant E. *Unjust enrichment*. Second edition. Oxford; Portland, Or.: Hart Publishing. 2016. P. 124). При этом такая связь понимается не как нечто, связанное с договорным правом или понятием сделки, но, наоборот, ее необходимо понимать более широко как всякое действие (*action*), происходящее между сторонами. В связи с этим, сторонами кондикционного правоотношения будут являться такие лица, между которыми это действие имеет место, что означает невозможность предъявления требования из неосновательного обогащения к случайному выгодоприобретателю (Ibid. P. 125).

С помощью данной теории становится возможным непротиворечивое разрешение указанного выше казуса с отоплением квартиры. Теория транзакционной связи исходит из того, что в случае с обогревом квартиры действие (*action*) происходит между собственником квартиры и поставщиком коммунального оборудования, но не между двумя собственниками, поскольку собственник квартиры, расположенной этажом выше, является лишь случайным выгодоприобретателем, который не вовлечен в транзакцию.

Для иллюстрации механизма действия данного института можно привести следующий пример. В деле *Eighty-Second Vocation Pty Ltd v Parere Investments Pty Ltd* участники одной компании А обратились с кондикционным иском к другому юридическому лицу Б в связи с тем, что компания-приобретатель Б обогатилась путем приобретения клиентелы (*goodwill*) компании А. Суд отказал в удовлетворении требования, сославшись на то, что у участников нет права на иск, поскольку транзакционная связь была между юридическими лицами. Сами же участники не являлись стороной этого правоотношения: простого уменьшения стоимости долей участников компании недостаточно для вывода о возникновении у них кондикционного права требования (Ibid. P. 126).

Однако, как можно заметить, отсутствие какого-либо содержания понятия «действие» (отсутствие четких критериев данного понятия или структурных компонентов связи, которую авторы предлагают искать между кредитором и должником) не позволяет применить теорию транзакционной связи к вполне стандартным ситуациям неосновательного обогащения. В результате этого происходит нарушение законов формальной логики – появляется круг в определении: данная теория предлагает разрешать вопрос о легитимации (первое неизвестное) через нахождение «действия» между сторонами (второе неизвестное).

В связи с вышеуказанным недостатком возникают иные проблемы в правильном применении этого подхода. Например, если согласиться с тем, что между сторонами действительно может быть определенная транзакционная связь, которая основана на понятии «действия», то каким образом можно отличить те действия, которые устанавливают связь между должником и кредитором в кондикционном обязательстве и все другие действия, которые связывают сторон (должника и/или кредитора) с третьими лицами, но являются недостаточными для вывода о возникновении обязательства. Иными словами, если взять вышеуказанный пример с ошибочным переводом от А к С, то наличие множества связей очевидно. Однако какие из них ведут к определению надлежащего должника, а какие нет – остается загадкой в рамках данной теории.

которому условие «за счет потерпевшего» предполагает установление *причинной* связи между выгодами должника и потерями кредитора по кондикционному обязательству.

При этом в рамках концепции причинно-следственной связи можно выделить определенные подходы, которые по аналогии с теориями, распространенными в сфере гражданско-правовой ответственности, можно именовать: (1) теория необходимого условия (*but-for test*) и (2) теория адекватной причинности. Ниже приведен анализ данных подходов.

1) Теория необходимого условия

Данный подход заключается в том, что для определения содержания условия «за счет потерпевшего» необходимо установить причинную связь между выгодами приобретателя и уменьшением имущества потерпевшего. При этом такая зависимость описывается с помощью концепции необходимой причины (*but-for test*).

Так, П. Биркс указывал, что «плюс» в имущественной сфере должника и «минус» в имущественной сфере кредитора находятся в причинной взаимосвязи, причем характер такой связи описывается с помощью теста необходимого условия (*but-for test*): если бы кредитор в кондикционном обязательстве не понес потери, то приобретатель не получил бы выгоды, которые составляют его обогащение¹¹⁵. Для подтверждения обоснованности такого подхода автор ссылается на дело *Lipkin Gorman v Karpnale Ltd (1988)*, в котором партнер юридической фирмы растратил денежные средства клиента в казино. Несмотря на то, что клиент и казино не имели непосредственных отношений друг с другом, суд удовлетворил кондикционный иск клиента к

---

¹¹⁵ Birks P. Op. cit. P. 78-79. Можно заметить, что концепция причинной связи между выгодами должника и потерями кредитора по кондикционному обязательству основана на идее необходимого условия (*conditio sine qua non* или *but-for test*), которая распространена в сфере гражданско-правовой ответственности. Суть данной идеи заключается в том, что при установлении причинной связи между конкретным действием и наступившим вредом необходимо выяснить, наступил бы вред при отсутствии спорного действия (См. подробнее, например, Лухманов М.И. Установление фактической причинной связи в деликте // Вестник гражданского права. 2021. № 5. С. 86 - 132.).

казино, указав, что обогащение казино было бы невозможно без уменьшения имущества клиента.

В авторитетном труде Р. Гоффа и Г. Джонса изложена точка зрения, согласно которой для условия «за счет потерпевшего» достаточно установить, что выгоды и потери связаны друг с другом причинной связью (*connected by a causal link*), поскольку в результате обогащения должник извлекает выгоды, а кредитор несет потери¹¹⁶. В этом выражается их взаимосвязь. По мнению авторов, такой подход позволяет обосновать наличие кондикционного требования в тех ситуациях, когда между потерпевшим и приобретателем находится третье лицо, т.е. когда обогащение приобретателя не происходит напрямую из имущества потерпевшего. Так, когда А без законного основания платит Б, а Б осуществляет предоставление в пользу С, можно было бы установить, что С обогащается за счет А, если А может доказать, что Б не осуществил бы предоставление С, если бы только не платеж, полученный от А¹¹⁷.

Такой подход предоставляет понятный механизм установления обязанной и управомоченной стороны в кондикционном обязательстве. Например, можно представить следующую ситуацию. Один бренд одежды в определенный момент времени становится очень модным, тогда как другой бренд, наоборот, выходит из моды. Это влечет увеличение активов изготовителя / продавца первого бренда, поскольку потребители приобретают большее количество его товара. Изготовитель / продавец второго бренда одежды «теряет» потенциальных клиентов и, соответственно, потенциальную прибыль. В такой ситуации можно было бы сказать, что первый продавец обогащается за счет второго, поскольку имущество второго уменьшается. Однако в данном случае как увеличение имущества первого продавца, так и

¹¹⁶ Goff R., Jones G. Op. cit. P. 199.

¹¹⁷ Goff R., Jones G. Op. cit. P. 209. Аналогичной точки зрения (описание связи между выгодами должника и потерями кредитора с помощью механизма необходимого условия) придерживались и иные авторы (Virgo G. *The Principles of the Law of Restitution*. Oxford University Press. 2015. P. 107-110. Mitchell C. *Liability Chains. Unjust Enrichment in Commercial Law*. Ed. by: Simone Degeling, James Edelman. Australia. 2008. P. 135. Rinfret T. *Unjustified Enrichment in Quebec* // *The Canadian Bar Review*. № 5. 1937. P. 336).

обеднение второго является результатом экономических и рыночных закономерностей, и уменьшение имущества второго продавца *причинно никак не связано* с обогащением первого¹¹⁸.

И наоборот, в деле *Harrison v Pryse (1740)* имели место следующие фактические обстоятельства. Лицо А перечислило на счет Б 1 000 фунтов в качестве оплаты за приобретение акций компании. При перечислении акций на счет покупателя Б совершил ошибку и перевел их другому лицу (С), которое являлось полным тезкой лица А. По причине того, что А не получило акции оно обратилось с кондикционным требованием к С. Хотя суд и обратил внимание, что требование должно было быть предъявлено не к С, а к Б, который не исполнил свои договорные обязательства, иск, тем не менее, был удовлетворен, поскольку в конечном счете стоимость акций и полученных от них доходов впоследствии все равно была бы взыскана из имущества лица С. Таким образом, в данном деле суд допустил прямое требование к опосредованному приобретателю, исходя из того, что блага, которые получил С, связаны исключительно с уменьшением имущества А.

Как можно заметить, данный подход исходит из необходимости установления причинной связи между потерями кредитора и выгодами должника. Потери кредитора должны быть своего рода зеркальным отражением выгод приобретателя¹¹⁹. В частности, утверждается, что недостаточно указать на уменьшение имущества потерпевшего; важно продемонстрировать, что должник не получил бы никакой выгоды, если бы кредитор не лишился своего имущества. Иными словами, выгоды должника должны следовать из потерь кредитора¹²⁰. Соответственно, в тех случаях, когда указанная причинная зависимость имеет место, то обогащение считается происходящим за счет потерпевшего.

¹¹⁸ Clive E.M. Judicial abolition of the error of law rule and its aftermath. Discussion Paper No. 99. Scottish Law Commission. 1994. P. 29

¹¹⁹ Birks P. Op. cit. P. 79.

¹²⁰ Rinfret T. Unjustified Enrichment in Quebec // The Canadian Bar Review. № 5. 1937. P. 336.

Отметим, что данный подход также отражен в DCFR. Так, в DCFR указано, что одним из реквизитов кондикционного обязательства, наравне с обогащением, являются также потери кредитора (*disadvantages*)¹²¹. Лицо считается потерпевшим вследствие (1) уменьшения имущества или увеличения обязанностей, (2) оказания услуги или выполнения работы или (3) использования имущества такого лица другим лицом (ст. VII.-3:102). При этом самих по себе потерь недостаточно, для возникновения кондикционного обязательства необходимо установить причинную связь между обогащением должника и потерями кредитора (ст. VII.-4:101)¹²².

В DCFR отсутствует понятие причинной связи, вместо этого в статье приводится лишь неисчерпывающий перечень примеров ситуаций, в которых между обогащением и потерями присутствует причинная связь¹²³. При этом из анализа данных примеров следует, что в широком смысле речь идет о случаях, когда потерпевший передал обогащение приобретателю или когда приобретатель извлек обогащение от потерпевшего. Для некоторых более сложных ситуаций в DCFR предусмотрены отдельные статьи (например, для ситуаций обогащения, в которых участвует более двух лиц).

Стоит обратить внимание на ст. VII.-4:107 DCFR, в которой указано, что *«обогащение может возникнуть вследствие потери, понесенной третьим лицом, даже если обогащение и потеря не совпадают по характеру и стоимости»*.

¹²¹ Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ.; Науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013. СПС «КонсультантПлюс»

¹²² Там же.

¹²³ VII.-4:101 DCFR: Примеры причинной связи
«Причинная связь между обогащением и ущербом другого лица существует, в частности, если:
 (a) *имущество такого лица передается этим лицом обогатившемуся;*
 (b) *такое лицо оказывает обогатившемуся услугу или выполняет в его пользу работу;*
 (c) *обогатившийся использует имущество такого лица, особенно в тех случаях, когда обогатившийся нарушает права или охраняемые законом интересы потерпевшего;*
 (d) *такое лицо производит улучшения имущества обогатившегося; или*
 (e) *такое лицо освобождает обогатившегося от обязанности»*

В комментариях разработчиков DCFR указано, что данное положение призвано прояснить, что в определенных случаях характер, размер и форма обогащения и потерь может не совпадать. Другими словами, установление причинной связи не предполагает корреляции между обогащением и потерями по названным выше параметрам¹²⁴. Для иллюстрации этой идеи приводят следующий пример. Y – товарищество, председателем которого является X. Действуя от имени товарищества, X поручает строительной компании B построить для себя роскошную виллу. Строительство при этом оплачивается со счета Y, на который X переводит свои денежные средства для покрытия этих счетов. Позже X перестает финансировать строительство, но выполнение работ B продолжают оплачиваться со счета Y. В данном примере X обогатился за счет получения услуг и активов от B (работы и материалы), потери Y заключались в осуществлении платежей в адрес B¹²⁵.

Из этого примера следует, что потери Y не соответствуют обогащению X как по форме, так и, вероятно, по стоимости. Хотя в данном примере имущество Y фактически уменьшилось, основной акцент должен быть сделан на том, по какой причине это случилось. Несмотря на то, что платежи были сделаны в адрес B, обогатившимся является именно X, поскольку нарушил право Y требовать лояльного отношения со стороны X.

Отметим, что теория необходимой причины описывается не только в странах общего права и DCFR, но и в доктрине иных правопорядков.

В работе голландского правоведа Э. Шраге указано, что удовлетворение кондикционного требования возможно только в том случае, если истец докажет наличие причинной связи между своим обеднением и обогащением приобретателя¹²⁶.

---

¹²⁴ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law Draft Common Frame of Reference (DCFR). Interim Outline Edition / Chr. von Bar, E. Clive, H. Schulte-Nölke et al. Sellier, 2008. P. 1553.

¹²⁵ Ibid. P. 1554.

¹²⁶ Schrage E.J.H. On Obligations that arise from unjustified enrichment. Digesta. 2005. P. 397-399.

Можно обратить внимание, что Ф. Шульц в рамках своей теории противоправности обогащения (*Rechtswidrigkeitstheorie*) также воспроизводит данную концепцию: для возникновения кондикционного требования между выгодами должника и его неправомерными действиями должна быть причинно-следственная связь¹²⁷. В частности, он указывает, что если выгоды приобретателя могли бы быть получены и без противоправных действий за счет потерпевшего, то кондикционное требование не возникает. Иными словами, если бы приобретатель все равно получил бы благо и без нарушения, то кондикционное требование не является возникшим¹²⁸.

Е. Годэмэ писал, что для того, чтобы кондикционное требование имело основание, достаточно наличия отношения причинности. При этом причиной обогащения приобретателя является уменьшение имущества потерпевшего¹²⁹.

При этом Е. Годэмэ делает оговорку, что такое отношение имеется только в том случае, если обогащение причинено проявлением *необычной активности*. Для пояснения этого тезиса приводится следующий пример. Собственник, который сносит свою стену (забор) и открывает соседнему участку более широкий вид, не будет иметь права требовать возврата обогащения, возникшего в связи с более привлекательной рыночной характеристикой соседнего земельного участка. Поскольку собственник, снесший стену, лишь реализовывал свои права так, как это принято в обороте и, вероятно, для удовлетворения каких-либо своих хозяйственных нужд, нельзя говорить о возникновении какого-либо неосновательного обогащения у собственника соседнего участка¹³⁰. Вероятно, данная оговорка делается автором для того, чтобы обосновать отсутствие причинно-следственной связи и соответственно исключить применение норм о неосновательном

¹²⁷ Schulz F. System der Rechte auf den Eingriffserwerb // Archiv für die civilistische Praxis. 105 Bd. H. 1. 1909. S. 438.

¹²⁸ Ibid. S. 438.

¹²⁹ Годэмэ Э. Общая теория обязательств. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 304.

¹³⁰ Там же. С. 303.

обогащении для ситуаций, в которых обогащение является результатом рефлексивного действия субъективного права.

В российской судебной практике также можно обнаружить примеры, когда суды, помимо прочего, требуют от кредитора доказывания причинной связи между неосновательным извлечением благ приобретателем и наступившими последствиями в виде уменьшения имущества потерпевшего. Например, в одном из постановлений суд округа прямо указал:

*«Для удовлетворения иска о взыскании неосновательного обогащения необходимо установить одновременно наличие следующих обстоятельств: возникновение на стороне ответчика имущества (в форме приобретения или сбережения), отсутствие для этого правовых оснований, уменьшение имущества истца, **причинная связь** между первым и последним обстоятельствами»¹³¹.*

Помимо этого, некоторые суды придерживаются такого подхода к неосновательно полученным доходам, извлеченным должником из своего неосновательного обогащения. Например, в одном из дел при толковании ст. 1107 ГК РФ суд указал: *«в данном случае законодатель исходит из того, что если бы не было факта неосновательного приобретения, то потерпевший сам бы получил эти доходы»¹³².*

Тем не менее, эта теория вызывает критику.

Во-первых, как утверждает Е.А. Флейшиц, между уменьшением имущества потерпевшего и увеличением имущества приобретателя не может быть причинно-следственной связи, поскольку увеличение и уменьшение являются однородными последствиями: *«то и другое – уменьшение имущества*

¹³¹ См. постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19.05.2023 N Ф06-2491/2023 по делу 3 А57-10629/2022. Аналогичная позиция отражена, например, в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.08.2024 по делу № А75-11635/2023, Постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11.03.2024 по делу № А43-8852/2019, Постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.11.2023 по делу № А43-24943/2021;

¹³² См., например, определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.10.2022 по делу № 88-23017/2022.

потерпевшего и увеличение имущества обогатившегося – являются нераздельным результатом определенного действия или события»¹³³.

М. А. Гурвич также рассматривал уменьшение и увеличение имущества как следствия одного события или действия, отрицая, тем самым, какую-либо причинно-следственную связь между данными категориями¹³⁴.

Действительно, данная позиция имеет право на существование. Традиционно причинно-следственная связь рассматривается как нечто последовательное и линейное. Соответственно, причина всегда предшествует результату (т.е. следствию) и в таком случае, когда изменения в имущественных сферах потерпевшего и приобретателя происходят одновременно, ничто из указанных изменений не может предшествовать друг другу.

В связи с указанным выше, вполне возможно допустить ситуации, когда обогащение одного лица не находится в причинно-следственной связи с потерями другого, но при этом все равно подлежит взысканию. Так, Э. Болл приводит достаточно интересный пример: если подброшенная монета приземляется «решкой» вверх, то, что она упала «орлом» вниз, не является причиной ее приземления «решкой» вверх. Соответственно, причиной потерь кредитора, как указывает Э. Болл, являются не выгоды должника, а какое-либо действие, которое привело к возникновению выгод и потерь, т.е. бросок монеты¹³⁵.

В качестве примера можно привести дело *Huntley Management Ltd v Australian Olives Ltd. (AOL)*. Фабула данного дела заключалась в том, что AOL по нескольким инвестиционным проектам был агентом, которого позже сменил Huntley. В связи с тем, что в пользу AOL был авансом выплачен агентский роялти, Huntley обратился в суд с требованием о взыскании той

¹³³ Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 212. С этой точкой зрения выражает согласие Д.А. Ушивцева (См. подробнее Ушивцева Д.А. Обязательства вследствие неосновательного обогащения: вопросы теории и практики. Тюмень: Слово, 2006 // СПС КонсультантПлюс).

¹³⁴ Гурвич М.А. Указ. соч. С. 90-91.

¹³⁵ Ball E. Enrichment at the Claimant's Expense: Attribution Rules in Unjust Enrichment. Hart Publishing, 2016. P. 120-133.

части роялти, которая приходилась на период, когда AOL перестал быть агентом и его функции начал выполнять Huntley. Однако суд отказал в иске, поскольку у AOL были правоотношения с инвесторами, но не с Huntley¹³⁶.

Э. Болл толкует вывод суда таким образом, что в иске было отказано правомерно, хотя выгоды AOL корреспондировали потерям Huntley. AOL в любом случае получил бы выплаченное ему роялти, независимо от того, понес ли новый агент какие-либо потери или нет. Данная логика работает и в обратную сторону: даже если бы AOL не получил никакой выгоды, Huntley все равно бы понес потери в виде невыплаченного роялти. Соответственно, между потерями Huntley и выгодами AOL нет никакой *связи*, поскольку выгоды и потери в данном деле не являются однопорядковыми эффектами одного и того же события¹³⁷.

Во-вторых, стоит отметить, что механизм теста необходимого условия, как указано выше, проистекает из института гражданско-правовой ответственности. В рамках данного института причинно-следственная связь играет ключевую роль, поскольку позволяет определить те обстоятельства, за которые должник несет ответственность, и те обстоятельства, которые не находятся в причинно-следственной связи с поведением должника. В связи с тем, что таких различных обстоятельств может быть множество и для цели поиска именно того обстоятельства, которое привело к причинению вреда, была разработана теория необходимого условия.

Напомним, что механизм действия этой теории заключается в следующем: идентифицируется определенное действие ответчика и мысленно исключается. Если результат в виде причинения вреда истцу все равно произойдет, то действия ответчика не могут быть признаны необходимым условием причинения вреда¹³⁸.

---

¹³⁶ Ball E. Op. cit. P. 105.

¹³⁷ Ibidem. P. 105.

¹³⁸ Лухманов М.И. Установление фактической причинной связи в деликте // Вестник гражданского права. 2021. № 5. С. 86 - 132.

Как видно, *but-for test* необходим для того, чтобы, во-первых, определить круг условий причинения вреда и, во-вторых, отсесть все не относящиеся к конкретному делу обстоятельства¹³⁹. Стоит согласиться, что в сфере гражданско-правовой ответственности данный тест, действительно, может быть актуален.

Однако в области права неосновательного обогащения данный тест вряд ли реализует заложенную в нем функцию. Дело в том, что в ситуации неосновательного обогащения отсутствует подобная множественность обстоятельств, которые привели к возникновению потерь у кредитора. Как следует из подхода указанных выше авторов, таким обстоятельством является лишь извлечение должником определенных выгод, какого-либо иного обстоятельства, являющегося причиной уменьшения имущества кредитора, не называется. В свете этого, мысленное исключение данного звена не дает какой-либо существенной пользы для установления сторон обязательства, так как отсутствует совокупность обстоятельств, которые потенциально могли бы являться причинами уменьшения имущества. В таком случае мысленное исключение факта извлечения должником определенных выгод не имеет смысла. Вероятно, по этим причинам в деле *Investment Trust Companies v Her Majesty's Commissioners for Revenue and Customs (2012)* в контексте толкования условия «за счет потерпевшего» было указано, что тест необходимого условия является слишком расплывчатым, чтобы вносить какую-либо ясность (*too vague to provide clarity*)¹⁴⁰.

Таким образом, тест необходимого условия функционально не соответствует задачам права неосновательного обогащения.

В-третьих, при данной трактовке теории причинной связи возникает опасность признания лица управомоченным на предъявление кондикционного

¹³⁹ Horton Rogers W.V. Causation under English Law // Unification of Tort Law: Causation / Ed. by J. Spier. P. 39. (Цит. по Михайлов В.С. Указ. соч. С. 144).

¹⁴⁰ *Investment Trust Companies v Revenue and Customs Comrs* [2012] EWCH 458 (Ch), [2012] STC 1150.

требования даже в тех ситуациях, в которых традиционно такое требование должно исключаться. Поясним данный тезис на указанных ниже примерах.

Можно привести пример с обогревом квартиры. Собственник квартиры с помощью специального оборудования, установленного поставщиком коммунальных услуг, обогревает свою квартиру. Однако оборудование работает очень активно, и обогревает одновременно квартиру соседей, расположенную на этаж выше¹⁴¹. Используя логику теории причинной связи, можно было бы сделать вывод, что собственник верхней квартиры должен был выплачивать стоимость обогрева его квартиры, поскольку если бы собственник квартиры, расположенной этажом ниже, не обогревал свою квартиру, то приобретатель не получил бы обогащение в форме сбережения расходов на обогрев.

Несмотря на то, что в данном случае обогрев квартиры, расположенной этажом выше, является случайной выгодой (*incidental benefit*), которая не подлежит взысканию¹⁴², теория причинной связи при ее применении приводит к противоположному результату.

Теория причинно-следственной связи также содержит негативные результаты в трехсторонних отношениях. В частности, на основании указанной теории нельзя найти правильное решение для следующего казуса. По поручению лица В лицо А перечисляет денежные средства в адрес С, полагая, что делает это во исполнение обязательства В перед С. Однако в действительности не существует какого-либо обязательства В перед С. К кому в такой ситуации должно быть адресовано кондикционное требование: к С или к В? С использованием теории необходимой причины возможно обосновать, что требование должно быть предъявлено к лицу С, так как оно фактический получатель: если бы А не осуществил предоставление, то С не получил бы

---

¹⁴¹ Ball E. Abandonment and the Problem of Incidental Gains in the Law of Restitution of Unjust Enrichment // *Restitution Law Review*. Vol. 49. 2011. P. 50.

¹⁴² *Ibidem*. P. 49.

денежные средства. С использованием той же логики можно сделать вывод, что А должен предъявлять требование к В, так как поручение на перевод средств исходило от В и именно он «организовал» передачу денег от А к С. Как видно, на основании теории необходимой причины можно попытаться обосновать оба указанных решения.

Для демонстрации негативных результатов, к которым может привести применение теории причинной связи в сфере кондикционных обязательств можно сослаться на пример из российской судебной практики.

Фабула дела заключается в следующем. Заказчик и подрядчик заключили государственный контракт на выполнение строительно-монтажных работ. В обеспечение обязательств по выполнению работ были предоставлены банковские гарантии, а для обеспечения исполнения по банковским гарантиям были заключены договоры поручительства. В дальнейшем заказчик отказался от исполнения договора в одностороннем порядке и направил гаранту требование о выплате денежных средств, которые гарант удовлетворил после взыскания с него этих сумм по решению суда. После неудачной попытки получить выплаченные средства с принципала, гарант обратился к поручителю с иском о выплате денежных средств; суд иск удовлетворил, взыскал сумму с поручителя.

Ссылаясь на то, что заказчик злоупотребил своими правами и предъявил требования по гарантии в явно завышенном размере, что, в свою очередь, привело к необоснованному увеличению обязательств по договорам поручительства, поручитель обратился с кондикционным иском к заказчику.

Суды трех инстанций удовлетворили требования поручителя и сослались, среди прочего, на следующие обстоятельства:

- к поручителю (поскольку он исполнил обязательство за принципала по гарантии) перешли права и обязанности принципала;

- неосновательное обогащение у бенефициара возникло в экономическом смысле за счет поручителя вследствие того, что поручитель является конечным плательщиком;
- подрядчик находится в банкротстве и, соответственно, вероятность непосредственной реализации им права на взыскание с заказчика неосновательного обогащения крайне мала.

Однако Верховный Суд РФ не согласился с позицией нижестоящих инстанций и указал, что к поручителю перешли только права гаранта, в связи с чем гарант не может предъявлять какие-либо требования к заказчику¹⁴³.

Как видно из данного дела, нижестоящие инстанции, по сути, руководствовались теорией причинной связи: если бы заказчик, совершая недобросовестные действия, не получил больше, чем ему причиталось, то поручитель (на которого в итоге возложили все бремя имущественных последствий) не потерпел бы каких-либо потерь. Однако, как установил Верховный Суд РФ, этот вывод сделан без учета норм о порядке перехода прав к удовлетворившему требования поручителю, в связи с чем констатировал отсутствие критерия «за счет потерпевшего» в комплексе указанных правоотношений.

Соответственно, теория необходимого условия по сути санкционирует ничем не ограниченное кондикционное требование против любого лица, которое фактически стало выгодоприобретателем.

2) Теория адекватной причинности

В современном праве при обсуждении причинной связи в рамках института гражданско-правовой ответственности большое внимание принято уделять теории адекватной причинно-следственной связи¹⁴⁴. Данная теория часто рассматривается как альтернатива теории необходимой причины.

---

¹⁴³ Определение СКЭС Верховного Суда РФ от 07.02.2023 № 305-ЭС22-21173 по делу № А40-201536/2021.

¹⁴⁴ См. подробнее, например, Михайлов В.С. Причинно-следственная связь как условие деликтной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 34-40.

Согласно теории адекватной причинно-следственной связи ответственность исключается, если наступивший вред является необычным результатом действий потенциального причинителя¹⁴⁵. Иными словами, данная теория исключает ответственность за нетипичный ущерб, который мог возникнуть только вследствие случайного, объективно непредвиденного стечения обстоятельств. Потенциальный причинитель не несет ответственности за ущерб, причиненный поведением, которое *ex ante* не могло бы спровоцировать такой ущерб¹⁴⁶. Наоборот, тот вред, который является обычным и стандартным результатом конкретного действия с точки зрения обычного хода событий, должен быть возмещен лицом, совершившим такие действия¹⁴⁷.

Несмотря на то, что теория адекватной причинности может быть сформулирована различными способами, общая черта всех трактовок будет заключаться в том, что должна быть исключена ответственность за нетипичный ущерб, возникающий только вследствие случайного, объективно непредсказуемого и маловероятного стечения обстоятельств¹⁴⁸.

Как видно, важными аспектами данной теории являются следующие элементы: (1) необычный вред, возникающий вследствие случайного стечения обстоятельств, не подлежит отнесению на потенциального причинителя вреда, (2) «(не)обычность» вреда определяется с точки зрения фигуры опытного наблюдателя¹⁴⁹. Как правильно отмечает Д.Е. Богданов, теория адекватной причинности в сфере гражданско-правовой ответственности не является теорией причинности в фактическом смысле, но служит средством

¹⁴⁵ Winiger B., Askeland B., Bargelli E., Hogg M., Karner E. Digest of European Tort Law. Vol. 4: Essential Cases on the Limits of Liability. Walter de Gruyter. 2024. P. 17-18.

¹⁴⁶ Ibid. P. 34.

¹⁴⁷ Ibid. P. 23.

¹⁴⁸ Ibid. P. 102.

¹⁴⁹ Отметим, что данный аспект является тем местом теории адекватной причинности, за которое ее активно критикуют. Например, А.В. Егоров со ссылкой на немецких авторов указывает, что «чем больше знаний об обстоятельствах, которые присутствовали на момент наступления события, но были скрыты от взгляда обывателя, мы предоставляем умозрительному наблюдателю, тем дальше распространяется сфера последствий, которые мы оценим как "адекватные"» (Егоров А.В. Упущенная выгода: проблемы теории и противоречия практики // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 68 – 137).

установления лимитов ответственности с точки зрения объема убытков, которые могут быть вменены должнику¹⁵⁰. Иными словами, теория адекватной причинности направлена на определение юридической связи.

Поскольку теория адекватной причинности позволяет устанавливать именно юридическую связь, последовательность действий во времени (то есть тот факт, что причина всегда предшествует следствию) не имеет значения. Так, Федеральный Верховный суд Германии отмечал, что вопрос применения данной теории, на самом деле, является вопросом не причинности, а вопросом определения предела, до которого можно обоснованно ожидать, что потенциальный причинитель будет нести ответственность за свои действия¹⁵¹.

Данная теория распространена в европейских правовых порядках (например, Германия, Австрия, Швейцария, Греция, Франция)¹⁵². Утверждается, что в российском праве адекватная причинная связь находит отражение в разъяснениях Верховного суда РФ, согласно которым если возникновение убытков, возмещения которых требует кредитор, является обычным последствием допущенного должником нарушения обязательства, то наличие причинной связи между нарушением и доказанными кредитором убытками предполагается¹⁵³. В связи с изложенным можно утверждать, что теория адекватной причинности является одним из основных инструментов установления причинно-следственной связи в области гражданско-правовой ответственности.

¹⁵⁰ Богданов Д.Е. Возмещение потерь в российском и зарубежном праве // Lex russica. 2017. № 5. С. 174 - 193.

¹⁵¹ Winiger B., Askeland B., Bargelli E., Hogg M., Karner E. Op. cit. P. 97.

¹⁵² Winiger B., Askeland B., Bargelli E., Hogg M., Karner E. Op. cit. P. 86-90.

¹⁵³ Абз. 2 п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». См. комментарий к данному пункту: Тололаева Н.В., Церковников М.А. Научно-практический комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Вестник гражданского права. 2023. № 5.

В связи с тем, что данная теория получила широкое распространение, возникает вопрос, может ли она служить обоснованием условия «за счет потерпевшего» в рамках унитарной модели кондикционного обязательства.

Как было указано, определение содержания условия «за счет потерпевшего» в рамках простых ситуаций возникновения кондикционных обязательств не создает особых трудностей: при ошибочном перечислении денежных средств по неправильным реквизитам приобретателем будет получатель денежных средств, а потерпевшим – лицо, которое перечислило денежные средства. С точки зрения теста необходимого условия, если бы платеж не был совершен, то приобретатель не получил бы недолжное.

Проанализируем данную ситуацию с позиции теории адекватной причинности. Можно предположить, что любое разумное лицо понимает, что обогащение приобретателя в данном случае является обычным последствием действий плательщика по перечислению денежных средств. Иными словами, за ошибочным перечислением денег по определенным реквизитам следует обогащение приобретателя и уменьшение имущества потерпевшего. Данные последствия являются обычными и ожидаемыми с позиции опытного наблюдателя.

Как видно из данной ситуации, обстоятельством, которое приводит к обогащению, является перемещение имущества от потерпевшего в пользу приобретателя. Можно заметить, что при анализе подобных ситуаций с точки зрения опытного наблюдателя переход имущества (вне зависимости от того, чьими действиями он вызван) всегда влечет уменьшение имущества одного лица и увеличение имущества другого. Указанные последствия являются обычным результатом перехода имущества. В сравнении с теорией необходимого условия можно было бы сказать, что причинно-следственная связь в рамках данной концепции должна устанавливаться не между выгодами и потерями, а между действием / событием, с одной стороны, и выгодами и потерями сторон кондикционного обязательства – с другой. Соответственно,

выгоды и потери являются нераздельным результатом таких действий / событий, т.е. следствием.

Некоторые ученые утверждали, что условие «за счет потерпевшего» в рамках унитарной модели описывается через концепцию перемещения активов (*Vermögensverschiebung*)¹⁵⁴. Суть данного подхода заключается в том, что если актив перешел от А к Б, то А является кредитором по кондикционному обязательству в связи с самим фактом перехода блага¹⁵⁵. Именно переход блага от одного лица в пользу другого является легитимирующим фактором в кондикционном обязательстве: кредитором является лицо, из имущества которого выбыло благо, а должником – лицо, которое получило это благо без законных оснований¹⁵⁶.

В труде О. фон Гирке высказывается мнение, что одного лишь уменьшения имущества потерпевшего недостаточно для возникновения кондикционного обязательства. Автор указывал, что *«само собой разумеется, что между указанными обстоятельствами [между действиями лица, направленными на обогащение и уменьшением имущества кредитора] должна существовать причинная связь (ursächlicher Zusammenhang)»*¹⁵⁷. При этом существование данной связи сопряжено с переходом имущества¹⁵⁸.

Ю.В. Хадеманн в работе по обязательственному праву указывает, что обогащение должника должно быть прямо связано с потерями кредитора. Автор утверждает, что согласно такому подходу обязательство имеет место, если между уменьшением имущества одного лица и увеличением имущества другого существует прямая причинная связь. При этом такая прямая причинная связь возникает в результате прямого перехода имущества из

¹⁵⁴ Савиньи Ф.К. Указ. соч. С. 522.

¹⁵⁵ Можно заметить, что в соответствии с данным подходом, например, С.Д. Дамбаров видит роль кондикционных обязательств «в устранении неблагоприятных последствий, вызванных экономически неоправданными имущественными перемещениями» (Дамбаров С.Д. Формы неосновательного обогащения // Закон. № 8. 2007).

¹⁵⁶ Савиньи Ф.К. Указ. соч. С. 525.

¹⁵⁷ Gierke O.v. Deutsches Privatrecht. Bd. 3. Berlin: Duncker & Humblot, 2010. S. 1003-1104.

¹⁵⁸ Ibid. S. 1003.

имущественной сферы кредитора в имущественную сферу должника¹⁵⁹. В одном из дел Имперский суд Германии поддержал данный подход, указав, что причинная связь между выгодами и потерями должна присутствовать, причем ее содержание заключается в том, что выгоды и потери возникают одновременно, то есть происходит немедленное перемещение активов между сторонами¹⁶⁰.

С опорой на немецких авторов и аргументы против подхода теории необходимого условия, А. Бэрроуз указывает, что общее объяснение содержания условия «за счет потерпевшего» заключается в том, что достаточно установить, что имущество перешло к приобретателю от (*from*) потерпевшего. Из этого автор делает вывод, что приобретатель обогатился *за счет* потерпевшего, получив от потерпевшего без основания какое-либо благо¹⁶¹. Соответственно, основным легитимирующим фактором является переход предмета кондикции из имущественной сферы одного лица в имущественную сферу другого.

Иными словами, позиция авторов заключается в том, что потери и выгоды должны быть нераздельным и бесспорным результатом одного и того же события, в этом и состоит их связь¹⁶². При этом, как видно из вышесказанного, таким событием чаще всего является переход имущества от кредитора по кондикционному обязательству в адрес должника по такому обязательству.

Как следует из указанного, сам по себе переход имущества от одного лица в пользу другого является причиной, которая приводит одновременно к выгодам и потерям как результату указанной причины. Соответственно, определенное действие / событие, обуславливающее переход имущества,

¹⁵⁹ Hedemann J.W. Schuldrecht des Bürgerlichen Gesetzbuches. Berlin. 1921. S. 332-333.

¹⁶⁰ Ellger R. Op. cit. S. 608.

¹⁶¹ Burrows A. 'At the Expense of the Claimant': A Fresh Look (June 2, 2017). RLR 167, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2979390>.

¹⁶² Davrados N.A. Demystifying Enrichment Without Cause // Louisiana Law Review. Vol. 78. 2018. P. 1266.

приводит к возникновению выгод у приобретателя и к уменьшению имущества потерпевшего.

Можно заметить, что в системе адекватной причинности рассуждение строилось бы подобным образом: возникновение обогащения у приобретателя является обычным результатом перемещения имущества. При этом теория адекватной причинности, если бы она была имплементирована в область права неосновательного обогащения, не связывает легитимацию сторон лишь с фактом перехода имущества, поскольку могут быть и иные обстоятельства, которые провоцируют возникновение выгод у приобретателя. Наоборот, теория адекватной связи может рассматривать переход имущества как один из факторов, который, с точки зрения опытного наблюдателя, при обычных обстоятельствах приводит к возникновению неосновательного обогащения. В связи с этим, даже в том случае, когда перехода имущества формально не было (как в случае пользования услугами потерпевшего), теория адекватной причинности позволяет непротиворечиво разрешать данные казусы с точки зрения легитимации сторон кондикционного обязательства.

Например, если лицо бесплатно подключает свое здание к сетям водоснабжения и водоотведения, то обычным и ожидаемым результатом в такой ситуации является получение данным лицом соответствующих услуг со стороны владельца спорных сетей. Так, в одном из подобных дел суд указал, что неосновательное безвозмездное использование чужого имущества влечет неосновательное обогащение на стороне ответчика в виде сбереженной платы за пользование этим имуществом вне зависимости от того, получил ли вследствие этого приобретатель какой-либо иной доход (прибыль) либо нет¹⁶³. Соответственно, в такой ситуации выгоды приобретателя (получение водоснабжения) являются типичным последствием присоединения к сетям, администрируемым потерпевшим, и обогащение приобретателя происходит за

---

¹⁶³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.04.2025 по делу № А40-90082/2021.

счет потерпевшего¹⁶⁴. Факт подключения к сетям, в свою очередь, может рассматриваться как вторжение в содержание чужого субъективного права, что также с точки зрения обычных последствий может приводить к получению необоснованной выгоды приобретателем. В данном контексте теория адекватной причинной связи с функциональной точки зрения приближается к концепции прикрепленного содержания субъективного права (*Zuweisungsgehalt*), которая является одним из объяснений условия «за счет» в рамках партикулярной модели кондикционного обязательства.

Далее одним из частых случаев неосновательного обогащения являются ситуации, когда приобретатель получает выгоду из владения неосновательно полученным имуществом путем извлечения из него определенных доходов. В отечественном праве возврат таких доходов регулируется ст. 1107 ГК РФ¹⁶⁵.

В таких ситуациях также можно обосновать взаимосвязь потерпевшего и приобретателя с использованием механизма адекватной причинности. Общее правило с опорой на механизм данной теории можно сформулировать так: приобретатель обязан вернуть потерпевшему только те доходы, которые являются типичным результатом пользования неосновательно полученным имуществом. Полагаем, что именно такой логики придерживается и российская судебная практика. Например, Высший Арбитражный Суд РФ в одном из постановлений¹⁶⁶ сформулировал следующий механизм применения ст. 1107 ГК РФ:

¹⁶⁴ Если бы данная ситуация разрешалась в концепции перехода имущества, то необходимо было бы сделать вывод, что формально из имущества потерпевшего ничего не выбыло, а значит отсутствует и соответствующее кондикционное притязание.

¹⁶⁵ Лицо, которое неосновательно получило или сберегло имущество, обязано возвратить или возместить потерпевшему все доходы, которые оно извлекло или должно было извлечь из этого имущества с того времени, когда узнало или должно было узнать о неосновательности обогащения.

¹⁶⁶ Постановление Президиума ВАС РФ от 18.03.2014 № 18222/13 по делу № А40-117032/12. Указанная позиция до сих пор находит свое отражение в судебных актах (см., например, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19.01.2023 по делу № А46-23521/2021, Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 19.05.2025 по делу № А29-9988/2022, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.04.2025 по делу № А40-90082/2021).

«... положение пункта 1 статьи 1107 Гражданского кодекса о том, что неосновательно обогатившееся лицо должно извлечь доходы из имущества потерпевшего, необходимо применять таким образом, чтобы определить, какие доходы в аналогичных обстоятельствах и при подобных условиях обычно извлекаются лицами, занимающимися предпринимательской деятельностью, из такого же имущества».

Как следует из данного разъяснения, взысканию по нормам о неосновательном обогащении подлежат только те доходы, извлечение которых являлось обычным для подобного рода обстоятельств. В свете этого, можно заметить созвучность данного подхода с подходом теории адекватной причинности.

При этом иностранные ученые также исходят из того, что доходы, извлечение которых не является обычным для данного рода обстоятельств, не подлежат передаче потерпевшему. А. Бэрроуз называет доходы, которые не подлежат взысканию с приобретателя косвенными выгодами (*consequential benefits*)¹⁶⁷. Если лицо А неосновательно получает от лица Б 100 долларов, тратит их на покупку лотерейного билета, который выигрывает и в результате чего лицо А получает 1 000 000 долларов, то лицо Б вправе требовать лишь 100 долларов, но не сумму выигрыша, поскольку она является косвенным и случайным доходом лица А. Как следует из указанного примера, в связи с тем, что выигрыш в размере 1 000 000 долларов является нетипичным результатом действий приобретателя, он не подлежит взысканию¹⁶⁸.

В англо-американских правовых порядках подобная логика характерна и для вопросов возмещения выгод, полученных в результате рефлексивного действия субъективного права, которые в данных правовых порядках именуются

¹⁶⁷ Burrows A. Unjust Enrichment and Restitution // The Oxford Handbook of the New Private Law. Oxford University Press. 2021. P. 306-307.

¹⁶⁸ Ibid. P. 307.

случайные выгоды (*incidental benefits*)¹⁶⁹. Можно заметить, что теория адекватной причинности при ее применении в данном аспекте приводит к необходимости отказа в иске потерпевшему. Так, в случае обогрева квартиры соседа сверху опытный наблюдатель заметит, что выгоды приобретателя являются случайным и необычным для подобного рода обстоятельств последствием. Наоборот, обычным последствием является обогрев квартиры самого потерпевшего.

Адекватная причинность также является действенным механизмом в ситуациях, когда неосновательное обогащение вызвано событиями природного характера (например, ураган перенес часть строительных материалов с моего участка на соседний участок). Хотя природные явления способны нести непредвиденные последствия, в данной ситуации типичным последствием урагана является разрушение конструкций / вещей. Логично допустить, что вещи в результате урагана могут быть перемещены на участок соседа. С учетом того, что собственник строительных материалов не передавал их своему соседу, то их «передача» является последствием урагана. В связи с этим, получение соседом вещей является его обогащением за счет собственника, которое вызвано природным явлением.

Тем не менее, стоит заметить, что данный подход также не лишен некоторых недостатков.

Во-первых, при применении теории адекватной причинности в области кондикционных обязательств сохраняется ее основной недостаток, который связан с фигурой опытного наблюдателя. Опытный наблюдатель является лицом, который осведомлен практически о любых фактах и их взаимосвязях, в связи с чем от опытного наблюдателя ничто не остается скрытым — для всезнающего человека любое течение событий является прогнозируемым¹⁷⁰.

---

¹⁶⁹ Burrows A. 'At the Expense of the Claimant': A Fresh Look // *Restitution Law Review*. Vol. 167. 2017; Webb C. What is Unjust Enrichment // *Oxford Journal of Legal Studies*. Vol. 29 (215). 2009. P. 239.

¹⁷⁰ Сераков В.В. Теория адекватной причинности как способ ограничения размера причиненных убытков // *Вестник гражданского права*. 2014. № 5. С. 233 - 252.

Принимая во внимание данные характеристики опытного наблюдателя, те ситуации, которые объективно не должны порождать кондикционное требование, с позиции теории адекватной причинности могут приводить к возникновению таких обязательств. В примере с двумя брендами (один бренд становится модным, другой – выходит из моды) опытный наблюдатель мог бы предположить, что выгоды популярного бренда одежды связаны с потерями, понесенными менее популярным брендом. Поскольку опытный наблюдатель должен учитывать экономические взаимосвязи между явлениями (как отражение привычного хода событий), то в данной ситуации он с большой степенью вероятности установит определенную взаимосвязь между открытием одного бренда и оттока потребителей второго бренда.

Соответственно, в тех ситуациях, когда одно лицо получает определенные выгоды, а другое лицо несет соответствующие потери, и при этом такие выгоды и потери экономически взаимосвязаны друг с другом, на основании теории адекватной причинности можно сделать вывод о наличии обогащения за счет потерпевшего в подобных ситуациях. Однако в данной ситуации такая связь, хотя и является ожидаемой, не должна приводить к возникновению кондикционного обязательства.

Во-вторых, в кондикционных обязательствах, которые возникают в ситуациях множественности субъектов, легитимация сторон основывается на множестве различных факторов, которые необходимо принимать во внимание. Как будет показано далее, для справедливого разрешения ситуаций обогащения, происходящих в «треугольнике», необходимо учитывать цель лица, осуществляющего предоставление, а также существовавшие договорные связи между субъектами для исключения ситуаций предъявления требований к ненадлежащему лицу. При этом предъявление таких требований также зависит от ничтожности тех или иных обязательственных правоотношений между субъектами. Далее было указано, что в зависимости от того, была ли инструкция на оплату третьему лицу дефектна изначально или дефект возник

впоследствии, плательщик вправе предъявлять требования либо к непосредственному получателю средств (в первом случае), либо к лицу, выдавшему инструкцию (во втором случае).

Конечно, с учетом того, что опытный наблюдатель обладает не только информацией, имеющейся у любого абстрактного лица, но и знаниями, доступными сторонам спорного правоотношения¹⁷¹, теория адекватной связи могла бы предложить аналогичные варианты легитимации для таких ситуаций. Однако, представляется, что опытный наблюдатель все равно бы руководствовался теми же механизмами при принятии решения о том, за счет кого произошло обогащение. То есть опытный наблюдатель должен был бы сказать, что ничтожность выданной инструкции и осуществление предоставления по такой инструкции обычно влечет обогащение получателя в результате действий плательщика. Такое последствие является типичным, потому что ничтожность инструкции означает отсутствие управомоченность плательщика на предоставление денежных средств.

Иными словами, для определения того, что является обычным в данных обстоятельствах, опытный наблюдатель фактически должен квалифицировать все отношения между сторонами, взвесить все интересы и учесть различного рода факторы (как например, ничтожность или отзыв инструкции). Представляется, что возложение такой задачи на опытного наблюдателя является чрезмерным и противоречит его сути, выработанной в деликтном праве (как лица, наблюдающего за процессами, но не анализирующего их детально с позиции юриста). Более того, добавление фигуры опытного наблюдателя (или любой другой механизм, направленный на определение обычного хода вещей) в цепочку умозаключений об установлении связей между сторонами приводит к умножению сущностей без необходимости.

---

¹⁷¹ Larenz K. Lehrbuch des Schuldrechts. 1 B. Allgemeiner Teil. Munchen, 1982. S. 405.

В связи с этим, полагаем, что в ситуациях множественности лиц теория адекватной причинности не является эффективным средством легитимации сторон. Отметим, что в таких ситуациях вопрос наличия причинной связи между действиями потерпевшего и обогащением приобретателя является спорным. Например, разработчики DCFR прямо выделили данные ситуации в отдельную статью в рамках главы о причинной связи¹⁷².

Таким образом, теория адекватной причинности обладает определенными преимуществами перед теориями необходимого условия и перемещения имущества. В связи с этим, при построении регулирования обязательств из неосновательного обогащения по унитарной модели, то есть определении единых условий возникновения обязательства для любого неосновательного обогащения (независимо от его способа обогащения), условие «за счет потерпевшего» совпадает с содержанием понятия «адекватная причинно-следственная связь». В частности, адекватная причинность позволяет обосновать возникновение кондикционного обязательства в двусторонних ситуациях и в результате событий, не прибегая к сложным по своему содержанию концепциям. При этом результат, к которому приводит применение адекватной причинно-следственной связи и концепций партикулярного подхода, является фактически идентичным для случаев двусторонних кондикций.

Однако при применении данной теории также существуют сложности. Как видно из указанных примеров, существуют ситуации, в которых прямое применение теории адекватной причинности не учитывает интересы всех сторон правоотношения. Соответственно, без добавления оговорок о том, что необходимо учитывать иные факторы (договорные правоотношения между сторонами или дефектность тех или иных правоотношений), применение данной теории становится слишком линейным.

---

¹⁷² Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law Draft Common Frame of Reference (DCFR). Interim Outline Edition / Chr. von Bar, E. Clive, H. Schulte-Nölke et al. Sellier, 2008. P. 3861;

§ 3. Обогащение «за счет» потерпевшего в значении уменьшения имущества потерпевшего

В литературе представлено мнение, в соответствии с которым, значение условия «за счет» заключается в установлении фактического уменьшения наличного имущества потерпевшего на момент обогащения причинителя¹⁷³.

Для иллюстрации данной позиции можно привести следующий пример.

Лицо А в отсутствие своего соседа Б берет его велосипед и в течение нескольких недель пользуется им бесплатно и без уведомления соседа. Через какое-то время Б узнает о том, что А пользовался велосипедом и решает взыскать с А неосновательное обогащение в размере стоимости пользования велосипедом, несмотря на то, что у Б какие-либо реальные потери в имуществе отсутствуют – велосипед возвращен, а амортизация значительно ниже стоимости пользования¹⁷⁴.

Толкование условия «за счет» потерпевшего как требования уменьшения наличной имущественной сферы потерпевшего может стать препятствием к удовлетворению иска Б.

Обоснование подобной позиции строится следующим образом. Поскольку право неосновательного обогащения имеет своей целью восстановить *status quo ante* потерпевшего (т.е. положение, которое существовало до события обогащения), то в каждом случае суд обязан проверить, насколько в действительности уменьшилась имевшаяся на момент обогащения приобретателя имущественная сфера потерпевшего. Сторонники такого подхода заявляют, что основная идея кондикционного обязательства состоит в том, что потерпевшему компенсируются только его потери, которые возникли в результате неосновательного обогащения, и не более этого. В ином

---

¹⁷³ См., например, Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.В. Витрянский, В.С. Ем, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011. Т. 2: Обязательственное право. С. 1141; Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 597; Гурвич М.А. Указ. соч. С. 90.

¹⁷⁴ Пример взят из Birks P. Unjust Enrichment. Oxford University Press; 2nd edition. 2005. P. 79.

случае (если бы потерпевший взыскивал сумму, превышающую действительное уменьшение его имущественной массы на момент обогащения приобретателя), уже потерпевший обогащался бы за счет приобретателя, что недопустимо¹⁷⁵.

В качестве иллюстрации применения этого подхода приводят дело *Air Canada v British Columbia*¹⁷⁶, в котором авиакомпания взыскивала сумму налога, которую она уплатила провинции в соответствии с неконституционным законом. Хотя сама по себе уплата налога в пользу государственного органа, который, согласно закону, не имеет права взимать и удерживать такой налог, является неправомерным и создает неосновательное обогащение, Верховный суд Канады отказал авиакомпаниям в удовлетворении жалобы. Как следует из мотивировочной части решения, суд исходил из того, что после уплаты спорного налога авиакомпания повысила цену своих услуг для потребителей, фактически переложив бремя уплаченной суммы на последних. Это позволило, по сути, «заделать» брешь в имущественной сфере авиакомпаний, которая образовалась в результате незаконно уплаченного налога, из чего суд сделал вывод, что у авиакомпании отсутствуют потери на момент рассмотрения дела. В частности, в решении было указано: *«Право неосновательного обогащения не предназначено для извлечения доходов истцом, который не понес никаких потерь»*¹⁷⁷.

Соответственно, толкование условия «за счет» приводит к необходимости установить соответствие между наличными потерями истца и выгодами ответчика. В связи с этим, помимо выгод, извлеченных приобретателем, необходимо также принимать во внимание имущественную сферу потерпевшего¹⁷⁸.

¹⁷⁵ McInnes M. The Canadian Principle of Unjust Enrichment: Comparative Insights Into the Law of Restitution // Alberta Law Review. 1999. Vol. 37 (1). P. 20-23.

¹⁷⁶ Air Canada v. B.C. (A.G.) [1986] 2 SCR 539.

¹⁷⁷ McInnes M. Op. cit. P. 20.

¹⁷⁸ Ibidem P. 20-23.

Так, например, Р. Грантэм и Ч. Рикетт указывают, что если в рамках возражения об утрате обогащения право позволяет оценивать положение приобретателя и его обогащения с точки зрения его изменения, то было бы справедливо учитывать также и имущественное положение потерпевшего, которое также может измениться после события обогащения¹⁷⁹.

М. МакИннес видит теоретическую базу для обязательств из неосновательного обогащения в идее уравнивающей справедливости. При этом он указывает, что ухудшение имущественной сферы лица в результате события обогащения идентифицирует его в качестве потерпевшего, который может потребовать возврата выгоды от приобретателя. Факт того, что приобретатель получил больше чем то, на что он мог рассчитывать в нормальной ситуации, сам по себе не является достаточной причиной кондикционного требования. Необходимо также устанавливать наличие действительных потерь на стороне потерпевшего¹⁸⁰. Два этих обстоятельства не могут оцениваться изолированно, поскольку являются отражением друг друга и идентифицируют надлежащих сторон кондикционного обязательства. По мнению М. МакИннеса, именно во взаимной идентификации сторон путем определения потерь и выгод каждой кроется сущность условия «за счет потерпевшего»¹⁸¹.

Если обратиться к отечественному праву неосновательного обогащения, то стоит заметить, что в гражданском законодательстве отсутствует прямое упоминание необходимости обеднения потерпевшего для возникновения исследуемых обязательств.

Литература и судебная практика по данному вопросу противоречивы.

---

¹⁷⁹ Grantham R.B., Rickett C.E.F. Disgorgement for unjust enrichment? // Cambridge Law Journal, 62 (1), 2003. P. 175-177.

¹⁸⁰ McInnes M. "Passing On" in the law of restitution: a re-consideration // Sydney Law Review. Vol. 19:179. 1997. P. 210.

¹⁸¹ McInnes M. The Canadian Principle of Unjust Enrichment: Comparative Insights Into the Law of Restitution // Alberta Law Review. 1999. Vol. 37 (1). P. 23.

Д. Д. Grimm для целей определения размера обогащения указывает, что обогащение одного лица «на счет другого» предполагает увеличение имущества первого и уменьшение имущества второго. При этом, однако, между увеличением и уменьшением имущества приобретателя и потерпевшего соответственно корреляция необязательна. Вполне возможно, что убытки потерпевшего могут быть больше, чем выгода приобретателя¹⁸². Г. Ф. Шершеневич прямо отмечал, что обогащение одного лица *«должно идти в ущерб другому лицу»*. Тем не менее, уменьшение имущества не должно непременно соответствовать увеличению его на другой стороне¹⁸³.

М.А. Гурвич с помощью связи обогащения и условия «за счет» указывал, что взаимосвязь этих компонентов в совокупности образует перемещение имущества из одной имущественной сферы в другую. По мнению М.А. Гурвича, не имеет значения, является ли обогащение прямым или опосредованным, важно, что кондикционное обязательство возникает между лицом, имущество которого увеличилось, и потерпевшим, который в результате события обогащения понес определенные потери¹⁸⁴.

Например, В.А. Рясенцев предлагал ориентироваться на уменьшение имущества потерпевшего при разрешении случаев косвенного обогащения. Он приводил следующий пример: А за свой счет устанавливает у себя в комнатах электропроводку, питающуюся от уличной сети. После этого соседи А также проводят у себя электропроводку уже без каких-либо материальных затрат. Как указывал В.А. Рясенцев, выгода, полученная соседями, является

¹⁸² Grimm Д.Д. Указ. соч. С. 17. Автор иллюстрирует это следующим примером: лицо по ошибке подарило часть дорогого сервиза, существенная ценность которого заключалась в том, что он составлял одно целое. После раздробления такой сервиз значительно теряет в цене. Соответственно, если предмет дарения был утрачен, то даритель может требовать только рыночную стоимость отдельных составляющих сервиза, которые сами по себе не имеют особой ценности

¹⁸³ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 596-597. Аналогичной точки зрения придерживались, например, К.В. Анненков (Анненков К. Система гражданского права. Т. 4: Отдельные обязательства. 2-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. С. 548.) и Э.Э. Пирвиц (Пирвиц Э.Э. Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2010. № 5. С. 171 - 215).

¹⁸⁴ Гурвич М.А. Указ. соч. С. 90.

косвенной и ей не сопутствует убыток А¹⁸⁵. Иными словами, если имущество потерпевшего не уменьшилось, то и кондикционного обязательства не возникло. О.С. Иоффе также указывал на неразрывную связь обогащения приобретателя и обеднения потерпевшего, что является содержанием условия «за счет потерпевшего». По мнению автора, в отсутствие указанной связи не возникает и неосновательного обогащения¹⁸⁶.

Стоит отметить, что современные авторы также указывают, что фактическое уменьшение имущества потерпевшего является необходимым составляющим условия «за счет потерпевшего»¹⁸⁷. Например, Р.А. Кушхов пишет, что выражение «за счёт» указывает на признак объективной взаимосвязи между приобретением имущества и его необоснованным уменьшением на стороне потерпевшего¹⁸⁸.

Однако, наряду с указанной выше позицией, в отечественной доктрине присутствует противоположное мнение, отстаивающее расширительный подход к неосновательному обогащению. Представителем данного подхода являлся Е.А. Крашенинников. В частности, автор, ссылаясь на немецких цивилистов (К. Ларенца, М. Келлера, Б. Бюрена), указывал, что обогащение приобретателя может и не сопровождаться уменьшением имущества потерпевшего¹⁸⁹. Необходимо лишь, чтобы выгода приобретателя в действительности причиталась бы потерпевшему по распределению благ¹⁹⁰.

Аналогично Д.О. Тузов подчеркивает, что условие «за счет потерпевшего» не следует понимать в контексте уменьшения имущества потерпевшего, поскольку уменьшение имущества не является ни

¹⁸⁵ Рясенцев В.А. Указ. соч. С. 89.

¹⁸⁶ Иоффе О.С. Указ. соч. С. 437

¹⁸⁷ Корнилова Н.В. Понятие и условия возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения // Юрист. 2004. № 7. С. 21.

¹⁸⁸ Кушхов Р.А. Соотношение требований из неосновательного обогащения с другими гражданско-правовыми требованиями о возврате имущества (теория и практика): дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03. – Московская гос. юридическая академия, Москва. 2006. С. 51.

¹⁸⁹ Крашенинников Е.А. Фактический состав возникновения обязательства из неосновательного обогащения // Очерки по торговому праву. Вып. 15, 2008. С. 61.

¹⁹⁰ Крашенинников Е.А. Там же. С. 61-62.

обязательным условием возникновения кондикционного обязательства, ни критерием определения его предмета¹⁹¹. Автор указывает, что обогащение одного лица за счет другого может иметь следствием не уменьшение имущества последнего, а то, что не происходит его приращения¹⁹². Тем не менее, в таких ситуациях кондикционное обязательство возникает и может быть реализовано потерпевшим.

Судебная практика по данному вопросу также противоречива. В большинстве судебных актов указано на то, что под критерием «за счет потерпевшего» следует понимать уменьшение его имущества¹⁹³. Также встречается следующая формулировка: *«приобретение или сбережение произведено за счет другого лица, что, как правило, означает уменьшение стоимости имущества потерпевшего вследствие выбытия из его состава некоторой его части или неполучения доходов, на которые потерпевшее лицо правомерно могло рассчитывать»*¹⁹⁴. Тем не менее, можно заметить, что суды испытывают определенную долю скепсиса относительно необходимости обеднения потерпевшего, что следует из элемента «как правило».

Между тем, можно встретить и диаметрально противоположный подход. В ряде дел суды при описании предмета доказывания по кондикционному обязательству указывают, что потери кредитора не подлежат установлению по таким спорам¹⁹⁵. При этом присутствуют и такие судебные акты, где суды указывают, что уменьшение имущества потерпевшего не влияет на

¹⁹¹ Тузов Д.О. Неосновательное обогащение: Учебное пособие. Санкт-Петербург. 2020. С. 10.

¹⁹² Там же. С. 11.

¹⁹³ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.08.2019 по делу № А24-183/2019; постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21.03.2022 по делу № А79-3505/2021 («... особенность распределения бремени доказывания по делам о взыскании неосновательного обогащения заключается в том, что на истце лежит обязанность доказать совокупность следующих обстоятельств: ... уменьшение имущества на стороне потерпевшего (обогащение за счет потерпевшего»).

¹⁹⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.06.2021 по делу № А40-332295/2019, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.08.2022 по делу № А41-50208/2021, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.07.2022 по делу № А41-82344/2021.

¹⁹⁵ Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 18.05.2018 по делу № А19-13881/2017; Постановление ФАС Уральского округа от 16.10.2012 по делу № А50-22525/11.

обязательство из неосновательного обогащения¹⁹⁶. В частности, суд указал, что *«обогащение приобретателя может и не сопровождаться обеднением потерпевшего. При неосновательном обогащении, возникающем через вторжение приобретателя в чужое право, слова "за счет другого лица" не означают, что на стороне потерпевшего должно наступить эффективное уменьшение имущества»*¹⁹⁷.

В связи с этим следует не согласиться с тезисом Д. А. Ушивцевой, которая указывает, что неосновательное обогащение всегда сопровождается уменьшением имущества потерпевшего, что не вызывает сомнения у правоприменителя¹⁹⁸. Как мы видим, анализ отечественной судебной практики демонстрирует, что существует различное отношение судов к факту уменьшения имущества потерпевшего. Можно заметить, что суды интуитивно формулируют свое отношение к этому обстоятельству без опоры на какой-либо нормативный и, тем более, доктринальный базис. Полагаем, что такую ситуацию нельзя признать удовлетворительной, как минимум, с точки зрения принципа правовой определенности.

Полагаем, что толкование условия «за счет» и, соответственно, термина «обеднение» как требующего уменьшение наличного имущества потерпевшего не может быть принято по следующим обстоятельствам.

Во-первых, стоит отметить, что концепция уравнивающей справедливости, хотя и признается многими исследователями в качестве основной теоретической конструкции, с нашей точки зрения, не может быть главным аргументом для оправдания подхода, связанного с уменьшением наличного имущества потерпевшего. Если обратиться к работам теоретиков уравнивающей справедливости, то можно заметить, что необходимость

¹⁹⁶ Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 23.12.2014 № 33-17488/2014, Определение Ленинградского областного суда от 12.09.2013 № 33-4306/2013.

¹⁹⁷ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 28.03.2024 по делу № А40-166547/23.

¹⁹⁸ Ушивцева Д.А. Обязательства вследствие неосновательного обогащения: вопросы теории и практики. Тюмень: Слово, 2006. СПС «КонсультантПлюс».

фактического обеднения потерпевшего явным образом не следует из указанной концепции. В современной теории уравнивающей справедливости сложилось два подхода к тому, что необходимо понимать под «выгодами» и «убытками» в контексте неосновательного обогащения.

Разберем их подробнее. Первый подход – материальный, согласно которому выгоды и убытки – это фактическое увеличение и уменьшение имущества приобретателя и потерпевшего соответственно. Второй подход – нормативный, который уже не требует именно фактического изменения в имущественной сфере сторон и, в частности, потерпевшего. Нормативный подход устанавливает наличие выгод и убытков, исходя из прав и обязанностей субъектов правоотношения. Другими словами, нормативная выгода есть в тех случаях, когда приобретатель получает больше, чем ему следовало получить согласно норме права. И, наоборот, нормативный убыток присутствует в тех случаях, когда потерпевший получает меньше, чем ему следовало получить согласно норме права¹⁹⁹.

В основном для обоснования нормативного подхода используется объяснение, основанное на теории прав и обязанностей И. Канта²⁰⁰. Основным понятием в концепции И. Канта является свобода. Он исходит из того, что свобода имеет смысл только в рамках отношений с другими субъектами: *«не право на определенное поведение самого управомоченного, а право на чужое воздержание от поведения»*²⁰¹. Действия одного субъекта должны соответствовать свободе другого лица таким образом, чтобы первый не нарушал свою обязанность по отношению ко второму. Такое положение дел, во-первых, отражает взаимозависимость прав и обязанностей (кредитора и

¹⁹⁹ Weinrib E. J. The Gains and Losses of Corrective Justice // Duke Law Journal. Vol. 44, No. 2. 1994. P. 277-280.

²⁰⁰ Ibid. P. 289-291.

²⁰¹ Третьяков С.В. Субъективное право как "последняя абстракция" цивилистики: генезис и структурные компоненты классической волевой теории // Вестник гражданского права. 2020. № 2. С. 18–59.

должника), а во-вторых, позволяет сделать вывод о нарушении уравнивающей справедливости в случае нарушения обязанности должника²⁰².

Н. Янсен описал подход авторов этой теории следующим образом: нарушение обязанности образует нормативную выгоду, нарушение права – нормативный убыток²⁰³.

Можно привести следующий пример. Предприятие осуществило строительство сооружения так, что дневная тень от сооружения попадает на участок соседнего отеля и загораживает зону купания. Суд постановил, что максима *sic utere tuo ut alienum non laedas* не означает, что никто и никогда не может причинять вред имуществу другого лица, но должна толковаться так, что не допускается нарушение законных прав (*lawful rights*) другого лица на его имущество²⁰⁴.

Полагаем, что в случае неосновательного обогащения в форме ошибочного платежа нормативный убыток заключается в том, что приобретатель получает то, что причиталось другому лицу. Следовательно, сохранение имущества нарушает права потерпевшего, что влечет его нормативные потери.

Соответственно, нормативный подход исходит из того, что нарушению подвергается не фактическая имущественная сфера лица, а его права, т.е. исключительная управомоченность в отношении определенного имущества.

Именно таким образом современная зарубежная доктрина предлагает понимать идею уравнивающей справедливости²⁰⁵. Соответственно, уравнивающая справедливость не требует ни фактического уменьшения имущества потерпевшего, ни жесткой корреляции между убытками и выгодами сторон. Важно, что обязательство, с точки зрения нормативного

²⁰² Weinrib E. J. Op. cit. P. 292.

²⁰³ Jansen N. The structure of tort law. Oxford University Press. 2021. P. 78

²⁰⁴ Fontainebleau Hotel Corp. v. Forty-Five Twenty-Five, Inc. 114 So. 2d 357 (Fla. Dist. Ct. App. 1959).

²⁰⁵ См., например, Weinrib E. J. Op.cit. P. 290-295. Du Plessis J. The relevance of the plaintiff's impoverishment in awarding claims based on unjust enrichment // Stell Law Review. No. 3. 2009. P. 497. Smith L. Restitution: the heart of corrective justice // Texas Law Review. Vol. 79 (7). 2001. P. 2132.

подхода, возникает, когда наступает определенный юридический факт или их совокупность: для возникновения деликтного обязательства – причинение вреда, для кондикционного – факт неосновательного обогащения.

Таким образом, убытки и выгоды должны рассматриваться именно с нормативной точки зрения. Исходя из этого, нет необходимости устанавливать фактическое уменьшение имущества потерпевшего.

Во-вторых, основное правовое последствие, которое является логическим продолжением факта обеднения потерпевшего – возражение об отсутствии потерь – вызывает больше вопросов, чем дает ответов. Действительно, потерпевшему будет отказано только по той причине, что он добросовестно стремился уменьшить свои потери.

Одного факта восстановления имущественной сферы недостаточно для отказа в иске, поскольку такое возражение должно специальным образом санкционироваться правопорядком. Ровно такая же ситуация встречается при анализе возражения об утрате обогащения. Однако не любой приобретатель, утративший обогащение, имеет право на реализацию этого возражения. Утверждается, что для этого необходимо наличие причинно-следственной связи между событием обогащения и его утратой, а также наличие признаков добросовестной утраты обогащения²⁰⁶.

Если применить эти критерии к обеднению потерпевшего, то в большинстве случаев восстановление имущественной сферы может быть обусловлено не только лишь событием обогащения, но и другими, исключительно внешними, причинами. Например, в деле *Air Canada* авиакомпания могла поднять цены безотносительно к событию обогащения, во всяком случае, это не анализировалось в решении суда.

При этом даже в случае восстановления имущественной сферы потерпевшего обогащение приобретателя не изменяет своих качественных

---

²⁰⁶ Virgo G. The principles of the law of restitution. Oxford University Press. 2015. P. 682-683.

характеристик. Оно продолжает быть неосновательным и подлежащим возврату потерпевшему. Поскольку судебной оценке подлежат отношения именно между двумя сторонами, то какие-либо взаимоотношения потерпевшего с другими лицами, в результате чего он получает прибыль, должны быть безразличны как не относящиеся к предмету спора. В этой связи утверждается, что возражение о восстановлении *res inter alios acta*²⁰⁷.

К тому же, можно поставить под сомнение возражение о восстановлении имущественной сферы потерпевшего с точки зрения ценностных критериев. Как известно, возражение об утрате обогащения защищает интересы приобретателя: приобретатель, добросовестно утративший предмет обогащения, не должен отвечать перед кредитором в кондикционном обязательстве²⁰⁸.

В случае с возражением об отсутствии обеднения потерпевшего предлагается санкционировать обогащение приобретателя, когда, тем не менее, наличествуют все обстоятельства для его возврата. Логично, что потерпевший после события обогащения в целях оперативной реакции может привлечь дополнительное финансирование или иным образом скорректировать свои финансовые потери, надеясь в дальнейшем компенсировать их путем возврата неосновательного обогащения. Неужели в такой ситуации право должно не поощрять попытки добросовестного участника оборота преодолеть ситуацию обогащения, а, наоборот, «штрафовать» в связи с тем, что обеднение уже отсутствует?

В-третьих, уменьшение имущества не может являться отражением условия «за счет» в рамках унитарной модели, поскольку в большинстве случаев неосновательного обогащения уменьшение наличного имущества потерпевшего отсутствует²⁰⁹.

²⁰⁷ Birks P. Unjust Enrichment. Oxford University Press; 2nd edition. 2005. P. 221.

²⁰⁸ Салмин Д.Н. Указ. соч. С. 124-175.

²⁰⁹ Как писал Х. Вилинг, право неосновательного обогащения имеет дело именно с обогащением приобретателя, а обеднение потерпевшего не играет какой-либо роли в этой области (Wieling, H.J.

Г. Даннеманн для подтверждения тезиса об иррелевантности обеднения потерпевшего при взыскании неосновательного обогащения приводит следующий пример. Ответчик использовал железнодорожные пути, которые в определенной части располагались на участке истца, для транспортировки груза. Несмотря на то, что у истца отсутствовали какие-либо потери, ему, тем не менее, удалось взыскать с ответчика неосновательное обогащение в размере стоимости несанкционированного использования железнодорожных путей²¹⁰.

П. Биркс в качестве иллюстрации отсутствия необходимости уменьшения имущества потерпевшего приводит дело *Edwards v Lee's Administrator*, в котором ответчик обнаружил на своем участке живописную пещеру, после чего начал использовать ее для показа туристам. Чуть позже оказалось, что часть пещеры расположена на участке истца, в связи с чем истец потребовал взыскать часть прибыли, которую ответчик получил от экскурсионного бизнеса. Суд удовлетворил требование²¹¹.

Как видно из фабулы, истец не понес никаких потерь от деятельности ответчика. Однако тот факт, что ответчик извлек неосновательную выгоду из имущества истца (той части пещеры, которая располагалась на его участке), является достаточным для вывода о том, что обогащение истца произошло за счет истца.

В российской судебной практике также имеются примеры удовлетворения судами кондикционных требований при отсутствии обеднения потерпевшего. В одном деле истец взыскивал с оператора связи стоимость пользования общим имуществом многоквартирного дома. Суд

Bereicherungsrecht. Trier.: Springer-Verlag 2006. S. 12). Аналогичным образом высказывались К. Цвайгерт и Х. Кетц: «цель иска о неосновательном обогащении состоит не в том, чтобы компенсировать уменьшение имущества истца - это был бы платеж в счет возмещения убытков, – а в том, чтобы «приращение» имущества неосновательно обогатившегося присудить тому из участников, кто имеет на такое «приращение» преимущественное право» (Цвайгерт К., Кетц Х. Указ. соч. С. 293). Подобную точку зрения высказывал Р. Циммерманн: «вопрос о том, обеднел ли потерпевший, является таким же неважным в сфере неосновательного обогащения, как и вопрос о том, обогатился ли нарушитель, в сфере деликтных обязательств» (Zimmermann R. Op. cit. P. 13).

²¹⁰ Dannemann G. The German law of unjustified enrichment and restitution. Oxford, 2009. P. 102.

²¹¹ Birks P. Unjust Enrichment. Oxford University Press; 2nd edition. 2005. P. 84-85

установил, что у оператора связи были заключены договоры с отдельными жильцами, однако для проведения необходимых коммуникаций оператор использовал общее имущество без платы, которое принадлежало всем собственникам. При этом суд указал, что договор с отдельным потребителем связи не является надлежащим основанием для пользования общим имуществом. На этом основании суд удовлетворил требования о взыскании неосновательного обогащения²¹².

Из описанного выше дела следует, что у собственников не возникло никаких убытков от деятельности оператора. Для суда был важен именно факт извлечения необоснованного преимущества оператором связи, которое заключалось в бесплатном пользовании чужим имуществом.

В-четвертых, в некоторых ситуациях даже при уменьшении имущества потерпевшего отсутствует кондикционное требование к приобретателю.

Можно привести следующий казус, когда обеднение кредитора не является фактором, влияющим на возможность предъявления кондикционного требования. Допустим, по заявлению одной из сторон договор купли-продажи акций спустя несколько лет после его заключения был признан недействительным. При этом за эти несколько лет стоимость акций существенным образом изменилась в большую сторону благодаря предпринимательским способностям покупателя. Соответственно, покупатель возвращает продавцу уже более привлекательный актив с экономической точки зрения, но продавец возвращает цену акций, которая была установлена на момент заключения договора и которая была прямо в нем закреплена²¹³.

---

²¹² Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.04.2019 № Ф01-1119/2019 по делу № А31-6641/2018. Указанная практика может считаться сложившейся, поскольку Экономическая коллегия ВС РФ в ряде своих определений подтвердила данный подход (см., например, определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.04.2018 № 304-ЭС17-10944 по делу № А75-9721/2016, определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.06.2018 № 306-ЭС18-448 по делу № А55-26064/2016).

²¹³ Пример основан на мотивах дела № А31-6949/2020, которое касалось корпоративного спора между бывшими акционерами АО «КБ Модульбанк». В данном деле суд не учел увеличение стоимости акций и в связи с этим отказал в удовлетворении иска.

В такой ситуации покупатель акций несет потери в размере разницы в их стоимости. Продавец, напротив, извлекает определенную выгоду, которая заключается в том, что он получает более развитый бизнес и более дорогой актив. При этом продавец получает эту выгоду неосновательно, поскольку он сам лично никаких усилий для развития бизнеса и, соответственно, стоимости акций не приложил.

Однако гражданское законодательство не предусматривает возможности компенсировать такие потери. Представляется, что это обусловлено также принципом номинализма, согласно которому объектом денежного обязательства являются денежные знаки. Из этого следует, что изменение курса никак не влияет на структуру и динамику денежного обязательства²¹⁴. Уменьшение имущества произошло по причине экономических факторов, которые могут быть связаны не только с личным вкладом потерпевшего, но также в связи с экономическими причинами, которые способны влиять на стоимость имущества. Поэтому нарушение прав потерпевшего происходит не только по причине нарушения его прав, но и в результате (возможно, даже в большей степени) объективных экономических процессов. Вероятно, именно такой подход воспринят в некоторых аналогичных делах²¹⁵.

Интересно заметить, что подобный подход соответствует эффекту недействительности сделки, который, по общему правилу, заключается в ретроактивной отмене договора. Соответственно, если не было договора, то и вещь должна рассматриваться как никогда неиспользовавшаяся²¹⁶. Если вещь не использовалась, значит приобретатель не мог никаким образом извлечь из нее какие-либо блага в результате нарушения прав потерпевшего.

---

²¹⁴ Лунц Л.А. Деньги и денежное обязательство в гражданском праве. М.: Статут, 1999. С. 70.

²¹⁵ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.01.2022 по делу № 88-1860/2022, 2-1167/2021.

²¹⁶ Усачева К.А. Единая модель реституционных отношений в проектах реформирования французского и швейцарского обязательственного права (часть вторая: основные прикладные вопросы реституции) // Вестник гражданского права. 2016. № 1. СПС «КонсультантПлюс».

При этом даже если исходить из того, что возврат полученного после отмены договора должен регулироваться одинаково для всех случаев срыва договорных отношений²¹⁷, уменьшение имущества потерпевшего все равно не может рассматриваться в качестве ключевого обстоятельства, которое принимается во внимание при возврате полученного. Так, в современном праве существует несколько критериев разрешения подобных ситуаций и учета увеличения стоимости возвращаемого предмета.

Например, согласно критерию добросовестности в субъективном смысле до знания об отмене или основаниях отмены договора получатель (в примере выше – покупатель) использовал имущество как собственник в своих интересах, но после получения такого знания он уже должен понимать, что улучшает вещь в чужом интересе. Соответственно, при таком подходе добросовестное улучшение вещи подлежит компенсации, тогда как недобросовестное – не подлежит²¹⁸.

Если же исходить из критерия эквивалентности предоставлений, то покупатель должен иметь право компенсировать свои потери только в случае личного вклада; при случайном же увеличении стоимости не требуется такой компенсации²¹⁹.

Как видно, для разрешения описанной ситуации недостаточно линейной констатации уменьшения имущества потерпевшего. Напротив, во внимание принимаются иные факторы (добросовестность, эффект отмены договора, эквивалентность и т.п.), но не само по себе обеднение потерпевшего. Соответственно, как видно, в некоторых случаях даже при наличии фактического уменьшения имущества потерпевшего кондикционное требование может отсутствовать.

---

²¹⁷ Усачева К.А. Возвращение полученного как последствие расторжения нарушенного договора: дис. ... канд. юр. наук. Москва, 2018. С. 187.

²¹⁸ Ibidem. С. 120.

²¹⁹ Ibidem С. 126.

ГЛАВА 2. Партикулярная модель кондикционного обязательства и присущее ей понятие обогащения «за счет» потерпевшего

§ 1. Партикулярная модель кондикционного обязательства

Исторически первой моделью, направленной на организацию системы кондикционных требований, являлась партикулярная модель. Смысл данной модели заключается в дифференцированном регулировании обязательств из неосновательного обогащения и отказе от единого регулирования для всех случаев возникновения кондикционных обязательств²²⁰.

Как известно, римские источники знали множество различных исков, которые были направлены на возврат неосновательного обогащения²²¹. Так, выделяли *condictio indebiti* (возврат недолжно уплаченного), *condictio ex causa furtiva* (возврат украденной вещи), *condictio causa data causa non secuta* (возврат переданного по неисполнимому договору), *condictio ob turpem (vel iniustam) causam* (возврат предоставления, совершенного в противоречие с добрыми нравами). Утверждается, что каждая из этих кондикций имела самостоятельное регулирование²²². Например, в отличие от иных видов для применения *condictio indebiti* необходимо обосновать ошибку потерпевшего о наличии / отсутствии обязательства или иной причины предоставления имущества²²³. Наоборот, для применения *condictio ex causa furtiva* было необходимо обосновать не только объективный момент (обогащение одного

²²⁰ Wilburg W. Die Lehre von der ungerechtfertigten Bereicherung nach österreichischem und deutschem Recht. Graz. 1934. S. 28; Medicus D. Schuldrecht II. Besonderer Teil: Ein Studienbuch. II. Aufl. Munchen, 2003. S. 303-305.

²²¹ Дождев Д.В. Римское частное право: учебник / Д.В. Дождев; под общ. ред. В.С. Нерсисянца. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 546–547.

²²² Там же. С. 546-547.

²²³ Du Plessis J. Basic Features and Problems of Unjustified Enrichment // Iurium itinera. Historische Rechtsvergleichung und vergleichende Rechtsgeschichte. Mohr Siebeck: Tübingen. 2022. P. 557-559.

лица за счет другого), но и субъективный момент – недобросовестность обогатившегося (получение имущества незаконно или бесчестно)²²⁴.

При этом интересно отметить, что наравне с фрагментами, где казусы решаются с помощью конкретных составов кондикций, существовали отдельные фрагменты, которые, по сути, уже закладывали основу для унитарной модели кондикционного обязательства. В частности, известно изречение Помпония: согласно закону природы справедливо, чтобы никто не становился богаче в ущерб другому (*nam hoc natura aequum est neminem cum alterius detrimento fieri locupletiores*)²²⁵. К тому же, помимо указанных выше кондикций, выделялась *condictio sine causa*, которая имела общий характер для целого ряда ситуаций неосновательного обогащения. Так, она была доступна, например, в случае возврата стоимости потребленного дара одним супругом от другого супруга, поскольку дарение между супругами было запрещено, либо в случае когда беглый раб дал займы другому лицу деньги своего хозяина, которые до предъявления требований со стороны хозяина были израсходованы, либо когда обогащение одного лица произошло в результате природных явлений²²⁶. Утверждается, что данные примеры являются отражением более общей формулы иска о возврате неосновательного обогащения, которая рассчитана не на конкретную спорную ситуацию, но на регулирование кондикционного иска аналогичным образом для совокупности однородных отношений²²⁷.

Тем не менее, по мнению ученых, эти изречения, основанные на более общем подходе к разрешению споров о неосновательном обогащении в римском праве, не являлись правилами применения. Так, Р. Циммерманн указывает, что предложенная Помпонием формула является чрезмерно

²²⁴ Римское частное право: Учебник / В.А. Краснокутский, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский и др.; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юрист, 2004. С. 569.

²²⁵ D. 12.6.14.

²²⁶ Римское частное право: Учебник / В.А. Краснокутский, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский и др.; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юрист, 2004. С. 571.

²²⁷ Там же. С. 571-573.

широкой по объему и без какой-либо конкретизации способна подорвать устойчивость оборота, поскольку фактически каждый предприниматель в конечном счете намеревается обогатиться за счет своих конкурентов²²⁸. Н. Янсен утверждает, что данные изречения скорее являются самыми первыми попытками отразить сущность неосновательного обогащения и генерализировать применение соответствующего института²²⁹.

Поскольку предметом данного параграфа является именно понятие **системы** кондикционного требования, то было бы неправильным утверждать, что указанные кондикции в действительности ее образовывали. Скорее, это были многочисленные случаи, связанные по внешним признакам, но независимые друг от друга, которые направлены на решение похожих ситуаций²³⁰. Причем эти многочисленные кондикции могли пересекаться в сфере применения таким образом, что для одной фактической ситуации было возможно наличие нескольких правил, для каждого из которых требуется соблюдение определенного фактического состава²³¹.

На современном этапе партикулярная модель получила широкое распространение, прежде всего, в немецком правопорядке. Так, согласно данному подходу кондикционное обязательство является собирательным термином для двух больших групп кондикционных обязательств: «кондикция из предоставления» (*Leistungskondiktion*) и «кондикция иным образом» (*Nichtleistungskondiktion*). Каждый из данных видов обязательств имеет особые условия возникновения и структурные элементы²³².

²²⁸ Zimmermann R. The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition. Oxford: Oxford University Press. 1995. P. 852.

²²⁹ Jansen N. Farewell to unjustified enrichment? // 20 Edinburg Law Review. 123. 2016. P. 4.

²³⁰ Kaser M. Roman Private Law. Pretoria. 1984. P. 244-245.

²³¹ Du Plessis J. Op.cit. P. 559.

²³² Wilburg W. Op. cit. S. 35. Каммерер Э. Обогащение и недозволенное действие. Часть вторая // Вестник гражданского права. 2010. № 3. С. 274 - 298. Данная модель распространяет свое влияние не только на немецкий правопорядок, но и за его пределами. Например, в некоторых работах, посвященных праву ЮАР, авторы указывают на необходимость восприятия данной идеи в их правопорядке (см., например, Visser D.P. Unjustified Enrichment. Cape Town. 2008. P. 3-54; Du Plessis J. The South African Law of Unjustified Enrichment. Cape Town. 2012. P. 64-65). В австрийском правопорядке также можно

Кондикция из предоставления применяется к тем случаям, когда потерпевший своими действиями вызывает обогащение приобретателя (например, путем платежа по ошибке или в связи с отпадением *causa* обязательства впоследствии или в связи с изначальным отсутствием долга), при этом такое предоставление изначально осуществляется с определенной целью, которая впоследствии оказывается недостигнутой²³³. Как указывал В. Вильбург, а затем Э. фон Каммерер, притязание о возврате предоставленного вследствие порока или отпадения каузы предоставления лежит в той же плоскости, что и иные обязательственно-правовые притязания из займа, ссуды, аренды, хранения, из отказа от договора и расторжения договора²³⁴. При этом немецкая юриспруденция исходит из нескольких базовых правил, регулирующих кондикцию из предоставления: (1) принцип субсидиарности (согласно которому кондикция из предоставления имеет приоритет над кондикцией иным образом), и (2) принцип целенаправленности (согласно которому под предоставлением (*Leistung*) понимается сознательное и целенаправленное увеличение чужого имущества)²³⁵. Согласно второму принципу определяется, в том числе условие «без правового основания» для кондикции из предоставления: неосновательным обогащение становится тогда, когда предоставление не достигает закрепленной за ним цели.

В связи с этим, можно заключить, что правила кондикции из предоставления исходят из необходимости определения неосновательности через правовой материал, содержащийся в нормах о сделках и договорах. Если обязательство не достигает своего результата согласно соответствующим

наблюдать рецепцию данного подхода на уровне практики и доктрины (см., например, Martinek M. Op. cit. S. 820-833).

²³³ Утверждают, что в исключительных случаях обогащение может быть возвращено и при достижении цели предоставления, которая, однако, не соответствует моральным стандартам или добрым нравам (§ 817 BGB) (см. подробнее Koppensteiner H.-G., Kramer E.A. Ungerechtfertigte Bereicherung. Berlin: de Gruyter. 1988. S. 25-26).

²³⁴ Каммерер Э. Указ. соч. С. 263.

²³⁵ Шапп Я. Система германского гражданского права / Пер. с нем. С.В. Королева. – М.: Междунар. отношения. 2006. С. 117–118.

законодательным положениям, посвященным тем или иным обязательственным конструкциям, то в таком случае возникает кондикционное обязательство. Так, Верховный суд РФ неоднократно подтверждал, что кондикционное обязательство возникает при взимании банком дополнительных (повышенных) сумм комиссий (например, за совершение платежа, за ведение ссудного счета), поскольку такие комиссии не могут быть отнесены к плате за самостоятельную услугу, предоставляемой банком своему клиенту²³⁶.

Вторым видом в указанной типологии является кондикция иным образом, которая направлена на разрешение таких ситуаций, где обогащение получено активными действиями самого приобретателя, то есть это ситуации, когда приобретатель с помощью своих действий обогащается из «имущества» (или лучше сказать – из блага) потерпевшего. Кондикция иным образом подразделяется на следующие виды²³⁷: обогащение в форме расходов на чужое имущество (*Verwendungskondiktion*), обогащение в результате уплаты чужого долга²³⁸ (*Rückgriffskondiktion*) и обогащение из вмешательства (*Eingriffskondiktion*) (самый распространенный вид кондикции).

Как указывал Э. фон Каммерер, последний указанный тип кондикции должен распространять сферу своего действия на все права, подлежащие абсолютной защите (право собственности, интеллектуальные права, личные неимущественные права)²³⁹. Такое решение обусловлено господствующей в

²³⁶ См., например, определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.02.2024 № 305-ЭС23-22693 по делу № А40-242372/2022, определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 05.03.2024 № 307-ЭС23-21546 по делу № А56-89525/2022, определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2023 № 310-ЭС23-14161 по делу № А14-2462/2022.

²³⁷ Meier S. Unjustified enrichment // Max Planck Encyclopedia of European Private Law / Ed. by J. Basedow, K.J. Hopt, R. Zimmermann, A. Stier. Vol. II. Oxford, 2012.

²³⁸ Данный вид кондикции считается наиболее спорным для выделения в рамках данной категории: авторы утверждают, что данный вид является искусственным, так как поглощается иными видами кондикции (См., например, Wieling H.J. Bereicherungsrecht. Trier.: Springer-Verlag 2006. S. 53-54; Reuter D., Martinek M. Ungerechtfertigte Bereicherung. Tübingen. 1983. S. 240).

²³⁹ Ellger R. Bereicherung durch Eingriff. Tübingen: Mohr, 2002. S. 354. Каммерер Э. Указ. соч. С. 246 – 288.

настоящий момент концепцией в рамках кондикции из вмешательства — концепция прикрепленного содержания субъективного права (*Zuweisungsgehalt*). В самом общем виде суть этой теории заключается в том, что каждое субъективное право закрепляет за его обладателем определённое благо (например, потребить, использовать, уничтожить вещь). Когда происходит обогащение из вмешательства, то ненадлежащее лицо осуществляет определенные манипуляции с прикрепленным к праву благом, которое согласно теории *Zuweisungsgehalt* принадлежит управомоченному лицу²⁴⁰.

Подчеркнем, что типология В. Вильбурга и Э. фон Каммерера основана на толковании ГГУ. Иными словами, их концепция не является чем-то, искусственно выведенным, но, наоборот, строится на законодательном материале и нормах права. Например, § 812 ГГУ содержит все предпосылки для партикулярной концепции. Несмотря на общую (генеральную) норму, первое предложение прямо указывает, что лицо может обогатиться без законных оснований вследствие предоставления другим лицом (*durch die Leistung*) или иным образом (*in sonstiger Weise*). Помимо этого, сам ГГУ содержит нормы, которые актуальны только для одного из видов кондикции. Например, утверждается, что § 814 ГГУ²⁴¹ имеет место только в случаях кондикции из предоставления, в то время как § 816 ГГУ²⁴² актуален лишь для кондикции из вмешательства. Соответственно, как § 812 ГГУ, так и сама систематика раздела ГГУ о неосновательном обогащении указывают на необходимость предложенной учеными типологии.

---

²⁴⁰ Там же. С. 246–288.

²⁴¹ «Предоставленное с целью исполнения обязательства не может быть потребовано к возврату, если исполнитель знал, что он не обязан к исполнению, либо его исполнение было связано с нравственным долгом или соблюдением приличий».

²⁴² «Если неправомочное лицо распоряжится предметом и это распоряжение имеет силу для правомочного лица, то оно обязано возвратить правомочному лицу все полученное вследствие такого распоряжения».

Таким образом, типология В. Вильбурга и Э. фон Каммерера позволила переосмыслить унитарную концепцию в пользу подхода, который, как утверждают его сторонники, является более обоснованным и позволяет учесть особенности различных фактических ситуаций²⁴³.

Необходимо заметить, что еще более ранние авторы, хотя и признавали наличие унитарной концепции, в рамках анализа неосновательного обогащения строили свои работы, исходя из исследования отдельных видов кондикций. Например, Б. Виндшейд указывал, что все случаи неосновательного обогащения неэффективно регулировать одними и теми же правилами²⁴⁴.

Партикулярная модель имеет определенные преимущества в сравнении с унитарной моделью построения системы кондикционных обязательств.

Во-первых, унитарная модель, воплощая формулу Ф.К. фон Савиньи и устанавливая общую норму для всех кондикционных обязательств, фактически расширяет сферу права неосновательного обогащения до практически безграничных пределов. Это происходит в связи с тем, что основные реквизиты (условия) возникновения кондикционного обязательства в рамках данной модели становятся расплывчатыми (в особенности такие условия, как «без правового основания» и «за счет потерпевшего»)²⁴⁵.

Например, П. Шлехтерим указывал, что чем более абстрактно сформулированы условия кондикционного обязательства, тем более трудным становится процесс определения сферы действия такого обязательства²⁴⁶. При этом следует уточнить, что речь идет не о пересечении кондикционного требования с иными потенциальными требованиями, которые потерпевший может иметь в зависимости от фактических обстоятельств дела (как то

²⁴³ Zimmermann R. Op. cit. P. 12.

²⁴⁴ Windscheid B. Zwei Fragen aus der Lehre von der Verpflichtung wegen Ungerechtfertigter Bereicherung. Leipzig. 1878. S. 8-16. На временный характер унитарной модели (не применительно к ГГУ, а в целом с точки зрения эволюции учения о неосновательном обогащении) указывает также Р. Циммерманн (Zimmermann R. Op. cit. P. 9).

²⁴⁵ Zimmermann R. Op. cit. P. 12-14.

²⁴⁶ Schlechtriem P. Schuldrecht. Besonderer Teil. Tübingen: Mohr Siebeck. 1998. S. 310.

виндикационное или деликтное притязание). Проблема возникает в тех случаях, когда принципиальным является вопрос не о том, какой иск необходимо заявить, а о том, допустимо ли в принципе «выравнивать» ситуацию с помощью кондикционного обязательства, когда при этом отсутствуют основания для предъявления иных требований²⁴⁷. Иными словами, основным вопросом является не «какие?», а «можно ли?».

Например, в рамках уже ранее упоминавшегося примера отопления квартиры соседа сверху унитарная модель за счет своей генеральности в принципе могла бы допустить удовлетворение такого требования, поскольку у соседей имеется определенное благо, оно получено без правового основания (отсутствует какое-либо соглашение с собственником или норма права, санкционирующее такое обогащение), а также обогащение происходит за счет собственника квартиры на первом этаже (именно его оборудование расходует энергию, которой бесплатно пользуются соседи). Несмотря на формальное наличие указанных факторов, большая часть доктрины уверенно отвергает возможность удовлетворения кондикционного требования в данном случае²⁴⁸.

Другим примером, который можно было бы привести для обоснования того, что унитарная модель не подходит для регулирования кондикционных требований, являются, так называемые, случаи обогащения, осложненные участием третьих лиц в процессе предоставления. Можно привести следующую хрестоматийную ситуацию. Допустим, А выписывает чек своему контрагенту В, который должен быть оплачен в банке – Б. Позже А обнаруживает, что чек составлен с нарушениями, в результате чего является ничтожным. Несмотря на ничтожность, Б по причине неосмотрительности одного из своих работников выплачивает сумму, указанную в чеке, в пользу

---

²⁴⁷ Ibidem. S. 311.

²⁴⁸ См., например, Smith L. Restitution: A New Start? // The Impact of Equity and Restitution in Commerce. Oxford: Hart. 2018/ P. 91-117. Whitty N. Indirect Enrichment in Scots Law // Juridical Review. Vol. 200. 1994. P. 143. Webb C. What is Unjust Enrichment // Oxford Journal of Legal Studies. Vol. 29 (215). 2009. P. 239. Dawson J.P. The Self-Serving intermeddler // Harvard Law Review. Vol. 87.7. 1974. P. 1445.

В. В данном случае встает вопрос, к кому из двух названных лиц (А или В) Б может предъявить кондикционное требование? В рамках унитарной концепции вполне можно было бы допустить, что кондикционное требование банка должно быть направлено против В как конечного выгодоприобретателя, поскольку он фактически получил спорную сумму по ничтожному чеку.

Однако такой подход игнорирует характер правоотношений, которые сложились между сторонами (отношения А-Б и отношения Б-В) и, соответственно, не принимает во внимание цель, которую преследовал Б при перечислении денежных средств, а также признаваемые правом интересы²⁴⁹. Если использовать механизмы, на которых основана кондикция из предоставления, не составляет труда разрешить вышеуказанный казус с перечислением денежных средств по ничтожному чеку. Банк Б не сможет предъявить кондикционное требование напрямую к В (получатель платежа), поскольку основной смысл перечисления денежных средств от Б к В заключался в исполнении Б своих обязательств в пользу А. Иными словами, одним действием (перечисление от Б к В) банк исполнил свое обязательство перед А, а также обязательство А перед В²⁵⁰. Поскольку действия Б были направлены в пользу А, то предъявление кондикционного требования от банка Б возможно только в отношении А. В таком случае А (после удовлетворения требования Б) сможет предъявить свое требование к В о возврате недолжно полученного. Можно заметить, что возврат неосновательного обогащения происходит как бы по треугольнику: от А к Б и от В к А. Именно поэтому такие случаи часто именуются «*three-cornered relations*»²⁵¹.

²⁴⁹ См., например, Schmidt-Recla A. Deutsche Dogmen und englisches leapfrogging bei der Restitution im Dreiecksverhältnis // JuristenZeitung. 2010. Nr. 23. S. 1150-1156.

²⁵⁰ Дождев Д.В. Делегация и исполнение: анатомия обязательства // Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. Т. 2: Залоговое право. Обязательство. Договор купли-продажи / Д.В. Дождев; Исслед. центр частн. права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ. Рос. шк. частн. права. М.: Статут, 2021. С. 112.

²⁵¹ Zimmermann R. Op. cit. P. 15.

Таким образом, более правильным решением в данной ситуации будет кондикционное требование от Б к А, а впоследствии от А к В. Именно так разрешил этот спор Верховный суд Германии в одном из аналогичных дел²⁵².

Соответственно, следует согласиться с Г. Даннеманном, который указал, что унитарная концепция скорее носит описательную функцию, но не решает основной вопрос неосновательного обогащения относительно личности управомоченного субъекта в обязательствах о возврате неосновательного обогащения²⁵³.

Партикулярная модель, наоборот, позволяет более четко определить сферу действия кондикционных обязательств и предоставляет механизм установления управомоченного и обязанного лица. В ином случае, используя выражение Э. Шраге, можно было бы сказать, что унитарная модель открывает шлюзы плотины настолько, что вплеснувшаяся вода может вызвать наводнение²⁵⁴.

Во-вторых, представляется, что партикулярная теория также отвечает одному из фундаментальных принципов права, который заключается в том, что похожие ситуации должны разрешаться аналогично (*treat like cases alike*). В связи с тем, что в рамках унитарной модели все фактические ситуации возникновения неосновательного обогащения «вписаны» в один шаблон, невозможно учесть их специфику. Наоборот, партикулярная концепция, хотя и оперирует более сложным механизмом, позволяет учесть специфику ситуаций и впоследствии аналогичным образом их разрешать.

Можно привести пример Дж. Гордли, который достаточно показательно иллюстрирует необходимость дифференциации в праве неосновательного обогащения. Представим, что есть несколько ситуаций, в каждой из которых лицо осуществляет одно и то же действие – рубит дерево:

²⁵² BGHZ 72 246 = NJW 1986, 251.

²⁵³ Dannemann G. The German law of unjustified enrichment and restitution. Oxford, 2009. P. 8-13.

²⁵⁴ Schrage E.J.H. On Obligations that arise from unjustified enrichment. Digesta. 2005. P. 380-388.

Ситуация 1. Лицо А рубит дерево, чтобы продать земельный участок, на котором оно расположено. Однако земельный участок принадлежит лицу Б, о чем лицо А не знает. При этом лицо Б намеревалось нанять рабочих, чтобы вырубить дерево и продать свой земельный участок.

Ситуация 2. Для цели выполнения физических упражнений с топором лицо А рубит дерево, которое находится на земельном участке лица Б, о чем лицу А неизвестно. Лицо Б, как и в предыдущем примере, намеревался продать участок.

Ситуация 3. Лицо А рубит дерево как исполнитель по договору подряда с лицом Б. Впоследствии лицо А узнает, что договор является недействительным²⁵⁵.

Несмотря на то, что во всех трех ситуациях лицо А выполняет одну и ту же активность, право допускает предъявление требований к лицу Б только в ситуациях 1 и 3. Ситуация 2 является одним из примеров рефлексивного действия права подобно примеру с отоплением квартиры²⁵⁶.

В-третьих, как отмечал Л.А. Лунц, в вопросе о неосновательном обогащении коллизия доктрина, а также практика разных стран обнаруживают колебания и склоняются к дифференцированным критериям²⁵⁷.

Разграничение указанных случаев в материально-правовом смысле (кондикция из предоставления больше примыкает к договорам, а кондикция из вмешательства — к деликтам) предполагает также необходимость партикулярного регулирования на коллизионном уровне.

Данную идею высказал еще Э. фон Каммерер²⁵⁸, впоследствии эта идея была поддержана другими авторитетными учеными в области коллизионного права. Например, Д. Буссе указывал, что в сфере коллизионного

²⁵⁵ Gordley J. Op. cit. P. 397.

²⁵⁶ Ibidem. P. 398-399.

²⁵⁷ Лунц Л.А. Курс международного частного права: Международное частное право: Особенная часть. В 3-х томах / Том 2. - М.: Юрид. лит., 1975. С. 660.

²⁵⁸ Каммерер Э. Указ. соч. С. 286.

регулирования неосновательного обогащения необходимо учитывать специфику материально-правовых норм, основанных на теории разделения²⁵⁹. Утверждается, что для востребованности на практике коллизионного правила применительно к кондикционным обязательствам принцип запрета неосновательного обогащения должен дифференцироваться в зависимости от различных типов кондикционных притязаний. Такие притязания могут возникать (1) во взаимосвязи с договором между сторонами, (2) сделкой, предметом которой является земельный участок, (3) без какой-либо взаимосвязи в принципе²⁶⁰.

Такое партикулярное регулирование предполагает для случаев кондикции из предоставления привязку к основному правоотношению (например, право, которому был подчинен прекращенный / отмененный договор), а для случаев кондикции иным образом – привязку к месту самого обогащения (место приобретения или сбережения имущества).

Логика такого подхода заключается в том, что привязка *lex causae* для случаев кондикции из предоставления гарантирует защиту ожиданий сторон основного обязательства, в частности ранее существовавшего обязательственного правоотношения. Но когда ранее существовавшее правоотношение отсутствует, может быть использована привязка места возникновения обогащения (по аналогии с привязкой для деликтов – *lex loci delicti commissi*)²⁶¹.

²⁵⁹ Busse D. Internationales Bereicherungsrecht. Mohr Siebeck. Tübingen: Mohr Siebeck. 1998. S. 11-12. См. также Rabel E. The Conflict of Laws: A Comparative Study. 2nd ed. Vol. 3 Special Obligations: Modification and Discharge of Obligations Michigan, 1964. P. 361-382.

²⁶⁰ Dicey and Morris on the Conflict of Laws. 14th ed. / Gen. ed. J.H.C. Morris. London. 1967. P. 905. В качестве примера такого подхода авторы приводят следующую иллюстрацию. Австрийская компания А заключила договор поставки судовых двигателей с английской компанией Б и внесла предоплату в размере 10 000 фунтов наличными в офисе компании Б, расположенном в Англии. Договор был подчинен австрийскому праву. Позднее договор прекратил свое действие в связи с войной между Австрией и Англией в 1914 г. После окончания войны компания А подала иск о возврате аванса, и спор был рассмотрен по австрийскому праву (Dicey and Morris Op. cit. P. 907).

²⁶¹ Hay P. Unjust Enrichment in the Conflict of Laws: A Comparative View of German Law and the American Restatement 2d // The American Journal of Comparative Law, Vol. 26, No. 1, 1978, P. 29-33; Джимбеева Д.В. Обязательства из неосновательного обогащения в коллизионном праве. Дисс. ...канд. юрид.наук. М., 2017. С. 90-93.

Интересно, что доктринальные изыскания позднее были воплощены в тексте ст. 38 Вводного закона к ГГУ (*Einführungsgesetz BGB*)²⁶², где для случаев обогащения, результатом которого стали действия потерпевшего, вводится привязка к праву страны, регулирующий вопрос исполнения обязательства потерпевшим, а для случаев обогащения действиями приобретателя – право страны, где произошло посягательство на благо, принадлежащее потерпевшему. Соответственно, немецкий законодатель унифицировал материальное и коллизионное регулирование кондикционных обязательств с учетом партикулярной системы.

Таким образом, можно заметить, что партикулярная модель является популярным среди ученых подходом к организации системы кондикционного обязательства²⁶³. Ее основные достоинства следуют из недостатков унитарной концепции и восполняют их.

²⁶² Ст. 38 EGBGB:

«1) Притязания из неосновательного обогащения вследствие произведенного исполнения определяются по праву, применимому к правоотношению, с которым связано исполнение.

2) К притязаниям вследствие посягательств на охраняемый интерес применяется право государства, в котором произошло посягательство.

3) В иных случаях к притязаниям из неосновательного обогащения применяется право государства, в котором произошло неосновательное обогащение».

²⁶³ Отметим, что французский правопорядок также исходит из партикулярной концепции. Напомним кратко, что изначально Французский гражданский кодекс (ФГК) содержал правила, регулирующие лишь один из частных случаев кондикционного обязательства – истребование недолжно уплаченного (*repetition de l'indu*). При этом в ФГК не было общей нормы о возврате неосновательного обогащения и в принципе самого понятия генерального кондикционного иска. По сути, все регулирование неосновательного обогащения ограничивалось только случаями *condictio indebiti*, которые, хотя и являются достаточно частым проявлением ситуаций неосновательного обогащения, не охватывают весь возможный ландшафт различных жизненных ситуаций (Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. Т. 2. М.: Междунар. отношения, 1998. С. 295-297).

В связи с этим во французской науке гражданского права систематически высказывались точки зрения о необходимости закрепления на уровне закона модели генеральной нормы о кондикционном требовании (*actio de in rem versio*) (Цвайгерт К., Кетц Х. Указ. соч. С. 298-300). При этом авторы указывали, что для данных кондикционных требований необходимы разные условия возникновения. Так, истребование недолжно уплаченного было возможно, только если 1) совершено предоставление, 2) долг не существовал и 3) платеж совершен по ошибке (Годэмэ Э. Общая теория обязательств. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 300). В свою очередь, условиями для возникновения *actio de in rem versio* были следующими: 1) получение обогащения приобретателем, 2) наличие обеднения у потерпевшего, 3) отсутствие правового основания (Там же. С. 300).

Позже такой иск был фактически санкционирован судебной практикой (например, в деле Будье, см. подробнее Цвайгерт К., Кетц Х. Указ. соч. С. 300-301), и вплоть до 2016 года именно решения судов по конкретным делам являлись источником, который закрепляет общую норму о неосновательном обогащении.

Несмотря на достоинства партикулярного подхода, необходимо обратить внимание, что он также не свободен от критики.

Проблемы могут возникать при квалификации тех или иных фактических ситуаций. В сложных делах суды могут испытывать трудности относительно того, к какому типу кондикции относится неосновательное обогащение приобретателя. Для пояснения этой проблемы можно привести следующий пример из практики немецких судов – дело «безбилетного пассажира». Обстоятельства названного дела заключались в том, что несовершеннолетний гражданин без ведома авиакомпании пробрался на борт самолета, который направлялся из Гамбурга в Нью-Йорк. При высадке в Нью-Йорке ему было отказано в прохождении таможенного контроля в связи с отсутствием документов. В связи с этим авиакомпания «Люфтганза» была вынуждена доставить пассажира обратно в Германию. По прилете авиакомпания предъявила кондикционное требование к родителям несовершеннолетнего пассажира в связи с тем, что перелет осуществлялся бесплатно за счет авиакомпании. В данном деле, среди прочего, перед судом встал вопрос квалификации вида кондикции.

С одной стороны, авиакомпания осуществила в пользу несовершеннолетнего предоставление в виде услуги по перелету, что предполагает наличие кондикции из предоставления.

С другой стороны, несовершеннолетний использовал ресурсы авиакомпании, которые принадлежат исключительно ей, а именно право

После полномасштабной реформы обязательственного права в 2016 году, в ФГК, наряду с *condictio indebiti*, появился отдельный раздел, посвященный неосновательному обогащению (*enrichissement injustifié*). При этом, как можно заметить из систематики, в ФГК не была инкорпорирована общая норма о неосновательном обогащении. Согласно ст. 1303 ФГК возврат неосновательного обогащения допускается «в иных случаях, чем возврат недолично уплаченного и ведение чужих дел без поручения». Другими словами, под сферу действия данного требования подпадает все, что не относится к уже известным квазиконтрактам, т.е. кондикционные требования, которые возникают в основном в результате действий приобретателя.

То есть французский законодатель инкорпорировал деление случаев неосновательного обогащения, что соответствует идее партикулярного подхода (Descheemaeker E. The New French Law of Unjustified Enrichment // *Restitution Law Review*, vol. 25. 2018. P. 19-21; Davrados N.A. Demystifying Enrichment Without Cause, 78 *Lousina Law Review* (2018) P. 1262-1264.).

заполнить места в самолете в соответствии с правилами авиакомпании. Такое поведение подпадает под сферу действия кондикции из вмешательства: поскольку несовершеннолетний, заняв место в самолете, «отобрал» у компании благо, которое прикрепляется к содержанию субъективного права авиакомпании. Именно такой подход нашел отражение в решении суда²⁶⁴.

Как видно, в данном деле вывод о том, к какому типу необходимо отнести данную фактическую ситуацию (и соответственно, какие правила необходимо применять в данном деле), являлся неочевидным. Соответственно, можно заключить, что существуют определенные трудности в применении к определенной ситуации соответствующего типа кондикции.

§ 2. Содержание условия «за счет» потерпевшего в рамках кондикции из вмешательства

В рамках кондикции из вмешательства как самого распространенного вида кондикций «иным образом» выделяют два возможных объяснения условия «за счет потерпевшего»: (1) концепция противоправности (*Rechtswidrigkeitstheorie*) и (2) концепция прикрепленного содержания субъективного права (*Zuweisungsgehalt*).

1. Противоправность как содержание условия «за счет» потерпевшего в обогащении из вмешательства

Одним из обоснований значения условия «за счет», которое было предложено немецкой доктриной, является концепция противоправности действий приобретателя (*Rechtswidrigkeitstheorie*)²⁶⁵.

Согласно этому подходу действия приобретателя должны иметь противоправный характер для возникновения кондикционного обязательства²⁶⁶.

²⁶⁴ BGHZ 55, 128 = NJW 1971, 609.

²⁶⁵ Schulz F. System der Rechte auf den Eingriffserwerb // Archiv für die civilistische Praxis. 105 Bd. H. 1. 1909. S. 121-130.

²⁶⁶ Ibidem. S. 130.

Данная концепция основывается на аксиоме, что правопорядок не может поощрять приобретение каких-либо благ в результате противоправных действий. Таким образом, получается, что лицо, которое противоправно приобрело чужое имущество, является надлежащим должником в кондикционном обязательстве. Иными словами, сам факт противоправности приобретения свидетельствует о легитимации сторон обязательства²⁶⁷.

Можно заметить, что этот подход созвучен с тем, что в английском праве называется «*restitution by wrong*». Согласно такой трактовке кондикция выполняет штрафную функцию, наказывая нарушителя (приобретателя) за причиненный вред²⁶⁸. В целом, представители данной концепции определяли неосновательное обогащение в результате действий приобретателя как квазиделикт²⁶⁹.

Как видно, данная теория позволяет обосновать наличие кондикционного требования в случае нарушения интеллектуальных прав без обращения к идее уменьшения имущества потерпевшего. Действительно, лицо, использующее чужое произведение, может обогатиться как путем изготовления экземпляров такого произведения, так и путем получения доходов от продажи контрафактных экземпляров; при этом в двух указанных случаях из имущественной массы потерпевшего не выбывает какое-либо имущество. Ф. Шульц указывает, что первый случай представляет, так называемое, техническое приобретение (*technischen Eingriffserwerbs*), а второй — экономическое приобретение (*wirtschaftlichen Eingriffserwerbs*). Обе ситуации являются противоправными, и соответственно, оба вида обогащения подлежат возврату потерпевшему²⁷⁰.

---

²⁶⁷ Ibidem. S. 133.

²⁶⁸ Birks P. Op. cit. P. 76.

²⁶⁹ Ellger R. S. 90.

²⁷⁰ Schulz F. Op. cit. S. 430

Как было указано, Ф. Шульц утверждает, что для возникновения кондикционного обязательства между выгодами должника и его неправомерными действиями должна быть причинно-следственная связь²⁷¹.

Один из последователей теории противоправности Х.-Х. Якобс утверждал, что условие «за счет потерпевшего» должно пониматься именно в контексте противоправности. Иными словами, не каждое обогащение (т.е. увеличение имущества) за счет потерпевшего должно быть возвращено, а только то, которое возникло за счет потерпевшего в результате противоправных действий приобретателя, нарушающих субъективные права потерпевшего. В данном случае автор исходит из субъективного понимания противоправности (т.е. противоправно нарушение субъективных прав, а не нарушение нормы права). Утверждается, что в таком контексте субъективная противоправность позволяет ограничить сферу применения обогащения в результате действий приобретателя²⁷².

Ян Вильгельм утверждал, что противоправно не само по себе приобретение какого-либо объекта, а именно обладание этим объектом²⁷³. Иными словами, данный автор также исходил из теории противоправности в сфере обогащения в результате действий приобретателя.

Х. Хайнес указывал, что поведение приобретателя является противоправным только в тех случаях, когда нарушаются индивидуальные интересы, гарантированные и защищаемые нормой права. Соответственно, кондикционное требование может быть предъявлено, только если приобретатель нарушает норму, которая направлена на сохранение за лицом свободы действий, направленных на увеличение его имущества²⁷⁴. Иными

---

²⁷¹ Ibidem. S. 438.

²⁷² Jakobs H.-H. Eingriffserwerb und Vermögensverschiebung in der Lehre von der ungerechtfertigten Bereicherung. Bonn. 1964. S.135-147.

²⁷³ Wilhelm J. Rechtsverletzung und Vermögensentscheidung als Grundlagen und Grenzen des Anspruchs aus ungerechtfertigter Bereicherung. Bonn. 1973. S. 80.

²⁷⁴ Haines H. Bereicherungsansprüche bei Warenzeichenverletzungen und unlauterem Wettbewerb - Zugleich ein Beitrag zur Dogmatik der Eingriffskondiktion. Köln. 1970. S. 105-106.

словами, поведение противоправно, когда оно нарушает норму, *целью* которой является гарантия индивидуальной свободы лица при осуществлении своих прав, а не когда поведение приобретателя нарушает права потерпевшего.

При этом сама по себе противоправность все еще не объясняет процесс правонаделения²⁷⁵. В теории Ф. Шульца – самой радикальной из всех вышеизложенных – фактически постулируется связь между противоправными действиями и возникновением кондикционного требования. При этом автор лишь констатирует противоправность приобретения лицом какого-либо блага, однако не объясняет, почему лицо (приобретатель) не должно сохранять за собой это благо и должно ли какое-либо другое лицо (потерпевший) получать выгоды от этого блага. Например, в случае обогащения, возникающего в результате событий или действий третьих лиц, приобретатель сам не совершал каких-либо противоправных действий по присвоению предмета обогащения (действия были совершены третьими лицами²⁷⁶ или явлениями природы), однако правопорядок требует и в этих ситуациях возврата неосновательного обогащения потерпевшему. Иными словами, для объяснения активной и пассивной легитимации по кондикционному требованию в данных ситуациях теории противоправности недостаточно.

Помимо указанного, данная теория может распространять свое действие на такие ситуации, когда в кондикционном требовании должно быть отказано²⁷⁷. Можно привести следующий пример. Представим, что в результате незаконного маневра (с точки зрения правил дорожного движения) лицо А обгоняет другое лицо Б, в результате чего Б не успевает на важные переговоры и, по этой причине, терпит определенные потери. В этой ситуации теория противоправности должна была бы признать А должником по

²⁷⁵ Как указывали Э. Крамер и Х.-Г. Коппенштайнер, теория противоправности сама по себе ничего не дает для ответа на вопрос о том, кто должен иметь право на предмет обогащения, вместо приобретателя (Korpensteiner H.-G., Kramer E.A. Op. cit. S. 74).

²⁷⁶ Например, в ситуации когда управляющий отапливает дом заказчика углем, принадлежащим другому лицу (Wieling H.J. Bereicherungsrecht. Trier.: Springer-Verlag 2006. S. 54).

²⁷⁷ Ellger R. Op. cit. S. 148-150.

кондиционному обязательству, поскольку он допустил нарушение, а Б – потерпевшим, поскольку он не получил определенные блага.

Или, например, кузнец, который заключил соглашение со своим соседом-композитором, предусматривающее, что кузнец не будет работать молотом в определенное время, не обязан возвращать композитору прибыль, полученную им в результате нарушения этой обязанности²⁷⁸.

Соответственно, теория противоправности не объясняет те ситуации, которые требуют объяснения, но дает широкий простор для применений норм о неосновательном обогащении в тех случаях, где кондиционное требование не должно предоставляться потерпевшему. Следовательно, в теории противоправности²⁷⁹ отсутствуют какие-либо содержательные критерии для объяснения возврата неосновательного обогащения именно потерпевшему.

Как видно, только более поздние «последователи» Ф. Шульца пытаются добавить к критерию «противоправность» дополнительные элементы для объяснения механизма правонаделения. В результате получается «противоправность как нарушение субъективного права» (Х.-Х. Якобс), «противоправность как нарушение цели нормы» (Х. Хайнес), «противоправность как незаконное обладание благом» (Ян Вильгельм). Как мы увидим далее, данные теории являются фактически отражением ныне распространенной теории прикрепленного содержания субъективного права (*Zuweisungsgehalt*), которая не использует какое-либо указание на противоправность, удаляя тем самым «лишний» элемент из структуры кондиционного обязательства²⁸⁰.

В отечественной доктрине также имеются утверждения о том, что сам по себе факт удержания приобретателем предмета неосновательного

²⁷⁸ Koppensteiner H.-G., Kramer E.A. Op. cit. S. 72.

²⁷⁹ Как справедливо отмечается в доктрине, такое понимание структуры кондиционных обязательств, вопреки смыслу этих отношений, приближает их к деликтным обязательствам (Крашенинников Е.А. Указ. сочинения С. 63).

²⁸⁰ Ellger R. Op. cit. S. 172.

обогащения делает его поведение противоправным, поскольку оно противоречит норме, устанавливающей запрет неосновательного обогащения. Так, Е.А. Флейшиц указывала на необходимость разграничения двух категорий: (1) действия, которые привели к возникновению неосновательного обогащения и (2) результат этих действий. Если действия могут являться правомерными, то их результат всегда объективно противоправен²⁸¹.

В.И. Чернышев также указывает, что не имеет значения, каким образом приобретатель обогатился (с помощью своих действий или благодаря действиям потерпевшего), т.е. в результате противоправных действий или правомерных²⁸². После поступления имущества в обладание приобретателя, он всегда действует противоправно, противоправность заключается в «удержании» (т.е. невозврате, бездействии) предмета обогащения. Можно заметить, что такой подход созвучен с интерпретацией противоправности в концепции Яна Вильгельма – незаконное обладание благом.

Представляется, что данный подход может быть поставлен под сомнение по следующим причинам.

Во-первых, непонятно, какую функцию выполняет противоправность в этом подходе к неосновательному обогащению. Как было сказано ранее, в немецких теориях этот элемент позволяет судить о легитимации сторон в кондикционном обязательстве. В.И. Чернышев, напротив, указывает, что условие «за счет потерпевшего» обозначает *«правоотношение, в котором одна сторона предоставляет другой определенную имущественную ценность, не получая при этом от последней какой-либо компенсации»*²⁸³. В результате этого автор делает вывод, что должник по кондикционному обязательству – *«это прежде всего лицо, которое безвозмездно приобрело имущество, и безвозмездность его приобретения есть следствие*

²⁸¹ Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 215.

²⁸² Чернышев В.И. Обязательства из неосновательного приобретения или сбережения имущества. Учебное пособие. Ярославль. 1977. С. 71

²⁸³ Чернышев В.И. Указ. соч. С. 21.

некомпенсируемого уменьшения имущественных прав кредитора»²⁸⁴. В этом же, по сути, видится и условие «отсутствие правового основания», т.е. безвозмездный переход благ происходит без санкционированного законом основания (сделка, судебное решение, закон)²⁸⁵.

Таким образом, условие «за счет потерпевшего» В.И. Чернышев фактически раскрывает с использованием концепции перехода благ, а условие «отсутствие правового основания» понимается буквально. Ни один из этих элементов не раскрывается автором через противоправность.

Во-вторых, указанный подход противоречив в тех случаях, когда потерпевший своим активным волевым актом санкционирует удержание обогащения приобретателем. В таком случае удержание уже не становится противоправным. Однако тогда возникает закономерный вопрос: почему объективно противоправное поведение приобретателя (удержание обогащения, которое запрещено специальной нормой) может быть переведено в статус «правомерное» с помощью субъективных действий потерпевшего?

Иными словами, подход, связанный с противоправностью, лишь создает большее количество вопросов, чем дает ответов в отношении регулирования кондикционных обязательств.

В данном контексте также следует отметить, что ГК РФ указывает, что для возникновения кондикционного обязательства иррелевантно, по какой причине возникло неосновательное обогащение. Согласно п. 2 ст. 1102 ГК РФ исполнение кондикционного обязательства не зависит от того, явилось ли неосновательное обогащение результатом поведения приобретателя имущества, самого потерпевшего, третьих лиц или произошло помимо их воли. В судебной практике это правило толкуется в основном следующим образом: *«указанная норма права [п. 2 ст. 1102 ГК РФ] устанавливает обязанность возвратить неосновательно приобретенное имущество*

---

²⁸⁴ Там же. С. 23-24.

²⁸⁵ Там же. С. 33.

независимо от вины потерпевшего, приобретателя, либо третьих лиц»²⁸⁶.

Соответственно, судебная практика не делает какого-либо акцента на вине приобретателя или факте противоправности приобретения / удержания блага.

Таким образом, теория противоправности не предлагает понятного и непротиворечивого подхода к определению управомоченной и обязанной стороны в кондикционном обязательстве.

2. Прикрепленное содержание субъективного права (Zuweisungsgehalt) как содержание условия «за счет потерпевшего» в обогащении из вмешательства

Другой концепцией, которая направлена на объяснение условия «за счет», является теория прикрепленного содержания субъективного права (*Zuweisungsgehalt*). Отметим, что, по мнению Н. Янсена, кондикция из вмешательства стала работающим институтом только благодаря теории прикрепляющего содержания субъективных прав²⁸⁷.

Органической основой данной концепции является не противоправность действий приобретателя, а субъективное право потерпевшего и то благо, доступ к которому закрепляет это право (например, вещь, произведение). Когда происходит обогащение из вмешательства, то ненадлежащее лицо осуществляет определенные манипуляции с прикрепленным к праву благом (присваивает, использует, потребляет), которое, как и право на такое благо, согласно теории *Zuweisungsgehalt* принадлежит управомоченному лицу²⁸⁸. «Такое обогащение является «неправомерным» потому, что оно противоречит прикреплению блага, определенному правом собственности»²⁸⁹. В. Вильбург

²⁸⁶ См., например, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.01.2023 № Ф04-7214/2022 по делу № А67-42/2022, Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.12.2022 № Ф03-5318/2022 по делу № А73-11320/2020.

²⁸⁷ Янсен Н. От учения о реституции испанских поздних схоластов к европейскому праву внедоговорных обязательств? // Вестник гражданского права. 2022. № 4. С. 189 - 220.

²⁸⁸ Wilburg W. Die Lehre von der ungerechtfertigten Bereicherung nach österreichischem und deutschem Recht. Graz, 1934. S. 26.

²⁸⁹ Каммерер Э. Обогащение и недозволенное действие. Часть первая // Вестник гражданского права. 2010. № 2. С. 246–288.

указывал, что из самого понятия собственности следует кондикционное требование, поскольку оно является продолжением данного права²⁹⁰.

При этом, утверждается, что идея кондикции из посягательства состоит в том, что приобретатель должен вернуть имущество не в силу совершения правонарушения, а именно потому, что потерпевший имеет право на это имущество, которое как бы закрепляется только за ним. В связи с этим при удовлетворении кондикционного требования имущество должно быть распределено в его пользу²⁹¹.

Как указывал Р. Эльгер, данная концепция направлена не только на установление факта неосновательности обогащения, но также позволяет определить, за чей счет произошло обогащение²⁹². Именно эта функция имеет значение в рамках рассматриваемой темы. Лицо, которое уполномочено на реализацию прикрепленного к субъективному праву блага, является кредитором в кондикционном обязательстве. Напротив, лицо, которое извлекает выгоды из чужого блага, будет должником в кондикционном обязательстве²⁹³. При этом условие «за счет потерпевшего» и неосновательность в рамках данной теории соотносятся таким образом, что первое фокусируется на исключительном обладании управомоченным лицом каким-либо благом, а второе – на нарушении этой исключительности²⁹⁴. Для пояснения указанного тезиса приводится следующий пример: лицо, которое добросовестно приобретает чье-либо имущество от неуправомоченного лица, может сохранить это имущество за собой, хотя процесс распределения благ и является нарушенным²⁹⁵.

Как утверждает Д. Медикус, данная теория отражает идею о том, что нарушенное субъективное право продолжает иметь силу в требовании о

²⁹⁰ Wilburg W. Op. cit. S. 28.

²⁹¹ Wilburg W. Op. cit. S. 28-43.

²⁹² Ellger R. Bereicherung durch Eingriff. Tübingen: Mohr, 2002. S. 353-354.

²⁹³ Reuter D., Martinek M. Ungerechtfertigte Bereicherung. Tübingen. 1983. S. 240.

²⁹⁴ Ellger R. Op. cit. S. 355.

²⁹⁵ Ellger R. Op. cit. S. 355.

возврате неосновательного обогащения²⁹⁶. По сути, кондикционное требование предоставляется постольку, поскольку приобретатель «вмешивается» в процедуру законного распределения благ, закрепленных за потерпевшим с помощью субъективного права²⁹⁷.

Напомним, что «исключительность» юридической возможности понимается в том смысле, что ее носитель обладает тем, чем не обладают иные лица, ему можно то, чего нельзя больше никому²⁹⁸. Такая исключительность предполагает, что управомоченное лицо имеет возможность распорядиться благом, в отношении которого гарантирована монополия: например, уничтожить вещь, продать право требования, обратиться в суд за судебной защитой²⁹⁹.

Интересно отметить, что логика разрешения дискуссионных проблем в праве неосновательного обогащения с учетом концепции субъективного права, по утверждению Дж. Гордли, может быть обнаружена еще в трудах схоластов³⁰⁰. В частности, он указывает, что роль частного права заключается в том, чтобы с помощью установления субъективных прав (например, права собственности) на какие-либо блага *предотвратить споры* между лицами относительно принадлежности этих благ. Такие блага могут использоваться только тем лицом, за которым они закреплены на основании субъективного права. Например, когда одно лицо, используя свои предпринимательские способности, увеличивает свою клиентскую базу, в связи с чем спрос на

²⁹⁶ Medicus D. Op. cit. S. 305.

²⁹⁷ Ibidem. S. 339.

²⁹⁸ Третьяков С.В. Теоретическая модель права на чужое поведение и начало правонаделения в частном праве // Вестник гражданского права. 2019. № 1. С. 7 - 27.

²⁹⁹ Третьяков С.В. Некоторые аспекты формирования основных теоретических моделей структуры субъективного частного права // Вестник гражданского права. № 3. 2007. Такое понимание субъективного права в целом основано на природе частного права и его методе. Как писал М.М. Агарков, «частное право наделяет своего субъекта определенными возможностями, которыми он может так или иначе воспользоваться по личному свободному усмотрению. Сам субъект является источником целеполагания и может распорядиться этими возможностями для достижения им самим поставленных целей. Эти возможности, следовательно, являются благами, закрепленными за ним правом. Блага эти могут иметь материальный или идеальный характер. Закрепляя их за определенными субъектами, частное право тем самым распределяет их. Распределительная функция, таким образом, вытекает из самой природы частного права» (Агарков М.М. Ценность частного права // Правоведение. 1992. № 1. С. 22).

³⁰⁰ Gordley J. Op. cit. P. 389-393.

товары конкурента уменьшается, последний не вправе предъявить кондикционное требование, поскольку он имеет право только на ведение конкурирующего бизнеса, но не ведение бизнеса с определенными клиентами или определенным результатом³⁰¹.

Для демонстрации механизма применения данной концепции можно привести следующий пример. Лицо А получило разрешение государственного органа на использование токсичных веществ в промышленном производстве. Для получения такого разрешения лицо А провело комплексные и дорогостоящие химические исследования, на основании которых разрешение было выдано. Спустя определенное время компания-конкурент (Б) запускает конкурирующее производство с использованием тех же веществ. При этом компания Б также получает разрешение государственного органа, но уже в упрощенном порядке, поскольку государственный орган взял за основу исследование, которое было проведено компанией А. В связи с этим компания А предъявила кондикционное требование к компании Б в размере половины расходов, понесенных на выполнение исследования.

Отказывая в удовлетворении требований, суд указал следующее: объектом кондикционного требования в подобных случаях является благо, которое имеет денежную оценку, и которое может быть использовано исключительно управомоченным лицом в силу распределения таких благ. Однако один лишь шанс получить или извлекать выгоду из такого блага не входит в содержание субъективного права³⁰².

Компания А может запретить другим лицам копировать свое исследование, но она не может запретить другим лицам знакомиться с этим исследованием и использовать его выводы в реализации своих целей. В ином случае, прочитав книгу по написанию научных статей и написав на основании приведенных в ней рекомендаций научный текст, можно было бы взыскивать

---

³⁰¹ Gordley J. Op. cit. P. 394-395.

³⁰² BGH 9.3.1989, BGHZ 107, 117ff.

с автора научной статьи половину авторского вознаграждения за публикацию такой статьи. В данном случае видно, что исключительное право на произведение, как известно, распространяется только на форму, но не на идеи, концепции, методы, заложенные в нем.

Как утверждает Т.С. Яценко, в зарубежных странах незаконное использование имени человека в коммерческих целях квалифицируется как неосновательное обогащение. В частности, в одном из решений суд отметил, что *«коммерческая эксплуатация личности другого лица ... представляет собой одно из наиболее вопиющих и распространенных средств вторжения в частную жизнь»*³⁰³. Как видно, вмешательство в субъективное право на имя и возникновение в связи с этим кондикционного требования также может быть обосновано с помощью теории прикрепленного содержания субъективного права.

Другие авторы утверждают, что потерпевшему предоставляется кондикционное требование, поскольку он имеет моральное право (*moral claim*) на приобретенные должником блага. Иными словами, такое решение логически следует из того, что должник приобрел благо, которое должен был приобрести потерпевший путем его осуществления³⁰⁴.

При этом защите с помощью данного требования подлежит не только право собственности, но также и иные права с аналогичной природой (например, право на обнародование фотографии, интеллектуальные права), а также некоторые законные ожидания (*expectations*)³⁰⁵. Так, в частности, с помощью расширения принципа собственности авторы утверждают, что кондикционное требование может использоваться в следующей ситуации³⁰⁶. Предположим, что директор компании, узнав о возможности совершить

---

³⁰³ Яценко Т.С. Имя физического лица как предмет сделки: от критики до признания в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2022. № 3. С. 118 - 144.

³⁰⁴ Rotherham C. Restitution for wrongs. Research handbook on unjust enrichment and restitution. Edited by Bant E., Barker K., Degeling S. Edward Elgar Publishing Limited. UK. 2020. P. 80.

³⁰⁵ Ibidem. P. 512.

³⁰⁶ Rotherham C. Op. cit. P. 85.

выгодную сделку, «перехватывает» контрагента и от своего лица заключает договор и извлекает выгоду для себя лично в обход интересов компании. В американском праве эта ситуация купируется, так называемой, доктриной корпоративных возможностей. Сущность доктрины заключается в том, что каждая благоприятная возможность извлечь прибыль для компании должна быть использована директором только в интересах компании, но не в своих собственных интересах³⁰⁷. В таких ситуациях суды признают, что директор неправоммерно присвоил себе корпоративную возможность, которая должна была быть использована компанией, и устанавливают траст в силу закона (*constructive trust*). По такому трасту директор является управляющим (*trustee*) в пользу выгодоприобретателя-компаний³⁰⁸.

Отметим, что отражение теории прикрепленного содержания субъективного права можно обнаружить и в DCFR в разделе, посвященном причинной связи. Согласно ст. VII.-4:105 DCFR обогащение возникает вследствие потери, понесенной другим лицом, если третье лицо использует имущество потерпевшего без согласия последнего таким образом, что потерпевший лишается имущества и оно входит в имущественную сферу приобретателя. Для иллюстрации авторы комментариев к DCFR приводят следующий пример: А переливает нефть, принадлежащую Б, в резервуар лица В, в результате чего запасы нефти Б и В смешиваются. Как указывают авторы, в такой ситуации В обогатился за счет Б, если в соответствии с применимым правом Б в результате описанных манипуляций становится собственником увеличенного запаса нефти³⁰⁹.

³⁰⁷ Slaughter J.C. The Corporate Opportunity Doctrine // *Southwestern law journal*, Vol. 18. 1964 P. 111.

³⁰⁸ Scott S. The Corporate Opportunity Doctrine and Impossibility Arguments // *The Modern Law Review*. Vol. 66. 2003. P. 858-860. Интересно отметить, что в отечественном правовом порядке, которому не знаком институт траста, подобное решение невозможно. Однако, по утверждению авторов, в аналогичных ситуациях суды взыскивают с директора убытки, основываясь на нормах ст. 53.1 ГК РФ и нарушении обязанности вести себя добросовестно (см., например, Ильин Д.В. Применение доктрины присвоения корпоративных возможностей в России // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2019. № 8. С. 197 - 222).

³⁰⁹ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law Draft Common Frame of Reference (DCFR). Interim Outline Edition / Chr. von Bar, E. Clive, H. Schulte-Nölke et al. Sellier, 2008. P. 3878.

Как следует из указанного примера, установление сторон обязательства включает оценку не только фактических действий лиц, но и юридических аспектов обладания правами в отношении спорного имущества. Авторы DCFR утверждают, что в подобных ситуациях кондикционное требование доступно потерпевшему, если последний лишается титула на спорное имущество. Так, если лицо, которое не является правообладателем произведения, заключает договор с третьим лицом об отчуждении такого произведения, то у действительного правообладателя отсутствует кондикционное требование в отношении третьего лица, поскольку действительной передачи исключительного права не произошло³¹⁰.

Соответственно, DCFR в данном аспекте функционально воспроизводит концепцию прикрепленного содержания субъективного права, но описывает ее в контексте причинно-следственной связи.

Отметим, что с помощью указанной теории могут быть разрешены определенные казусы в сфере неосновательного обогащения и в рамках российского права. В ранее описанном деле истец взыскал с оператора связи стоимость пользования общим имуществом многоквартирного дома в качестве неосновательного обогащения³¹¹.

Из описанного выше дела следует, что приобретатель использовал то благо, которое принадлежало в равной степени всем собственникам, и именно они были исключительно управомочены решать, как им распорядиться или как его использовать. При этом у собственников не возникло никаких убытков от деятельности оператора. Для суда был важен именно факт извлечения необоснованного преимущества оператором связи, которое заключалось в бесплатном пользовании чужим имуществом. Это преимущество по распределению благ должно было принадлежать именно собственникам.

---

³¹⁰ Ibidem. P. 3879.

³¹¹ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.04.2019 № Ф01-1119/2019 по делу № А31-6641/2018.

Таким образом, указанная теория для целей определения надлежащих сторон в кондикционном обязательстве использует концепцию субъективного права и того блага, которое оно закрепляет за управомоченным лицом. Именно присвоение такого блага без ведома управомоченного лица и является основанием для предъявления кондикционного требования.

Как уже было сказано, можно заметить, что теория прикрепленного содержания права имеет функциональное сходство с теориями причинной связи, которые были рассмотрены выше.

Однако в отличие от теории необходимого условия теория прикрепленного содержания права предлагает устанавливать связь не между выгодами приобретателя и уменьшением имущества потерпевшего, но между содержанием нарушенного субъективного права и обогащением. То есть, если приобретатель использует чужое благо, которое гарантировано потерпевшему субъективным правом, то потерпевший вправе обратиться к приобретателю с кондикционным требованием³¹².

Для сравнения этих теорий можно привести два примера:

- Б крадет денежные средства А и покупает на них выигрышный лотерейный билет. Допускается ли здесь кондикционное требование от А к Б в размере выигрыша в лотерее?³¹³

- Б – продавец музыкальных проигрывателей, в магазине которого играла пластинка с музыкальным произведением, правообладателем которого был А. Допускается ли здесь кондикционное требование к Б?³¹⁴

С точки зрения теории необходимого условия, в первом примере Б смог получить выигрыш только в связи с тем, что украл деньги А. Соответственно, кража стала необходимой причиной для успеха в лотерее, поскольку

³¹² Dannemann G. The German law of unjustified enrichment and restitution. Oxford, 2009. P. 88-90.

³¹³ Burrows A. A Restatement of the English Law of Unjust Enrichment. Oxford, 2012. P. 52-55.

³¹⁴ Пример основан на немецкой судебной практике (Dannemann G. Op. cit. P. 88-107).

лотерейный билет был приобретен именно на украденные деньги. В связи с этим, можно было бы допустить кондикционный иск к Б.

Во втором примере проблема заключается в том, что у А фактически отсутствует обеднение, связанное с обогащением Б.

Вместе с тем, анализируя эти примеры с помощью теории прикрепленного содержания права, следует сделать диаметрально противоположные выводы. В первом примере – за А никогда не было закреплено на каком-либо субъективном праве такое благо, как выигрыш в лотерее. Как было указано выше, А. Бэрроуз видит функцию условия «за счет потерпевшего» в том, чтобы противопоставить «основные» выгоды, которые могут быть истребованы как неосновательное обогащение, тем, которые логически вытекают из основных выгод, но при этом являются слишком отдаленными для того, чтобы быть истребованными³¹⁵.

Во втором примере, напротив, Б без согласия А в отсутствие какого-либо лицензионного соглашения использует музыкальное произведение, исключительные права на которое принадлежат А. Вне зависимости от того, что у А отсутствует фактическое уменьшение имущества, он имеет право обратиться с кондикционным требованием к Б, поскольку Б реализовал благо, закрепленное за А субъективным правом³¹⁶.

Отметим, что с позиции теории адекватной причинно-следственной связи, как было показано выше, следует сделать аналогичные выводы, к которым приходят сторонники теории прикрепленного содержания права: в первом примере теория адекватной связи исключает удовлетворение кондикционного требования, во втором примере – типичным результатом вторжения Б (использования музыкального произведения без согласия А) является возникновение кондикционного требования А в отношении Б.

---

³¹⁵ Burrows A. Op. cit. P. 55.

³¹⁶ Dannemann G. Op. cit. P. 107.

Так, Д. Фридманн указывал, что основополагающим принципом в сфере кондикции из вмешательства (*restitution for wrong*) является, так называемый, принцип собственности (*property principle*)³¹⁷. Содержательное наполнение заключается в том, что кондикционное требование взаимосвязано не с противоправным поведением приобретателя, а с тем, что приобретаемое благо принадлежит потерпевшему. В связи с этим, предлагается распространять сферу кондикции из вмешательства на все те случаи, когда приобретатель получает благо без согласия управомоченного лица. При этом под управомоченным понимается лицо, которому *при нормальном стечении обстоятельств это благо должно быть адресовано*³¹⁸.

Иными словами, в рамках теории прикрепленного содержания права оценке подлежит механизм распределения благ, основанный на том, что такие блага причитаются тому, кто обычно в таких же обстоятельствах должен был бы их получить. Можно заметить, что такой подход фактически отражает механизм теории адекватной причинно-следственной связи, но с точки зрения исключительной управомоченности правообладателя на извлечение благ, гарантированных ему субъективным правом. Таким образом, теория адекватной причинности с точки зрения своей механики позволяет достигать аналогичные результаты по сравнению с теорией прикрепленного содержания субъективного права.

§ 3. Целенаправленное предоставление имущества как содержание условия «за счет» потерпевшего в рамках кондикции из предоставления

Как было указано выше, изначально разработанный подход Ф.К. фон Савиньи заключался в том, что для обоснования условия «за счет» достаточно установить, что имущество перешло к приобретателю от потерпевшего, в

---

³¹⁷ Friedmann D. Restitution of Benefits Obtained through the Appropriation of Property or the Commission of a Wrong // Columbia Law Review, Vol. 80, No. 3. 1980. P. 510.

³¹⁸ Ibidem. P. 510-511.

результате чего имущество потерпевшего уменьшилось. Из этого факта делается вывод, что приобретатель обогатился *за счет* потерпевшего, получив от потерпевшего без основания какое-либо благо. Соответственно, основным легитимирующим фактором является переход предмета кондикции из имущественной сферы одного лица в имущественную сферу другого. То есть переход имущества связывает приобретателя и потерпевшего, позволяя идентифицировать сторон обязательства: потерпевшим является лицо, из имущества которого выбыл предмет кондикции, а приобретателем – лицо, в имущественную сферу которого данный предмет поступил.

С помощью данного подхода можно обосновать случаи обогащения, происходящего в результате действий потерпевшего. Поскольку в ситуации, когда предмет обогащения переходит приобретателю от потерпевшего, то сам факт такого перехода предмета означает, что приобретатель обогатился за счет потерпевшего (таковы ситуации, например, ошибочного платежа или исполнения обязательства после его прекращения). С использованием данной концепции также могут быть объяснены ситуации улучшения чужого имущества³¹⁹ действиями потерпевшего.

Однако, как можно заметить, данный подход тесно связан с проблемой уменьшения наличного имущества потерпевшего. Как было указано выше, такое толкование условия «за счет» является ограничительным и не может быть принято в качестве общего правила. Отметим, что первоначально в проекте ГГУ условие «за счет потерпевшего» («*auf dessen Kosten*») должно было звучать иным образом – обогащение «из имущества потерпевшего» («*aus dem Vermögen eines andern*»). Однако такой подход был отклонен именно по

³¹⁹ Отметим, что в римском праве возможность компенсации улучшений зависела от характера улучшения и от добросовестности потерпевшего. При необходимых улучшениях (*impensae necessariae*) даже недобросовестный потерпевший мог потребовать компенсации, идея заключалась в том, что в этих случаях владелец имущества, скорее всего, сам предпринял бы те же действия по улучшению своего имущества. При полезных улучшениях (*impensae utiles*) только добросовестный потерпевший мог потребовать компенсации. Когда улучшение было роскошью (*impensae voluptuariae*), даже добросовестный потерпевший оставался без компенсации (Verse D.A., Gaschler A. Improvement of Another's Property // Max Plank Encyclopedia of European Private Law. Oxford University Press, 2012).

причине необходимости расширения сферы применения кондикционного иска³²⁰.

По этой причине, партикулярная модель предполагает, что для случаев происхождения обогащения в результате действий потерпевшего должен быть использован иной подход в части толкования условия «за счет потерпевшего» - намеренная / целенаправленная передача имущества.

Так, утверждается, что в рамках кондикции из предоставления идентификация сторон обязательства происходит благодаря механизму «предоставления» (*Leistung*)³²¹. Под предоставлением для целей неосновательного обогащения понимается целенаправленное и намеренное действие по увеличению активов другого лица³²². Соответственно, когда потерпевший передает какое-либо имущество приобретателю, между ними возникает определенное правоотношение, и именно эти лица как связанные единым правоотношением будут сторонами кондикционного обязательства³²³.

Соответственно, механика определения сторон кондикционного обязательства заключается в определении целенаправленного с правовой точки зрения предоставления. Без такого анализа невозможно распределить риски между сторонами, участвующими в кондикционных правоотношениях, и в целом определить стороны кондикционного обязательства.

Указанный тезис можно пояснить на примере механизма, предусмотренного в ст. 375¹ ГК РФ. Согласно этой норме бенефициар по

³²⁰ Mugdan B. Die Gesamten Materialien zum burgerlichen Gesetzbuch fur das Deutsche Reich. Bd. 2: Recht der Schuldverhaltnisse. Scientia, 1979. S. 470.

³²¹ Необходимо отметить, что в отношении кондикции из предоставления утверждается, что для ее возникновения не требуется соблюдения условия «за счет потерпевшего» (Шапп Я. Система германского гражданского права / Пер. с нем. С.В. Королева. – М.. 2006. С. 117). Тем не менее, как справедливо указывает Г. Даннеманн, такой подход не означает отказ немецкого права от правильной индивидуализации сторон в кондикционном правоотношении, что как раз и является задачей условия «за счет». В данном случае речь идет лишь о том, что индивидуализирующую сторон функцию выполняет не условие «за счет потерпевшего», а именно концепция предоставления как целенаправленного увеличения имущества другой стороны (Dannemann G. The German law of unjustified enrichment and restitution. Oxford, 2009. P. 102.).

³²² Шапп Я. Указ. соч. С. 117–118.

³²³ Meier S. Enrichment at the Expense of Another and Incidental Benefits in German Law. Acta Juridica. 453. 2019. P. 458-461.

независимой гарантии обязан возместить гаранту или принципалу убытки, которые причинены вследствие того, что представленные им документы являлись недостоверными либо предъявленное требование являлось необоснованным. Как следует из судебной практики, данная норма предоставляет гаранту или принципалу право требовать от бенефициара возвратить неосновательное обогащение (несмотря на использование термина «убытки»)³²⁴. Такого же подхода придерживаются составители DCFR³²⁵. Однако в силу текстуальных особенностей нормы возникает вопрос, кто является управомоченным на предъявление кондикционного требования в данной ситуации.

С одной стороны, норма предусматривает альтернативу – либо гарант, либо принципал вправе предъявить кондикционное требование. С другой стороны, как должен поступить суд в ситуации, когда оба указанных лица предъявляют свои требования к бенефициару? Должен ли суд признать данных лиц солидарными кредиторами (особенно с учетом того, что буквальное толкование нормы явно разделяет возможность предъявления требований с помощью союза «или»)?

Если обратиться к аналогичной норме, сформулированной в DCFR, то можно заметить, что в ней в качестве единственного лица, управомоченного на предъявление требований к бенефициару, указан гарант (*security provider*). При этом DCFR не исключает возможность предъявления кондикционного требования принципалом.

---

³²⁴ См., например, Определение Верховного Суда РФ от 19.08.2021 № 305-ЭС21-13488 по делу № А40-97980/2020, Определение Верховного Суда РФ от 09.02.2021 № 307-ЭС21-708 по делу № А56-26830/2019, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.01.2021 № Ф05-23031/2020 по делу № А40-163321/2018. Однако стоит отметить, что в практике существует и противоположный подход, согласно которому данная норма предоставляет принципалу или гаранту право взыскать с бенефициара убытки, возникшие в связи с совершением деликта (См., например, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.05.2023 № Ф05-21668/2022 по делу № А40-279653/2021).

³²⁵ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law Draft Common Frame of Reference (DCFR). Interim Outline Edition / Chr. von Bar, E. Clive, H. Schulte-Nölke et al. Sellier, 2008. P. 1199 – 1202.

Однако заслуживает внимания, как разработчики определяют управомоченное лицо в таком обязательстве. Гарант имеет право требовать возврата имущества только в тех случаях, когда условия раскрытия гарантии, в действительности, не осуществились (например, бенефициар не предоставил необходимых документов). Принципал, в свою очередь, имеет право требования, когда дефект локализован в основном правоотношении, в обеспечение исполнения обязательства, по которому была выдана гарантия (например, заказчик немотивированно отказался от договора подряда, хотя требование к гаранту было доступно только при мотивированном отказе). Как утверждают разработчики, в последней ситуации гарант (в силу независимости гарантии от основного правоотношения) не может требовать возврата неосновательно полученного бенефициаром возмещения³²⁶.

Как видно, такой подход основан на анализе причин возникновения дефекта и целей сторон правоотношения. Сбалансированность такого подхода основывается на принципе относительности обязательств, согласно которому никто не может иметь возражений против стороны, не участвующей в обязательстве. Поскольку гарант не является стороной основного правоотношения, он не может выдвигать какие-либо возражения против требований бенефициара и впоследствии также не может основывать свои требования на отношении, в котором не участвует. Практически аналогичная ситуация с принципалом: поскольку бенефициар обязан по отношению к гаранту представить надлежащий комплект документов, то именно гарант как лицо, ответственное за проверку документов и способное выдвинуть возражения относительно формальных требований, должно иметь право требования к бенефициару.

Из указанного примера видно, что легитимация сторон в кондикционном обязательстве определяется в зависимости от того, какими

---

³²⁶ Ibidem. P. 1201.

целями руководствовался потерпевший, и какое предполагаемое правоотношение он имел ввиду, делая предоставление. Как утверждал Х.-В. Кёттер, правильное определение сторон кондикционного правоотношения возможно только путем определения – независимо от внешнего процесса получения благ – таких отношений между участниками, которые содержат действительную юридическую цель³²⁷. Такой подход позволяет учитывать в сфере кондикционных обязательств правила, регулирующие тот или иной вид предполагаемого правоотношения. В частности, утверждается, что такой подход позволяет:

- правильно определить стороны правоотношения (т.е. сторонами кондикционного обязательства являются именно те, кому в действительности предназначалось исполнение, а не их представители или сотрудники);
- правильно распределить возможности предъявления возражений и рисков банкротства стороны предполагаемого обязательства;
- определить предмет кондикции (т.е. предметом возврата по кондикционному иску может быть все то, что является предметом предполагаемого правоотношения)³²⁸. В данном контексте Э. фон Каммерер указывал, что стороны могут сделать предметом договора не только вещи или права требования, но и чистые шансы, возможности или благоприятные физические или юридические позиции. Так, если некто отказывается от права залога и ранг следующего кредитора повышается, то поскольку залоговое старшинство может стать предметом сделки, то право должно давать возможность истребовать такую юридическую позицию в случае ее неосновательного приобретения³²⁹. Таким образом, все, что может быть предметом договора или иной сделки, может быть и предметом кондикции.

³²⁷ Kötter H.-W. Zur Rechtsnatur der Leistungskondiktion // Archiv für die civilistische Praxis. 153. Bd., H. 3, 1954. S. 197.

³²⁸ Scheyhing R. Leistungskondiktion und Bereicherung „in sonstiger Weise“ // Archiv für die civilistische Praxis. 157. Bd., H. 4, 1958/1959. S. 379.

³²⁹ Каммерер Э. Обогащение и недозволенное действие. Часть вторая // Вестник гражданского права. 2010. № 3. С. 274 - 298.

При этом отметим, что каждый из случаев кондикции из предоставления (например, исполнение обязательства после его прекращения или отпадение основания обязательства после его исполнения) имеет тесную связь с предполагаемым (чаще всего договорным) правоотношением.

Действительно, отпадение основания после исполнения, неосуществление цели предоставления, недействительность сделки могут быть объединены в одну категорию – отмена договора³³⁰ или предоставление без основания³³¹.

В современной доктрине достаточно часто отстаивается точка зрения, что для всех подобных случаев отмены договора должен быть выработан единый механизм возврата полученного. Эта позиция основана, в том числе на том факте, что между сторонами ранее существовал договор, который распределял риски между ними³³². Соответственно, важно, чтобы подобный механизм действовал и в рамках ликвидационной стадии обязательства; как указывают авторы, договорное отношение не прекращается, а трансформируется: *«теперь оно направлено не на будущее, а занимается урегулированием того, что сложилось между сторонами к данному моменту»*³³³. Такой подход учитывает автономию воли сторон, а также справедливый баланс рисков и выгод, который стороны сами для себя избрали.

Может сложиться впечатление, что случаи исполнения по ошибке (*conditio indebiti*) не вписываются в указанную выше категорию. В этой ситуации между сторонами в принципе никогда не существовало никакого договорного правоотношения.

Тем не менее, мы полагаем, что случаи *conditio indebiti* имеют определенную связь с договорным обязательством, хотя и несуществующим.

³³⁰ Усачева К.А. Указ. соч. С. 193.

³³¹ Scott H. What Mistake Can Do // *Iurium itinera. Historische Rechtsvergleichung und vergleichende Rechtsgeschichte*. Mohr Siebeck: Tübingen. 2022. P. 637-640.

³³² Hellwege P. Unwinding mutual contracts // // Johnston & R. Zimmermann (Eds.), *Unjustified Enrichment: Key Issues in Comparative Perspective*. Cambridge. 2004. P. 259-262.

³³³ Егоров А.В. Ликвидационная стадия обязательства // Вестник ВАС РФ. 2011. № 10. СПС КонсультантПлюс.

Как указывает Н. Янсен, *conditio indebiti* находит свое место не внутри, но рядом с областью неосновательного обогащения³³⁴, что, по-видимому, отражает его связь с предполагаемым правоотношением. Эта связь проявляется в том, что право учитывает намерение потерпевшего, который передает имущество приобретателю именно с целью исполнить, по мнению потерпевшего, действительное обязательство. Соответственно, в данном случае имеет место цель исполнения, которая присутствует в нормальных ситуациях исполнения обязательства – погасить долг. В этом смысле, характерна позиция В.А. Слыщенко о том, что «*исполнение недолжного (solutio indebiti) в смысле действия по исполнению несуществующего договора следует признать исполнительской сделкой, поскольку наличествует присущая исполнительским сделкам цель*»³³⁵.

Действительно, если сопоставить две ситуации: исполнение обязательства по договору, который позже будет расторгнут, и исполнение несуществующего обязательства, то можно заметить, что сам характер предоставления, сделанного потерпевшим с точки зрения цели такого предоставления, не будет иметь существенных различий. В двух указанных случаях потерпевший действует с единой целью – исполнить свое обязательство. Именно данный фактор должен быть определяющим для объединения указанных ситуаций в одну родовую категорию.

Случаем происхождения обогащения в результате действий потерпевшего являются ситуации обогащения в форме расходов на чужое имущество (*Verwendungskondiktion*)³³⁶. Примером данного вида обогащения

³³⁴ Jansen N. Farewell to unjustified enrichment? // *Edinburgh Law Review*. No. 123. 2016. P. 20.

³³⁵ Слыщенко В.А. Обязанность передать право собственности на товар в связи с некоторыми проблемами современной российской купли-продажи // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2017. № 2. С. 129 - 144.

³³⁶ Отметим, что данный вид кондикции является специфическим и редко встречается на практике, поскольку в тех случаях когда лицо пользуется вещью другого лица, но полагает, что эта вещь принадлежит ему, то данная ситуация подпадает под регулирование ст. 303 ГК РФ. Аналогичная точка зрения представлена и в иностранной доктрине (Dannemann G. *The German law of unjustified enrichment and restitution*. Oxford, 2009. P. 113-114).

является ситуация, в которой управляющий по ошибке сжигает собственный уголь для отопления дома своего заказчика³³⁷. Несмотря на сходства данного вида обогащения с кондикцией из предоставления, отмечается, что потерпевший не осуществляет какого-либо предоставления (то есть целенаправленной передачи имущества) в пользу приобретателя³³⁸.

При этом в доктрине утверждается, что для случаев обогащения в форме расходов на чужое имущество условие «за счет» имеет такое же содержание, как и в рамках кондикции из предоставления, поскольку в таких случаях обогащения потерпевший (1) своими действиями порождает обогащение у приобретателя, и (2) при этом потерпевший по своей воле осуществляет указанные расходы³³⁹.

Полагаем, что условие «за счет» в значении целенаправленного предоставления имущества может применяться в данных ситуациях, поскольку при ошибочном несении расходов на чужое имущество потерпевший ошибается не в личности приобретателя (который не вправе получать предмет кондикции), а в имуществе, расходы на которое несет потерпевший. В связи с тем, что такое имущество принадлежит приобретателю, то расходы потерпевшего направлены в таком случае именно в адрес приобретателя. Соответственно, намеренное несение расходов потерпевшим в отношении имущества приобретателя отражает содержание условия «за счет».

Полагаем, что такой подход к случаям обогащения в результате действий потерпевшего разрешает проблему обоснования запрета взыскивать блага, полученные в результате рефлексивного действия субъективного права. В качестве наглядных иллюстраций таких проблем можно привести следующие примеры:

³³⁷ Wieling, H.J. Bereicherungsrecht. Trier.: Springer-Verlag 2006. S. 60.

³³⁸ Visser D. Unrequested Improvements in English Law: The Search for Relational Justice in Comparative Perspective // *Iurium itinera. Historische Rechtsvergleichung und vergleichende Rechtsgeschichte*. Mohr Siebeck: Tübingen. 2022. P. 667.

³³⁹ Koppensteiner H.-G., Kramer E.A. Op. cit. S. 101.

1. Хозяин квартиры в многоквартирном доме устанавливает себе отопительное оборудование, которое помимо отопления его квартиры, отапливает также квартиру хозяина, проживающего на этаж выше.

2. Владелец земельного участка выполняет на нем работы по вырубке насаждений. В результате этих работ увеличивается стоимость соседнего участка: поскольку ранее из-за деревьев не был виден живописный ландшафт, который открывается из окон дома, расположенного на соседнем участке.

3. Правообладатель товарного знака по лицензионному договору увеличивает спрос на товар и товарный знак в результате успешной рекламной компании. По этой причине, происходит увеличение стоимости самого исключительного права.

Утверждается, что рефлексивное действие субъективного права – это правовой эффект, в результате которого одно лицо получает определенные блага в связи с тем, что другое лицо осуществляет свое субъективное право. При этом запрет на возмещение рефлексов права обосновывается чаще всего именно тем, что в таком случае обогащение приобретателя возникает не за счет потерпевшего³⁴⁰.

Стоит заметить, что в доктрине представлено множество различных точек зрения относительно того, почему выгоды, полученные в результате рефлексивного действия субъективных прав, не подлежат возмещению по правилам неосновательного обогащения. Обзор позиций иностранных авторов по данной проблеме приведен в работе В.С. Гербутова³⁴¹. Так, можно выделить следующие заслуживающие внимания предложения.

³⁴⁰ Третьяков С.В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике: Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. М., 2022. С. 155. В противовес такому подходу выступает В.С. Гербутов, который в своей работе утверждает, что проблема рефлексов права должна решаться с помощью условия «отсутствие основания», нежели условия «за счет потерпевшего» (Гербутов В.С. Понятие и формы обогащения в кондикционных обязательствах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 168). Однако каких-либо аргументов для обоснования такой точки зрения автором не приводится.

³⁴¹ Гербутов В.С. Указ. соч. С. 150-153.

Политико-правовые соображения. Утверждается, что такие выгоды принадлежат всему обществу в целом, а не конкретным лицам, которые способствовали их возникновению. Распределение таких выгод среди конкретных лиц чрезмерно расширит сферу действия кондикционных требований.

Стоит заметить, что данная аргументация созвучна с теми доводами, которыми обосновывается недопустимость компенсации чисто экономических или случайных убытков (*incidental losses*) в деликтном праве. Так, практически в каждой работе, посвященной этой проблеме, высказывается, что одним из классических аргументов против данного вида убытков является идея, что взыскание таких убытков откроет «шлюзы», то есть приведет к неограниченному количеству исков, которые существенно обременят судебную систему³⁴².

Однако такой довод является достаточно абстрактным и, в действительности, ничего не объясняет, поскольку направлен на облегчение работы судей, но не установления юридических условий возникновения кондикционного обязательства.

Дарение. П. Биркс предлагал отказывать в возврате случайных выгод, поскольку они представляют собой дарение³⁴³. Однако данная концепция также не может быть принята, поскольку, как известно, существенным компонентом дарения является намерение одарить реципиента. Поскольку возникновение кондикционного обязательства не связано с какими-либо субъективными мотивами, то в данном случае концепция дарения не отвечает самой сущности кондикционного обязательства. Полагаем, что собственник, который отапливает одновременно две квартиры, не имеет никакого

³⁴² См., например, Туктаров Ю.Е. Чисто экономические убытки // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 138 - 168. Ягельницкий А.А. О тенденциях судебной практики по делам об убытках // Закон. 2019. № 3. С. 47 - 55. Лугманов Р.Р. Деликтное право как средство взыскания чисто экономических убытков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 2. С. 115 - 153.

³⁴³ Birks P. Op. cit. P. 158.

намерения одарить соседа и, вероятно, даже не знает о возникновении у него каких-либо выгод.

Подобные предложения высказывались Э. Болл: случайные выгоды не взыскиваются, поскольку собственник не осуществляет дарение, а отказывается от своего имущества в пользу другого лица. Однако в данном случае так же отсутствует волевой элемент, направленный на отказ от какой-либо ценности. В связи с этим, невозможно квалифицировать действия по отоплению квартиры как акт, направленный на отказ от какой-либо ценности³⁴⁴.

Отсутствие уменьшения имущества. Так, В.А. Рясенцев указывал, что кондикционное обязательство не возникает при отсутствии ущерба потерпевшему³⁴⁵. Иными словами, если имущество потерпевшего не уменьшилось, то невозможно говорить и о наличии неосновательного обогащения у приобретателя. Для примера автор приводит следующую ситуацию. Лицо А за свой счет провел электропроводку у себя в комнатах от уличной сети. После этого его соседям почти ничего не стоило сделать и у себя электроосвещение. Однако в такой ситуации лицо А не может ничего требовать от соседей, поскольку их обогащение является косвенным и ей не сопутствует убыток лица А³⁴⁶.

Как было указано, критерий уменьшения имущества потерпевшего не является предпочтительным толкованием для условия «за счет», в связи с этим указанный подход также не может быть принят во внимание.

Удовлетворение собственных нужд. Е. Годэме предлагал разрешать вторую из указанных выше ситуаций возникновения рефлексов права следующим образом. Автор утверждал, что поскольку собственник, снесший

³⁴⁴ Ball E. Abandonment and the Problem of Incidental Gains in the Law of Restitution of Unjust Enrichment. *Restitution Law Review*. Volume 19. Marenex Press. 2011. P. 51-53.

³⁴⁵ Рясенцев В.А. Указ. соч. С. 88. Аналогичной точки зрения придерживался Н. Витти (Whitty N. Indirect Enrichment in Scots Law // *Juridical Review*. Vol. 200. 1994. P. 143).

³⁴⁶ Там же. С. 89.

стену, лишь реализовывал свои права так, как это принято в обороте и, вероятно, для удовлетворения каких-либо своих хозяйственных нужд, нельзя говорить о возникновении какого-либо неосновательного обогащения у собственника соседнего участка³⁴⁷. В этой связи напомним, что автор отстаивал идею о том, что возникновение кондикционного обязательства возможно лишь в том случае, если обогащение причинено проявлением необычной активности (в контексте причинно-следственной связи)³⁴⁸.

Подобной точки зрения придерживался Дж. Доусон. По его мнению, случайные выгоды возникают в связи с тем, что лицо, которое является источником таких выгод (*producer of benefits*), всегда действует в своих собственных интересах и удовлетворяет лишь свои потребности без намерения предоставить ценность другому лицу³⁴⁹.

Можно заметить, что такое объяснение разделяется, в том числе в судебной практике. Так, в деле *Shilliday v Smith* суд постановил:

«если человек действует в своих интересах (in suo), но его расходы или действия попутно приносят пользу кому-то другому, то он не может требовать какой-либо оплаты от другого на том основании, что его расходы или действия привели к выгоде для этого другого человека»³⁵⁰.

На наш взгляд, обоснование отсутствия кондикционного требования в ситуациях рефлексивного действия субъективного права коренится в концепции целенаправленного предоставления. В частности, можно заметить, что во всех случаях возникновения случайных выгод, в действительности, потерпевший не имеет цели передать какое-либо имущество в пользу приобретателя, цель потерпевшего заключается в удовлетворении своих собственных нужд. В этой связи, в таких ситуациях отсутствует условие «за

³⁴⁷ Годэмэ Е. Указ. соч. С. 303

³⁴⁸ Там же. С. 304

³⁴⁹ Dawson J.P. The Self-Serving intermeddler // Harvard Law Review. Vol. 87.7. 1974. P. 1445. Данную точку зрения разделяет Р. Стивенс (см., например, Stevens R. Three Enrichment Issues. Mapping the Law: Essays in Memory of Peter Birks (ed. by Burrows A., Rodger A.). 2006. P. 52.

³⁵⁰ Shilliday v Smith. ScotCS CSIH. 1998.

счет», поскольку какого-либо предоставления ни в адрес приобретателя, ни в отношении его имущества не происходит.

§ 4. Содержание условия «за счет» потерпевшего в кондикционных обязательствах, осложненных участием третьего лица

Традиционно считается, что классические случаи уплаты недолжного являются достаточно простыми казусами в рамках права неосновательного обогащения с точки зрения определения должника и кредитора по кондикционному обязательству³⁵¹. Например, если А в результате ошибки в платежных реквизитах переводит денежные средства в адрес Б, то в такой ситуации можно сделать вывод, что А является потерпевшим, а Б – приобретателем. Как видно, в данной ситуации присутствует только две стороны кондикционного правоотношения, где плательщик (А) является кредитором, а приобретатель (Б) является должником по кондикционному обязательству. Такие ситуации могут быть условно названы «двусторонними» кондикциями.

Сложности с легитимацией сторон кондикционного обязательства возникают, когда к такой классической «двухсторонней» кондикции добавляется третье лицо, которое каким-либо образом участвует в спорном отношении. Касательно таких ситуаций П. Шлехтрим писал, что данная тема является ночным кошмаром всего учения о неосновательном обогащении (*Albtraum des Bereicherungsrechts*)³⁵²; А. Шалль характеризовал ее как необъятную сложность (*unermessliche Komplexität*)³⁵³. Для наглядности можно привести следующую ситуацию.

³⁵¹ См., например, Маковский А.Л. Обязательства вследствие неосновательного обогащения (глава 60). Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть вторая), под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. МЦФЭР, 1996.

³⁵² Цит. по Looschelders D. Schuldrecht Besonderer Teil. München. 2021. S. 480-481.

³⁵³ Schall A. Abrüstung der Bereicherungsdogmatik im Dreipersonenverhältnis // Juristen Zeitung. No. 15/16. 2013. S. 753-760.

Лицо А дает поручение своему банку Б осуществить платеж в пользу С (кредитора А). Б осуществляет такой платеж, чем прекращает долг А перед С. Вопрос возникает в тот момент, когда, например, правоотношение между А и С (отношение валюты) является дефектным. Кто в такой ситуации уполномочен на предъявление кондикционного требования, и кто является надлежащим должником? Изменится ли ответ, если недействительным будет договор о банковском обслуживании, заключенный А и Б (отношения покрытия)? Или может возникнуть другой вопрос – что, если договор в отношениях покрытия будет действительным, а дефект будет лежать в плоскости самого поручения (инструкции), выданной А своему банку Б? Как решается вопрос легитимации в случае дефектности как отношений покрытия, так и отношений валюты? Меняются ли решения указанных вопросов, если Б исполняет обязательство без какой-либо инструкции со стороны А?

Как видно из указанного выше примера и многообразия различных проблемных вопросов, ситуации, в которых существует более двух участников, могут вызывать определенные трудности с точки зрения пассивной и активной легитимации в кондикционном обязательстве.

Основной вопрос в этой связи состоит в следующем: кто является надлежащим кредитором и должником в кондикционном обязательстве, когда в спорном отношении задействовано более двух лиц? С учетом того, что функция условия «за счет потерпевшего» заключается в правильном определении сторон кондикционного отношения³⁵⁴, тема трехсторонних отношений является квинтэссенцией исследований, посвященных данному условию.

Отечественный правопорядок. В российском законодательстве, в частности в главе 60 ГК РФ, посвященной неосновательному обогащению,

---

³⁵⁴ См., например, Birks P. *Unjust Enrichment*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 2005. P. 74-80.

отсутствует ответ на указанные выше вопросы и в целом какое-либо регулирование ситуаций трехсторонней кондикции.

В разъяснениях высших судебных инстанций можно встретить упоминание указанной проблемы. В частности, ВАС РФ указал, что недействительность или расторжение договора между должником и третьим лицом, в силу которого третье лицо произвело платеж кредитору, не влечет возможность третьего лица предъявлять кондикционное требование к кредитору (получателю платежа)³⁵⁵.

В 2016 году Верховный суд РФ придал этой позиции более общий характер, сформулировав ее следующим образом: поскольку кредитор не обязан проверять действительность или существование правоотношений между третьим лицом и должником, денежная сумма, полученная от третьего лица, не может быть истребована у кредитора (кроме случаев, когда кредитор является недобросовестным) в качестве неосновательного обогащения³⁵⁶.

Указанными правовыми позициями фактически исчерпывается регулирование вопросов неосновательного обогащения в трехсторонних отношениях в российском праве. Как видно, суды прямо регламентируют только один из возможных проблемных вариантов отношений между сторонами: дефект отношений покрытия. Причем это регулирование, вероятно, должно рассматриваться как общее правило: как в случае ничтожности сделки между третьим лицом и должником, так и в случае отзыва ранее данного возложения, третье лицо не может потребовать возврат неосновательного обогащения от кредитора. Но учитывает ли такая ситуация интересы иных участников исполнения обязательства, или же акцент всегда

---

³⁵⁵ П. 12, 13 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11.01.2000 № 49 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении»

³⁵⁶ П. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»

должен быть смещен только на кредитора как лица, не участвующего в отношениях покрытия?

С другой стороны, указанные разъяснения не регламентируют правовые последствия исполнения обязательства третьим лицом при дефектности отношений валюты. Обязано ли третье лицо анализировать отношения должника и кредитора или их дефектность так же, как и в случае с отношением покрытия, не должна приниматься во внимание? Вопрос возникает также в случае дефектности как отношений покрытия, так и отношений валюты. В такой ситуации непонятно, кто является надлежащими сторонами кондикционного обязательства и, соответственно, как разрешать такие казусы. В любом случае разъяснения судов не дают ответ на данный вопрос.

Можно отметить, что данные позиции рассчитаны на те ситуации, когда обогащение возникает в результате действий потерпевшего, но не приобретателя. Соответственно, указанные разъяснения не учитывают случаи обогащения, возникающие в результате действий приобретателя.

Интересно обратить внимание на **отечественную доктрину**. В объяснениях к Проекту Гражданского уложения Российской империи 1905 г. была описана ситуация, когда плательщик при посредстве третьего лица передает имущество приобретателю без воли последнего. Авторы объяснений признают, что при таких обстоятельствах не возникает обязательственного отношения между плательщиком и приобретателем³⁵⁷. Вместо этого, имеются два обязательственных отношения: между плательщиком и третьим лицом (в силу договора) и между третьим лицом и приобретателем (в силу исполнения недолжного или действия в чужом интересе без поручения). Однако авторы указывают, что правовое сознание требует признания возможности

---

³⁵⁷ Проект Гражданского уложения Российской империи. Книга 5: Обязательства. Т. 5 с объяснениями. СПб., 1899. С. 403-405.

предъявления прямого кондикционного требования от плательщика в адрес приобретателя³⁵⁸.

Можно заметить определенную непоследовательность: с одной стороны, авторы утверждают, что обязательственное отношение между плательщиком и приобретателем отсутствует, но, в то же время признают наличие такого отношения для цели предъявления кондикционного требования.

В работах, посвященных неосновательному обогащению, такие ситуации не получили самостоятельного исследования. Между тем, некоторые авторы прямо указывали, что удовлетворение кондикционного требования не зависит от того, получен ли предмет обогащения непосредственно от потерпевшего или опосредованно от третьего лица.

Так, В.А. Рясенцев писал, что *«утраченное имущество через сделку с третьим лицом может быть истребовано от приобретателя только в том случае, когда переход к последнему имущества лишен основания»*³⁵⁹.

М.А. Гурвич при характеристике обязательств из неосновательного обогащения уточняет условия их возникновения: 1) наличие обогащения на стороне обогатившегося, 2) происхождение обогащения за счет потерпевшего, 3) отсутствие достаточного основания. Первые два условия образуют категорию, которую автор именует как «перемещение имущества» - получение выгоды обогатившимся (первое условие) и ущерб в имуществе потерпевшего (второе условие)³⁶⁰. Соответственно, перемещение какого-либо имущества без достаточного основания означает наличие всех условий для возникновения кондикционного обязательства. В этом контексте, по мысли М.А. Гурвича, закон не подразумевает необходимость именно непосредственного перехода

³⁵⁸ Там же. С. 406.

³⁵⁹ Рясенцев В.А. Обязательства из так называемого неосновательного обогащения в советском гражданском праве // Ученые записки Московского государственного университета. Труды юридического факультета. 1949. Вып. 144. Кн. 3. С. 99.

³⁶⁰ Гурвич М.А. Институт неосновательного обогащения в его основных чертах по Гражданскому кодексу РСФСР // Советское право. 1925. № 2 (14). С. 90.

имущества от потерпевшего к приобретателю³⁶¹; важно, накоплен ли трехкомпонентный фактический состав кондикционного обязательства. В примере, указанном выше в начале этого раздела, третье лицо (как потерпевший, имущество которого уменьшилось) может предъявить кондикционное требование напрямую к приобретателю, поскольку между ними произошло перемещение имущества.

Иные позиции отечественных авторов, специализировавшихся на кондикционных обязательствах, существенно не отличаются от изложенных выше. Авторы либо в принципе не упоминают требование непосредственности перемещения активов, ограничиваясь указанием на необходимость накопления трехзвенного состава³⁶², либо констатируют, что данное требование является неактуальным для отечественного права³⁶³.

Можно отметить, что в трудах современных ученых присутствуют положения о том, какой вариант разрешения указанного выше примера является наиболее правильным.

В.А. Хохлов указывает, что вне зависимости от того, возложено исполнение обязательства на третье лицо или нет, *«получение кредитором соответствующих средств от третьего лица не может рассматриваться как неосновательное обогащение, если права кредитора, должника, третьего лица (иных лиц) не нарушены, а само исполнение нет оснований считать ненадлежащим»*³⁶⁴. Как видно, данное утверждение не дает никаких ориентиров для разрешения указанных выше ситуаций. Автор фактически говорит: «права не нарушены – нет неосновательного обогащения», но что в данном случае следует понимать под нарушением прав, автор не объясняет. При этом учение о неосновательном обогащении в принципе не оперирует

³⁶¹ Там же. С. 91.

³⁶² Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М.: Госюриздат, 1951. С. 212; Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права. Москва. Статут, 2007. С. 597; Новикций И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М. 1950. С. 197-199.

³⁶³ Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит. 1975. С. 437

³⁶⁴ Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие. М.: Статут, 2015. 288 с.

такой категорией, как противоправность, которая характерна для института гражданско-правовой ответственности.

В другой работе высказывается мнение, что третье лицо управомочено на предъявление кондикционного иска к должнику, по поручению которого оно осуществляет исполнение, поскольку «плательщик потерпел ущерб «за счет» несостоявшегося должника, а не иных лиц»³⁶⁵. На наш взгляд, данный подход так же ничего не объясняет и, при этом, содержит круг в определении (третье лицо требует от должника, так как оно вправе требовать от должника).

А.Ю. Чурилов отталкивается от идеи защиты кредитора. В частности, автор указывает, что «при правомерном, добросовестном принятии исполнения со стороны кредитора» последний не может являться ответчиком по иску о взыскании неосновательного обогащения даже при недействительности отношений покрытия. В данном случае автор по какой-то причине так же использует слово «правомерный» применительно к принятию кредитором исполнения от третьего лица³⁶⁶. Тем не менее, как видно, А.Ю. Чурилов, по сути, воспроизводит тот же подход, который описан Пленумом Верховного суда РФ в вышеуказанном постановлении. Иными словами, автор предлагает ориентироваться на фигуру кредитора (получателя исполнения), но непонятно, во всех ли случаях (даже в рамках исследуемой автором ст. 313 ГК РФ) такой тест, по мысли автора, является рабочим. Стоит отметить, что подход, согласно которому кредитор не имеет возможности ничего проверить и не должен испытывать какие-либо неблагоприятные последствия, связанные с отношениями покрытия, в которых он не участвует, можно считать господствующим в отечественной доктрине³⁶⁷.

³⁶⁵ Слесарев А.В. Обязательства вследствие неосновательного обогащения: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03. – Уральская гос. юр. академия, Екатеринбург. 2000. С. 184.

³⁶⁶ Чурилов А.Ю. Участие третьих лиц в исполнении гражданско-правового обязательства: монография. М.: Юстицинформ, 2019. 200 с.

³⁶⁷ См., например, Сарбаш С.В. Обязательства и их исполнение: комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» (постатейный). Москва: М-Логос, 2022. С. 345.

Из представленного обзора можно сделать вывод, что отечественной наукой не предложено какого-либо универсального критерия для разрешения трехсторонних кондикций. Представляется, что это связано с тем, что в указанных выше подходах не рассмотрены все возможные ситуации в рамках настоящей темы. В частности, отечественная доктрина не дает ответ на вопрос, кто должен быть надлежащим кредитором и должником по кондикционному обязательству в тех случаях, когда инструкция должника оказалась ничтожной или в принципе отсутствовала. Может ли при таких обстоятельствах третье лицо предъявить требование к должнику с учетом того, что цель третьего лица заключалась именно в исполнении обязательства должника перед кредитором? Или же третье лицо должно предъявлять требование непосредственно к получателю платежа? Ответы на эти вопросы отсутствуют в отечественной доктрине.

Иной точки зрения придерживается Д.В. Новак. Так, он предлагает в качестве отправной точки исходить из того, с какой *целью* третье лицо осуществляет предоставление в пользу кредитора³⁶⁸.

Если третье лицо действовало с намерением исполнить собственное обязательство перед должником, то такой платеж прекращает обязательство должника перед кредитором, в результате чего на стороне должника возникает неосновательное сбережение в размере стоимости того, что он потратил бы при самостоятельном исполнении обязательства. Если же третье лицо ошибочно полагало, что исполняет собственное обязательство перед кредитором, то обогатившимся является кредитор, поскольку обязательство должника не прекращается³⁶⁹. Стоит отметить, что данная точка зрения является основой современного учения в сфере кондикционных обязательств, осложненных участием третьего лица, в некоторых иностранных

---

³⁶⁸ Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М.: Статут, 2010 // СПС КонсультантПлюс.

³⁶⁹ Там же.

правопорядках. В связи с этим, предлагаем более подробно рассмотреть данный подход в соответствующем разделе ниже.

Дифференциация видов неосновательного обогащения в ситуациях, осложненных участием третьего лица. Прежде чем переходить к иностранному опыту полагаем, что необходимо остановиться на важной особенности всех вышеуказанных подходов отечественных ученых. Так, можно заметить, что все представленные подходы в данном вопросе не приводят каких-либо различий решения в зависимости от происхождения обогащения. Иными словами, руководствуясь указанными выше подходами, как в случае происхождения обогащения в результате действий кредитора, так и в результате действий должника, будут применяться одни и те же подходы, несмотря на различия их структуры. В этом также проявляется, что отечественные авторы либо формулируют определенные критерии применительно лишь к одной ситуации оплаты чужого долга третьим лицом, либо формально заявляют об отсутствии условия непосредственности и на этом заканчивают рассуждения.

Представляется, что такая позиция доктрины не может быть принята в современном правовом дискурсе. По нашему мнению, необходимо различать две ситуации неосновательного обогащения: обогащение, возникающие по причине действий потерпевшего, и обогащение в результате вмешательства приобретателя. Первый из данных случаев склоняется к квазидоговорной ситуации, поскольку эти случаи чаще всего возникают по причине, например, отпадения правового основания в дальнейшем или невозникновения правового основания в рамках уже сложившихся договорных правоотношений сторон³⁷⁰. То есть, как правило, это случаи, когда потерпевший состоял в каких-либо отношениях (чаще всего, договорных) до момента отпадения

---

³⁷⁰ См., например, Dietrich J. The Limitations of Unjust Enrichment: A New Perspective on Restitution. Australia. 1994. P. 180-185; Каммерер Э. Обогащение и недозволенное действие. Часть вторая // Вестник гражданского права. 2010. № 3. С. 274 - 298.

основания. Иными словами, до момента обогащения потерпевший выбрал своего контрагента и принял риски его банкротства, соответственно, было бы справедливо, чтобы такое распределение рисков сохранялось и на стадии возврата неосновательного обогащения³⁷¹.

Как можно заметить, в тех случаях, когда обогащение происходит не в результате действий потерпевшего, такое правило не должно применяться. Имеется в виду, что не должны применяться ограничения, не позволяющие предъявлять кондикционное требование не к договорному партнеру.

Для иллюстрации данной проблемы в рамках кондикции, происходящей в результате действий самого приобретателя, можно привести следующие примеры. Так, в работе О.С. Иоффе приводится такая ситуация. Поставщик отгрузил продукцию заводу электробытовых приборов, а железная дорога по ошибке выдала ее заводу «Электроаппарат», который продукцию принял, полагая, что она отправлена в счет его договора с тем же поставщиком на поставку однородных предметов. Уже после того, как продукция была потреблена, выяснилось, что оплатил ее завод электробытовых приборов. По требованию дороги, к которой был предъявлен иск, арбитраж привлек к участию в деле завод «Электроаппарат» и взыскал с него в пользу истца стоимость ошибочно полученной продукции³⁷².

Из данного дела видно, что у двух заводов не было каких-либо договорных отношений друг с другом. Как видно, в данном деле обогащение возникло в связи с тем, что завод «Электроаппарат» получил фактически чужую продукцию, которая была оплачена потерпевшим. Соответственно, завод «Электроаппарат» не имел права использовать данную продукцию в своей деятельности. Подобный пример приводил В.А. Рясенцев: действительный покупатель моторов по договору отказался от их принятия и оплаты. Моторы были выданы другому лицу, которое оплатило их по цене 1

---

³⁷¹ Каммерер Э. Указ. соч. С. 288.

³⁷² Иоффе О.С. Указ. соч. С. 437-438.

000 руб., хотя действительная стоимость составляла 25 000 руб. Продавец моторов, несмотря на отсутствие прямых договорных связей между ним и получателем моторов, предъявил кондикционное требование, которое было удовлетворено³⁷³.

Другой пример. В Германии было рассмотрено следующее дело. Потерпевший предъявил кондикционное требование к собственнику соседнего участка, который сдавал свой участок в аренду. Арендаторы пользовались дорогой, которая проходила через земельный участок потерпевшего для доступа к подземной парковке. Суд удовлетворил требование, указав, что хотя собственник сам не пользовался данной дорогой, он извлек экономическую выгоду, выразившуюся в сбережении расходов на платное пользование дорогой³⁷⁴.

Можно также привести пример из современной судебной практики. Фабула дела заключалась в следующем. Компания Маракуйя Глобал является правообладателем товарного знака Maraquia. Под данным обозначением компания оказывает услуги по восстановлению национальных лесов и парков в РФ. ООО «Лаборатория леса», компания, учрежденная генеральным директором Маракуйя Глобал, незаконно использовала на своем сайте товарный знак, с помощью чего переманивала клиентов Маракуйя Глобал. Учредитель компании предъявил исковое требование о взыскании убытков в адрес ООО «Лаборатория Леса» и директора³⁷⁵.

Хотя данное дело преимущественно касалось взыскания убытков с директора на основании ст. 53.1 ГК РФ, Верховный суд РФ указал, что ООО «Лаборатория леса» не является надлежащим ответчиком по иску о взыскании убытков, однако оно может быть ответчиком по кондикционному требованию:

³⁷³ Рясенцев В.А. Обязательства из так называемого неосновательного обогащения в советском гражданском праве // Ученые записки Московского государственного университета. Труды юридического факультета. 1949. Вып. 144. Кн. 3. С. 89.

³⁷⁴ BGN 19.4.1985, BGHZ 94.

³⁷⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.12.2022 № 305-ЭС22-11906 по делу № А40-96008/2021.

«... участник оборота, в интересах которого действовал генеральный директор, не освобождается от обязанности возместить все доходы, которые он извлек или должен был извлечь из неосновательного получения (использования) чужого имущества. При ином подходе неосновательно обогатившееся лицо, пользуясь чужим имуществом, не имело бы никаких негативных экономических последствий, равно как не было бы экономически стимулировано к скорейшему возврату имущества потерпевшему»³⁷⁶.

Иными словами, в данной ситуации действия директора стали основанием для возникновения неосновательного обогащения у ООО «Лаборатория леса» за счет компании Маракуйя Глобал.

Как видно из указанных выше примеров, в данных ситуациях вряд ли возможно применить критерии, которые используются для ситуаций обогащения, возникшего в результате действий потерпевшего, в связи с различной структурой взаимоотношений сторон. Это обусловлено тем, что для таких ситуаций значение имеет, что потерпевший передает имущество во исполнение предполагаемого обязательства. Наоборот, в случаях обогащения, возникающего в результате действий приобретателя, отсутствует факт исполнения, в связи с чем невозможно установить цель предоставления³⁷⁷.

В действительности, при происхождении обогащения в результате действий приобретателя проблема участия в правоотношении третьего лица является скорее искусственной. Так, во всех указанных примерах, несмотря на присутствие третьего лица, кондикционное правоотношение возникает вне зависимости от какого-либо предоставления со стороны третьего лица.

³⁷⁶ Там же. Отметим, что данная позиция используется судами в рамках аналогичных дел (см., например, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.04.2024 № Ф05-35866/2022 по делу № А40-131626/2022, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.04.2024 № Ф07-2968/2024 по делу № А56-124378/2022).

³⁷⁷ Larenz K., Medicus D. Schuldrecht II: Besonderer Teil. München. 2018. S. 459-462; Schmidt-Recla A. Deutsche Dogmen und englisches leapfrogging bei der Restitution im Dreiecksverhältnis // Juristen Zeitung. 2010. No. 23. P. 1150-1156.

Наоборот, благо, принадлежащее потерпевшему, присваивается приобретателем своими действиями и в свою пользу.

Как указывает Э. фон Каммерер, в случае происхождения обогащения в результате действий приобретателя ему «не помогает то, что он купил вещи у третьего лица, т.е. приобрел их при наличии правового основания»³⁷⁸. Иными словами, в таких ситуациях потерпевший может предъявить иск к должнику по кондикционному требованию вне зависимости от того, приобрел ли такой должник имущество на основании договора с третьим лицом. Можно привести следующий пример. В уже упоминавшемся деле *Lipkin Gorman v Karpnale Ltd* партнер юридической фирмы, пристрастившись к азартным играм, проиграл в казино ответчика вверенные клиентом денежные средства³⁷⁹. Несмотря на то, что клиент не состоял в каких-либо отношениях с ответчиком, суд признал последнего должником по кондикционному требованию³⁸⁰.

Наоборот, если же речь идет о происхождении обогащения в результате действий (предоставления) потерпевшего, то кондикционное требование может быть предъявлено, по общему правилу, к тому лицу, которое получило имущество по такому предоставлению³⁸¹.

Соответственно, для разрешения данных ситуаций может быть использован тот критерий, который используется для стандартных ситуаций обогащения в результате собственных действий приобретателя – теория прикрепленного содержания субъективного права. По смыслу данной теории, в кондикционном обязательстве имеется две стороны: (1) лицо, которому принадлежит благо, и (2) лицо, которое присвоило благо в свою пользу. В связи с тем, что первому лицу принадлежат исключительные правомочия в отношении указанного блага, ему принадлежит также кондикционное

³⁷⁸ Каммерер Э. Обогащение и недозволенное действие. Часть вторая // Вестник гражданского права. 2010. № 3. С. 274 – 298.

³⁷⁹ *Lipkin Gorman v Karpnale Ltd* [1988] UKHL 12.

³⁸⁰ В то время в Англии игорные контракты противоречили публичному порядку, в связи с чем признавались ничтожными в соответствии с Законом об азартных играх 1845 года (Gaming Act 1845).

³⁸¹ Каммерер Э. Указ. соч. С. 274 – 298.

требование к приобретателю данного блага. Иными словами, исходя из самой структуры данного вида обязательства, какие-либо действия третьего лица в рамках данной структуры не могут иметь какого-либо значения.

Таким образом, необходимость применения различных правил о содержании условия «за счет потерпевшего» характерно не только для классических (двусторонних) ситуаций неосновательного обогащения, но также и для ситуаций, осложненных участием третьего лица. При этом для кондикции из предоставления правила легитимации являются более сложными (по сравнению с кондикцией из вмешательства), что будет показано далее.

Легитимация в рамках кондикции из предоставления. Как уже было сказано, проблема трехсторонней кондикции имеет особое значение именно в контексте кондикции из предоставления, то есть в тех ситуациях, когда обогащение происходит в результате действий потерпевшего.

В качестве базовой ситуации можно взять следующий пример: третье лицо А на основании инструкции своего кредитора С исполняет обязательство последнего перед Б. С является должником по отношению к Б, в связи с чем в дальнейшем изложении при употреблении слов «должник» и «кредитор» будут пониматься С и Б соответственно. Отношения А и С именуются отношениями покрытия, а отношения Б и С – отношениями валюты.

Для наглядности можно привести следующее схематическое изображение структуры таких отношений, представленное на рисунке 1 ниже:

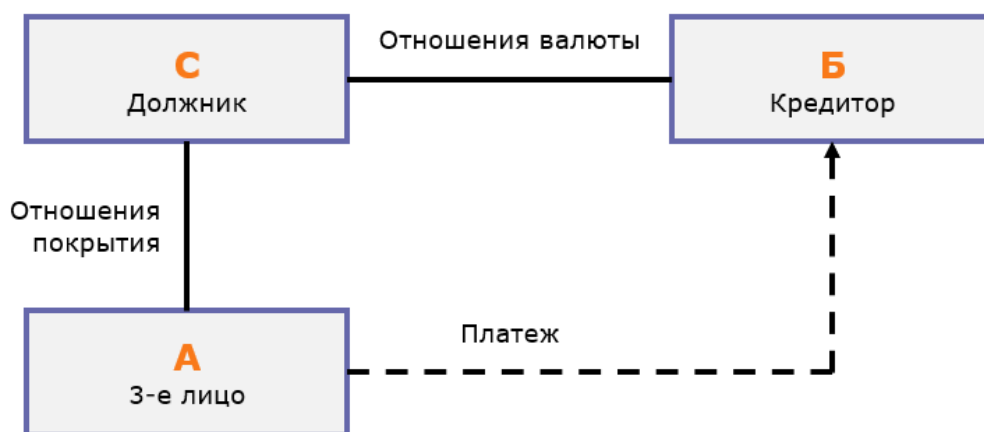

Рис. 1

Для целей дальнейшего изложения необходимо отметить исторический контекст указанной выше проблемы на примере римского права. Так, римское право допускало возможность исполнения обязательства третьим лицом во исполнение инструкции должника. Такая инструкция именовалась делегацией платежа (*delegatio solvendi*). Факт выдачи такой инструкции одновременно управомачивал (1) третье лицо на совершение платежа и (2) кредитора на получение такого платежа. Лицо Б «вынуждено участвовать в делегации, поскольку она составляет оферту платежа, отказ от которой равносителен просрочке в принятии исполнения»³⁸².

Как указывает Д.В. Дождев, А платит, повинаясь приказу С, а значит, освобождается от обязательства. *«Если бы он действовал по собственной инициативе ... прекращения обязательства не последовало бы, поскольку неясно, как соотносится такой платеж с интересами кредитора [имеется в виду кредитор третьего лица]»*³⁸³.

Подчеркнем, что делегация представляла собой не единый процесс, не одно юридическое действие, которое совершается действиями третьего лица в пользу кредитора. Наоборот, в делегации, в действительности, заложено два акта передачи имущества, которые происходят последовательно в юридическую секунду. Платеж третьего лица прекращал как обязательство третьего лица по отношению к лицу, выдавшему инструкцию (должник в отношении валюты, делегант), так и обязательство делеганта в рамках

³⁸² Дождев Д.В. Делегация и исполнение: анатомия обязательства // Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. Т. 2: Залоговое право. Обязательство. Договор купли-продажи / Д.В. Дождев; Исслед. центр частн. права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ. Рос. шк. частн. права. М.: Статут, 2021. С. 114.

В данном контексте можно видеть идею, которая в настоящий момент воплощена в нашем праве в части обязанности кредитора принять исполнение, предложенное третьим лицом за должника: эта обязанность не является обязательством в смысле «сделать что-либо», к совершению которого можно понудить путем предъявления требования об исполнении в натуре.

В связи с этим, Верховный суд РФ в своих разъяснениях снимает с добросовестного кредитора риск оказаться должником по кондикционному обязательству. Иначе получалась бы ситуация, что кредитор оказывается в безвыходном положении: он не может отказаться от принятия исполнения, т.к. попадает в просрочку, и он не может и принять исполнение, т.к. оно в дальнейшем может быть истребовано путем возврата неосновательного обогащения.

³⁸³ Там же. С. 116.

отношения валюты³⁸⁴. Иными словами, в юридическую секунду третье лицо (А) исполняет, во-первых, свое обязательство перед С (как бы предоставляет ему денежные средства), а затем С исполняет свое обязательство перед Б (предоставляет денежные средства, которые были ранее предоставлены ему третьим лицом).

По причине наличия двух отношений (и двух передач), говорить о том, что делегация является трехсторонним отношением, не приходится. Как указывал А.С. Кривцов, третье лицо «...должно находить достаточное удовлетворение и эквивалент в своем собственном отношении к делеганту»³⁸⁵. То есть третье лицо, передавая имущество кредитору-делегатарии, на самом деле, стремится исполнить свое обязательство перед делегантом. Соответственно, при наличии каких-либо дефектов в отношении покрытия или отношении валюты эквивалентность предоставлений сторон в рамках двух передач будет оцениваться отдельно: эквивалентность в отношении А-С и эквивалентность в отношении С-Б. Поскольку А не имеет каких-либо юридических отношений с Б, помимо факта платежа, то и невозможно нарушить (а затем и восстановить) эквивалентность между ними.

С учетом сказанного ситуацию исполнения по инструкции можно представить в качестве цепочки последовательных действий по передаче имущества: А осуществляет платеж С, а С осуществляет платеж Б. Третье лицо, производя платеж, исполняет не только обязательство должника по отношению к кредитору, но и свое обязательство перед должником. Соответственно, в одном платеже объединены сразу два исполнения³⁸⁶. В случае ничтожности одного из договоров, на основании которых совершается платеж, соответствующее требование будет локализовано в «дефектном» правоотношении.

---

³⁸⁴ Там же. С. 120.

³⁸⁵ Кривцов А.С. Абстрактные и материальные обязательства в римском и в современном гражданском праве. Юрьев. 1898. С. 206.

³⁸⁶ Schmidt-Recla A. Ibidem. P. 1150-1156.

Соответственно, применительно к исполнению обязательств третьим лицом при наличии возложения право рассматривает в качестве должника, исполняющего обязательство, именно С, поскольку именно С, несмотря на возложение исполнения на А, продолжает отвечать перед Б. Соответственно, неправильно было бы говорить, что при возложении исполнения третье лицо и должник образуют множественность лиц на стороне должника, или что третье лицо заменяет должника в обязательстве³⁸⁷.

Как указывал Д.В. Новак, критерием разрешения кондикционной проблемы в таких ситуациях может стать цель, с которой третье лицо совершает предоставление. Стоит отметить, что эта идея является важным аспектом учения о неосновательном обогащении в зарубежных правовых порядках (в частности, в немецком правовом порядке)³⁸⁸.

Напомним, что одной из базовых концепций в немецком учении о неосновательном обогащении является категория предоставления (*Leistung*), под которым понимается не только действия по исполнению, но именно сознательное и целенаправленное увеличение чужого имущества³⁸⁹. Критерий целенаправленности в данном случае имеет существенное значение. Делая какое-либо предоставление, лицо обычно имеет цель прекратить свое обязательство перед кредитором. Такое предоставление находит свою каузу в указанном обязательстве. Если обязательство прекращено, никогда не существовало или имеет какой-либо иной дефект (возникло из ничтожной сделки), то в таком случае отсутствует кауза предоставления³⁹⁰. Соответственно, предмет предоставления может быть истребован с помощью кондикционного требования.

³⁸⁷ Толстой В.С. Исполнение обязательств. - М.: Юридическая литература. 1973. С. 80-85.

³⁸⁸ Dannemann G. The German law of unjustified enrichment and restitution. Oxford, 2009. P. 25.

³⁸⁹ Шапп Я. Система германского гражданского права / Пер. с нем. С.В. Королева. - М.: Междунар. отношения. 2006. С. 117-118.

³⁹⁰ Loewenheim U. Bereicherungsrecht (JuS-Schriftenreihe/Studium, Band 38). S. 22. Егоров А.В. Структура обязательственного отношения: наработки германской доктрины и их применимость в России // Вестник гражданского права. 2011. № 3. С. 241 - 274.

Цель (кауза) предоставления может состоять не только в исполнении обязательства (*causa solvendi*), но, например, в предоставлении имущества в качестве дара (*causa donandi*). Утверждается, что цель определяется исходя из представления о типизированных мотивах участников сделки, список которых носит характер *numerus clausus* и которые лежат в фундаменте любого сделочного акта: обмен, дарение, исполнение обязательства (*Austausch, Schenkung, Abwicklung*)³⁹¹. В этой связи стоит отметить, что неосуществление (недостижение) цели также означает отсутствие правового основания для перемещения имущества. С позиций современной теории неосновательного обогащения критерий «без правового основания» понимается именно как недостижение цели предоставления (субъективный подход), в отличие от подхода, согласно которому правовое основание – конкретный юридический факт, на котором основано перемещение имущества (как правило, соглашение) (объективный подход)³⁹².

Исходя из того, какую цель преследует лицо, которое осуществляет предоставление, делается вывод о характере и сторонах кондикционного обязательства. Так, С. Майер указывает, что необходимо различать две ситуации: оплата третьим лицом чужого долга и платеж третьего лица на основании инструкции должника³⁹³. Разберем их по-отдельности более подробно.

А) Платеж по инструкции

В случае с платежом третьего лица на основании инструкции (выданной от С в адрес А) цель третьего лица А заключается в исполнении своего собственного обязательства по отношению к своему кредитору С. Хотя А

³⁹¹ Schnauder F. Leistung ohne Bereicherung? — Zu Grundlagen und Grenzen des finalen Leistungsbegriffs // Archiv für die civilistische Praxis, 1987, 187. Bd., H. 2 (1987), S. 147.

³⁹² Meier S. Unjust factors and legal grounds // Unjustified Enrichment: Key Issues in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 37-40.

³⁹³ Meier S. Mistaken Payments in Three-Party Situations: A German View of English Law // 58 Cambridge Law Journal, № 56, 567 (1999) pp. 588-589. Можно заметить, что такой подход созвучен с тем, о чем писал Д.В. Новак в своей работе.

передает имущество непосредственно Б, и именно между ними имеет место фактическая передача, основное намерение А исключительно связано с исполнением своего обязательства. Иными словами, А дает имущество Б, чтобы освободиться от долга перед С. Соответственно, А не интересуется содержанием правоотношений между Б и С. При отсутствии каких-либо дефектов платеж А прекращает оба обязательства³⁹⁴. Такое развитие событий укладывается в классическое понимание института исполнения обязательства третьим лицом.

Основной проблемный вопрос, который будет раскрыт далее, заключается в ситуации наличия каких-либо дефектов в отношениях покрытия или отношениях валюты.

Следует отметить, что истинным плательщиком в случае дефекта в отношениях Б-С является именно С (несмотря на то, что фактически долг был оплачен в результате предоставления, сделанного А). В связи с этим, кондикционное требование по возврату осуществленного предоставления должно иметь место в том правоотношении, которое оказалось дефектным. Та же логика распространяется на случаи дефектности отношений А-С, т.е. А не может требовать возврата неосновательного обогащения от Б, поскольку Б получил именно то, что ему должно было быть предоставлено со стороны С³⁹⁵.

Иными словами, вопрос локализации кондикционного притязания в случае платежа по инструкции решается в зависимости от того, в каком правоотношении имеется дефект, т.е. каждое отношение рассматривается отдельно, как если бы мы имели дело с обычной двухсторонней кондикцией.

---

³⁹⁴ Ibidem. P. 590.

³⁹⁵ Ibidem. P. 592-595. Martinek M. Unjust enrichment issues in triangular situations of defective cashless payments - the German approach in a comparative perspective // Saarbrücker Bibliothek. URL: <http://archiv.jura.uni-saarland.de/projekte/Bibliothek/text.php?id=219> (дата обращения: 09.04.2024). В российском праве данная идея разделяется в работе Громов А.А., Тололаева Н.В. Обязательственное и договорное право: курс лекций. М.: Статут, 2025. С. 95.

Б) Оплата чужого долга

Если А в отсутствие каких-либо инструкций предоставляет денежную сумму Б с намерением оплатить долг С перед Б, и такой долг, в действительности, существует, то С освобождается по отношению к Б. Для восполнения «минуса» в своей имущественной сфере, который образовался в результате предоставления, А имеет право предъявить обратное требование к С³⁹⁶.

Так обстоят дела при отсутствии каких-либо дефектов в отношениях сторон. Поскольку С не давал каких-либо инструкций в адрес А, то единственный вопрос, который может возникнуть, заключается в следующем: какое значение с точки зрения неосновательного обогащения имеет дефектность правоотношений между Б и С?

В данном контексте можно помыслить два возможных пути решения проблемы: кондикционное требование от А к С или кондикционное требование от А к Б. Оба подхода базируются на определенных аргументах, суть которых рассмотрена ниже.

Можно было бы предположить, что в случае оплаты долга С необходимо предъявлять требование не к Б (фактическому получателю платежа), а к С. С одной стороны, такое решение не затрагивает интересов кредитора Б, который, по общему правилу, не должен проверять действительность правоотношений между А и С. К тому же, А, исполняя обязательство С, в первую очередь, имеет в виду именно С, рассматривает его как получателя предоставления, и цель А заключается в том, чтобы осуществить предоставление в пользу С (прекратить его обязательство). Соответственно, к таким ситуациям можно было бы применить подход, выработанный для разрешения ситуаций исполнения по инструкции, а именно принцип целенаправленного предоставления.

С другой стороны, руководствуясь подходом целенаправленного предоставления, можно сказать, что цель третьего лица заключается уже не в

---

³⁹⁶ Meier S. Op. cit. S. 590-595. По российскому праву исполнившему третьему лицу предоставлена суброгация (пункт 5 статьи 313 ГК РФ).

исполнении обязательства по инструкции (т.е. своего обязательства перед С), но в освобождении С по отношению Б. Если в первом случае третье лицо намеревается исполнить собственное обязательство (и соответственно его не интересует содержание отношений валюты), то во втором – он исполняет именно чужое обязательство, в связи с чем действительность такого обязательства приобретает для него ключевое значение. В случае дефектности или отсутствия такого обязательства, цель, с которой третье лицо делает предоставление, не достигается: никакой долг не прекращается в связи с предоставлением А. В связи с этим, требование из неосновательного обогащения должно быть направлено именно против получателя платежа (Б).

Как видно, одна и та же теория способна объяснить два противоположных подхода. Однако, как указывают в доктрине, в подобных делах должен быть практически полностью исключен поиск какого-либо схематичного решения проблемы; в каждом отдельном случае необходимо анализировать все фактические обстоятельства дела, в том числе интересы сторон соответствующих правоотношений³⁹⁷. Если проанализировать интересы участников этой операции, то получается, что:

- С никак не участвует в этом платеже, не дает инструкций и не просит А исполнять его обязательство. В такой ситуации было бы несправедливо перекладывать на С какие-либо последствия предоставления, в котором он не участвовал и которое он не санкционировал;
- Б получает предоставление в отсутствие действительной обязательственной связи, о чем ему известно. Соответственно, он не может рассматривать сделанное предоставление как надлежащее.

В связи с этим, единственным верным вариантом в таких ситуациях является кондиционное требование А к непосредственному получателю платежа (Б).

---

³⁹⁷ Lorenz S. Bereicherungsrechtliche Drittbeziehungen // JuS. 2003. S. 729.

Как видно из двух описанных случаев, цель предоставления, сделанного третьим лицом, позволяет обосновать, к кому третье лицо может предъявить кондикционное требование. Если цель третьего лица заключалась в исполнении собственного обязательства перед его кредитором (должником в отношении валюты), который выдал инструкцию, то третье лицо может предъявить кондикционное требование только к своему договорному партнеру. Если же цель третьего лица заключается в исполнении чужого обязательства, то при дефектности отношений валюты, третье лицо может предъявлять кондикционное требование напрямую к кредитору.

Указанное выше еще раз демонстрирует структурное отличие и необходимость дифференциации между видами кондикционных требований.

Проблемные вопросы теории

1. Преобладание субъективного элемента

Как видно, отправным критерием для определения надлежащих сторон кондикционного обязательства в описанных выше ситуациях является цель, с которой третье лицо осуществляет предоставление кредитору. Иными словами, субъективная сфера третьего лица при таком подходе становится определяющим элементом всей конструкции, от чего зависят дальнейшие кондикционные последствия. Однако, представляется, что было бы несправедливо давать право на кондикционный иск в зависимости от того, какую цель преследовало третье лицо: прекращение своего собственного обязательства перед должником или освобождение должника перед кредитором.

Можно заметить, что даже в рамках этой концепции ученые признают недостаток субъективного понимания цели исполнения, поскольку определить на практике, какая цель имеется в виду третьим лицом, не

представляется возможным³⁹⁸. В связи с этим, для защиты разумных интересов сторон предлагается решение: если цель третьего лица при осуществлении предоставления неизвестна, то необходимо ориентироваться на объективный стандарт разумного и добросовестного получателя платежа и то, как он воспринимает эту ситуацию с точки зрения стандартов и традиций гражданского оборота (*objektivierte Empfängerhorizont*)³⁹⁹.

Для иллюстрации этого правила можно использовать следующий пример. В одном из дел работник финансового департамента одного из государственных органов имел полномочия по распоряжению денежными средствами этого учреждения. Так случилось, что этот работник в течение определенного времени оплачивал со счета учреждения услуги, которые работнику оказывала куртизанка. Суд удовлетворил кондикционное требование учреждения в отношении женщины, сославшись на то, что она могла разумно предположить, что ее услуги не могут быть законным образом оплачены со счета учреждения. Соответственно, она должна была понимать, что платеж являлся неправомерным⁴⁰⁰.

Фактически такой подход основывается на теории видимости права и доверия кредитора к действиям третьего лица: разумный кредитор, ожидая погашение своего долга со стороны должника, полагается на действия третьего лица, которые имеют внешние признаки исполнения обязательства должника⁴⁰¹.

Таким образом, если цель предоставления определяется с точки зрения среднего разумного участника оборота, находящегося на месте кредитора, то такой кредитор должен полагать, что исполнение направлено на прекращение именно того обязательства, которое должно было прекратиться в силу закона,

³⁹⁸ Martinek M. Op. cit.; Schmidt-Recla A. Op. cit. S. 1158.

³⁹⁹ Ibidem.

⁴⁰⁰ BGH v. 21.10.2004 - III ZR 38/04. Так же этот пример приводится в Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law Draft Common Frame of Reference (DCFR). Interim Outline Edition / Chr. von Bar, E. Clive, H. Schulte-Nölke et al. Sellier, 2008. P. 1582.

⁴⁰¹ Martinek M. Op. cit.

поскольку нормы закона представляют наиболее типичные правила поведения.

2. Порок инструкции

Сложности встречаются в тех ситуациях, когда дефект касается самой инструкции, выданной должником третьему лицу. Поскольку такая инструкция является сделкой, то вполне возможно допустить, что определенные дефекты могут касаться не только обязательственного отношения между должником и третьим лицом, но и непосредственно самой инструкции. При этом стоит отметить, что такие дефекты могут быть двух видов: (1) связанные с изначальной недействительностью инструкции, (2) связанные с последующей утратой инструкцией силы (например, отзыв инструкции).

Стоит еще раз напомнить, что основной целью третьего лица в таких ситуациях является исполнение своего собственного обязательства перед клиентом, но не обязательства клиента перед его кредитором. Как утверждал П. Биркс, третье лицо, осуществляя платеж *по инструкции* клиента, в действительности, платит своему клиенту, а клиент своему кредитору⁴⁰². Иными словами, даже если клиент физически не получает какого-либо предоставления, право рассматривает эту ситуации таким образом, как если бы клиент его получил. В этом смысле допустима аналогия из казуса Р. Йеринга: если лицо покупает птицу и говорит продавцу отпустить ее на волю, но не передать ее покупателю, с точки зрения права продавец считается исполнившим свои обязательства перед покупателем с момента освобождения птицы, а потому вправе требовать уплаты цены. Это происходит, поскольку покупатель получает то, что он и хотел⁴⁰³.

Э. фон Каммерер указывал, что в инструкции содержится кауза сделки между банком и получателем средств; при ее дефектности кауза отсутствует,

---

⁴⁰² Birks P. Op. cit. P. 58

⁴⁰³ Ibidem. P. 58.

в связи с чем банк имеет право кондикционного требования по отношению к получателю средств⁴⁰⁴. Как видно, такой подход соответствует логике римской делегации, где инструкция выступает механизмом, который активно управомачивает третье лицо совершить платеж и пассивно управомачивает получателя средств на их приобретение⁴⁰⁵.

С учетом вышеуказанного при изначальной дефектности инструкции (например, фальсификация платежного поручения, отсутствие дееспособности) платеж третьего лица не может прекратить обязательство клиента перед его кредитором, а соответственно и обязательство банка перед клиентом. В связи с этим, третье лицо вправе предъявить кондикционное требование к получателю платежа (кредитору клиента), который является единственным лицом, получившим благо неосновательно.

Против такого решения можно было бы возразить, что кредитор не имеет представления о том, выдана ли инструкция надлежащим образом, существует ли она в принципе или нет. Позиция кредитора в таких случаях ничем не отличается от позиции кредитора в случае, когда обязательственное правоотношение между должником и третьим лицом является дефектным, в связи с чем принцип распределения рисков должен быть аналогичным⁴⁰⁶.

Полагаем, что добросовестность третьего лица в такого вида ситуациях (изначальная дефектность инструкции) не должна приниматься во внимание. В связи с тем, что такая инструкция недействительна, она не может быть основанием для погашения долга в отношениях валюты. Соответственно, долг клиента банка в отношениях покрытия не прекращается, и клиент не приобретет никакого предмета обогащения. Иными словами, клиент банка остается должником своего кредитора, но кредитор получает предоставление от самого банка. Фактически при таком платеже банк, по сути, исполняет

⁴⁰⁴ Koppensteiner H.-G., Kramer E.A. Op. cit. S. 33

⁴⁰⁵ Дождев Д.В. Указ. соч. С. 121.

⁴⁰⁶ Auer M. Neuanfang beim Bereicherungsausgleich in Dreipersonenverhältnissen // Zeitschrift für die gesamte Privatrechtswissenschaft. No. 4. 2016. S. 487.

недолжное, ошибочно предполагая, что он в силу инструкции обязан заплатить получателю средств. То есть можно говорить, что в таком случае имеется обычная ситуация *condicio indebiti*, в которой лицо, исполняющее по ошибке (банк), истребует переданные получателю денежные средства. Соответственно, банк, осуществив предоставление, без правовых оснований увеличил имущество другого лица (кредитора), что означает возможность предъявления банком кондикционного требования к кредитору⁴⁰⁷. Иными словами, при отсутствии инструкции только банк производит платеж кредитору, но не должник, в связи с чем должник не получает никакого блага от такого исполнения.

В одном из дел Верховный суд Германии прямо указал, что в случаях с изначально недействительной инструкцией добросовестность кредитора не может стать фактором, достаточным для того, чтобы стать возражением для кондикционного иска плательщика. Соответственно, по общему правилу, добросовестность кредитора, который фактически получает денежные средства от третьего лица, не должна приниматься во внимание⁴⁰⁸.

Иная ситуация имеет место в случае отзыва инструкции клиентом, когда третье лицо упускает факт отзыва и все равно осуществляет платеж. Отметим, что такой платеж не затрагивает отношение валюты, которое остается неизменным, поскольку отозванная инструкция также не имеет каузы. Тем не менее, в данной ситуации речь идет о том, что клиент третьего лица при таких обстоятельствах создает видимость права у получателя средств относительно того, что инструкция действительна и не имеет каких-либо пороков. Как известно, одним из оснований и одновременно ограничителем теории видимости права (*Rechtsscheintheorie*) является, так называемый, принцип повода. Как в этом контексте заметил Е.Ю. Самойлов, «*эффект легитимации*,

⁴⁰⁷ Koppensteiner H.-G., Kramer E.A. Op. cit. S. 35

⁴⁰⁸ Martinek M. Das Recht der ungerechtfertigten Bereicherung und der Geschäftsführung ohne Auftrag // in J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einfuhrungsgesetz und Nebengesetzen Eckpfeiler des Zivilrechts. Berlin: de Gruyter. 2008. S. 831.

обусловленный внешней видимостью, принципиально распространим только на те случаи, когда прежний собственник участвовал в создании данной видимости или должен нести ответственность за ее последующее существование. При этом учитывается причинно-следственная связь между действиями собственника и возникновением видимости, а нередко и степень его вины»⁴⁰⁹. Логично, что в анализируемой ситуации именно действия клиента (выдача изначально действительных инструкций) создали у получателя разумные ожидания в их последующей действительности. По этой причине клиент несет негативные последствия в виде кондикционного требования третьего лица, поскольку сам создал видимость полномочий третьего лица на исполнение обязательства.

Тем не менее, если получатель средств, в действительности, знал об отзыве инструкции, но, несмотря на это, принял платеж и продолжает его удерживать, то в такой ситуации кондикционное требование может быть направлено напрямую к недобросовестному получателю. Соответственно, можно утверждать, что знание получателя средств о том, что инструкция была отозвана порочит его потенциальную ссылку на видимость права и разумные ожидания того, что инструкция была действительна и выдана надлежащим лицом, в связи с чем имеет юридические последствия⁴¹⁰.

Как видно, в двух указанных случаях (изначальная дефектность инструкции и отзыв инструкции впоследствии) логика, что если цель направлена на исполнение третьим лицом (А) своего обязательства перед своим кредитором (С), то А имеет кондикционное требование только в отношениях покрытия, в случае дефекта инструкции не подтверждается. В таких ситуациях, как следует из вышесказанного, необходимо обращать внимание на комплекс отношений между всеми участниками сделки.

---

⁴⁰⁹ Самойлов Е.Ю. Публичная достоверность в гражданском праве: теоретическая конструкция и условия использования института // Вестник гражданского права, 2007, № 4 (СПС «КонсультантПлюс»).

⁴¹⁰ Martinek M. Op. cit.

Таким образом, концепция целенаправленного предоставления имеет свои недостатки, связанные с преобладанием субъективного элемента и невозможностью разрешить ситуации, когда дефект связан с инструкцией должника, где решение приходится искать в иных правовых механизмах, которыми являются, например, принцип добросовестности или теория видимости права.

Принцип относительности как дополнительный критерий.

Известно, что одним из базовых принципов современного обязательственного права является принцип относительности обязательств. Например, согласно п. 3 ст. 308 ГК РФ обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон. Исходя из систематики и места данной нормы в общих положениях об обязательствах, логично предположить, что она имеет общий характер для всех видов обязательств, в том числе и для кондикционных. С учетом того, что проблема, поставленная в настоящей работе, относится к координации требования потерпевшего относительно двух возможных должников по кондикционному обязательству, то было бы разумно задать вопрос о возможности решения данной проблемы с опорой на данный принцип.

Если обратиться к иностранному опыту, можно обнаружить, что большинство авторитетных ученых указывают на необходимость соблюдения относительности обязательств в рамках учения о неосновательном обогащении. Например, П. Биркс формулирует это правило следующим образом: *one may never attack one's contractual counter-party's immediate enricher*. Иными словами, в тех ситуациях, когда обогащение возникло в связи с активными действиями самого потерпевшего (например, когда потерпевший передал предмет обогащения приобретателю по ошибке), то между потерпевшим и приобретателем возникает относительное кондикционное

обязательство⁴¹¹. По этой причине, потерпевший может предъявлять кондикционное требование только в отношении приобретателя. В качестве аргументов такой точки зрения часто называют недопустимость нарушения договорного характера распределения рисков, которое имело место в период действия договора,⁴¹² и предоставления истцу более благоприятного режима общеискового взыскания по сравнению с участием в сложном и долгом банкротном процессе (поскольку истец несет риски банкротства своего контрагента)⁴¹³.

Например, как указывает К. Верхаген, неосновательное обогащение не должно подрывать существовавший ранее договорный контекст правоотношений. Несмотря на то, что обязательственные связи были дефектными, то распределение рисков банкротства или неисполнения обязательств должно быть сохранено⁴¹⁴. В ином случае, получалось бы, что субподрядчик, выполнивший работу по договору с генеральным подрядчиком, или исполнитель, осуществивший ремонт оборудования по договору с страховой компанией, могли бы предъявлять требования о взыскании неосновательного обогащения к конечному бенефициару в случае неплатежеспособности своего контрагента в обход банкротных процедур. Такое решение выглядело бы несправедливым и непоследовательным⁴¹⁵.

В работе Р. Гоффа и Г. Джонса указывается, что практика английских судов сложилась таким образом, что принцип относительности в таких ситуациях признается в качестве общего правила⁴¹⁶. В качестве примера приводится дело *Costello v MacDonald*. В данном деле между подрядчиком и

---

⁴¹¹ Birks P. Op. cit. P. 53.

⁴¹² Ball E. Enrichment at the Claimant's Expense: Attribution Rules in Unjust Enrichment. Hart Publishing. 2019. P. 20-24.

⁴¹³ Mitchell C. Unjust factors in three-party cases // Restitution Law Review. 2017. P. 223-237.

⁴¹⁴ Verhagen H.L.E. The Policies against Leapfrogging in Unjust Enrichment: A Critical Assessment // Edinburgh Law Review No. 55. 2018. P. 74-78.

⁴¹⁵ Verhagen H.L.E. Op. cit. P. 81.

⁴¹⁶ Goff R., Jones G. The Law of Restitution. 9th ed. London, 2016. P. 208; См. также Edelman J. Bant E. Unjust enrichment. Second edition. Oxford; Portland: Hart Publishing. 2016. P. 465.

заказчиком был заключен договор на выполнение строительных работ, которые де-факто выполнялись к выгоде третьего лица; заказчиком по договору была техническая компания, созданная для целей налоговой оптимизации. По окончании работ между сторонами возник спор о качестве, в связи с чем заказчик отказался оплачивать часть работ. Подрядчик предъявил в суд кондикционное требование к третьему лицу, в котором ему было отказано. В частности, было указано:

«было бы неправильно, если бы возмещение обогащения подрывало то, каким образом стороны решили распределить риски, связанные с сделкой»⁴¹⁷.

Комментируя это решение, авторы указывают следующее:

- подрядчик должен обращаться только к своему договорному контрагенту с требованием оплаты;
- подрядчик не может превращать третье лицо в фактического гаранта исполнения обязательства заказчика;
- подрядчик не вправе преодолевать неоплату со стороны заказчика путем предъявления кондикционных требований к третьему лицу.

По мнению авторов, эти правила (при отсутствии особенностей, предусмотренных договором) должны применяться в каждом случае, когда возникает вопрос надлежащего должника по кондикционному обязательству⁴¹⁸.

К.-В. Канарис указывает, что из принципа относительности обязательств применительно к сфере неосновательного обогащения следует, что:

- стороны дефектного обязательственного отношения должны сохранять все возражения друг к другу, которые возникли в связи с этим отношением;
- обе стороны должны быть защищены против возражений, которые возникли у одной стороны из отношений с третьим лицом;

---

⁴¹⁷ Ibidem. P. 468.

⁴¹⁸ Ibidem. P. 468.

- сторона должна нести риск банкротства и неплатежеспособности только такого контрагента, которого она сама выбрала⁴¹⁹.

Иными словами, указанные правила направлены на распределение рисков и возражений между сторонами таким образом, чтобы ни один из участников комплексного трехстороннего отношения не нарушал свои обязательственные связи и не вторгался в чужие.

Представляется, что с указанными идеями можно согласиться, поскольку допустимость предъявление требования о взыскании неосновательного обогащения к опосредованному приобретателю автоматически приводит к тому, что такое требование допустимо по отношению к лицу, которому приобретатель передал предмет обогащения, и так далее по цепочке до бесконечности.

Эффективность принципа относительности обязательств можно проиллюстрировать на примере ситуаций, когда оба правоотношения (отношение валюты и отношение покрытия) являются дефектными.

В общем виде, в рамках таких ситуаций есть два противоположных подхода. Первый подход заключается в том, что третье лицо вправе напрямую предъявить кондикционное требование к кредитору (получателю средств)⁴²⁰. Такой подход основан на идее сокращения возможных транзакционных издержек: вместо двух судебных процессов, цель которых заключается в том, чтобы в итоге «переместить» неосновательную выгоду от кредитора в пользу третьего лица, будет только один процесс, который как раз достигает данной цели. Причем в рамках данного подхода вполне логично, что поскольку третье лицо изначально совершало свое предоставление напрямую в пользу кредитора, то восстановление эквивалентности должно происходить по аналогичному сценарию⁴²¹. Однако данный подход противоречит идее

---

⁴¹⁹ Ibidem. P. 468-469.

⁴²⁰ См., например, Reuter D., Martinek M. Ungerechtfertigte Bereicherung. Tübingen. 2016. S. 82.

⁴²¹ Ibidem S. 83.

относительности обязательств, поскольку кредитор не может выдвинуть против требований третьего лица те возражения, которые основаны на отношении покрытия. Такая ситуация ставит в существенно более обременительное положение кредитора, лишая его возможности эффективно защитить свои права. Большое количество дефектов (в сравнении с иными ситуациями, описанными выше) не должно влечь необходимость изменения применимых правил.

Другой подход основан на том, что третье лицо вправе предъявить кондикционное требование к должнику, а должник — к кредитору. Соответственно, требования движутся, по сути, по треугольнику⁴²². В данном случае третье лицо в соответствии с принципом относительности предъявляет требование к своему бывшему контрагенту. Однако здесь можно обратить внимание на другой аспект. Известно, что одним из условий возникновения кондикционного требования является получение приобретателем какого-либо блага. В области требования третьего лица к должнику неясно, какое благо получено должником, поскольку предоставление третьего лица не прекращает какое-либо обязательство должника, и должник в принципе не получает какого-либо предоставления. В связи с этим вопрос: что именно будет истребовать третье лицо у должника, если никакого блага у должника попросту нет? Можно заметить, что подобная проблема не возникает в первом описанном выше варианте.

Во-первых, можно было бы сказать, что единственное благо, которое наличествует у должника — это его собственное кондикционное право требования по отношению к кредитору. Действительно, поскольку предоставление третьего лица не прекращает два обязательства в связи с дефектностью двух отношений, то у должника имеется самостоятельное право требования из неосновательного обогащения к кредитору. В связи с этим,

---

⁴²² Kupish B. Rechtspositivismus im Bereicherungsrecht // JuristenZeitung. No. 5. 1997. S. 213-215.

данное право может стать самостоятельным предметом кондикционного требования третьего лица. Иными словами, кондикционное требование третьего лица направлено на истребование кондикции должника против кредитора (*Kondiktion der Kondiktion*)⁴²³. Результатом такого процесса станет цессия данного требования от должника в пользу третьего лица. Однако такое решение опять будет не соответствовать принципу относительности обязательств, поскольку кредитор сможет выдвинуть против третьего лица не только те возражения, которые могли возникнуть из их собственного отношения, но и те возражения, которые он имел против должника, как это указано в ст. 386 ГК РФ. В таком случае на третье лицо возлагаются риски, связанные с тем правоотношениями, в которых он не участвовал, что существенно затрудняет возможность защиты его прав.

Более взвешенное решение, по мнению, например, К.-В. Канариса, заключается в истребовании не самого права, а стоимости этого права от должника. При таком подходе не происходит цессии, и соответственно третье лицо не становится связанным чужими возражениями⁴²⁴. Тем не менее, и этот подход не лишен недостатков. Например, можно было бы сказать, что истребование стоимости имущества возможно только в тех случаях, когда сам предмет не сохранился в натуре. В данном же случае право требования сохраняется, в связи с чем истребование стоимости права, а не самого права, представляется преждевременным. К тому же, стоимость самого права необязательно соответствует размеру того долга, который оно закрепляет.

Таким образом, как видно, есть несколько решений, которые способны обосновать вариант истребования полученного при дефектности двух отношений. При этом, одна лишь теория целенаправленного предоставления

---

⁴²³ Kupish B. Op. cit. S. 220.

⁴²⁴ Canaris C.-W. Der Bereicherungsausgleich im Dreipersonenverhältnis // Festschrift für Karl Larenz. Munich. 1973. S. 799.

без анализа интересов участников, защищаемых принципом относительности обязательств, была бы недостаточной.

Интересно, что в литературе принято указывать на кумулятивный характер принципа относительности и теории целенаправленного предоставления. Так, по выражению Б. Маркезиниса, принцип целенаправленного предоставления является компасом, а принцип относительности – картой, т.е. они являются взаимодополняющими способами нахождения верного пути⁴²⁵. В связи с этим можно было бы сказать, что один теоретический подход дополняет другой, в связи с чем появляется более взвешенное решение той или иной проблемы.

Полагаем, что такой подход к роли принципа относительности обязательств в сфере неосновательного обогащения способен обеспечить стабильность экономического оборота, что является одной из важных задач на современном этапе развития экономических отношений⁴²⁶.

Возможность применения указанных подходов в российском праве.

Из анализа судебной практики можно видеть, что нижестоящие суды, как правило, интуитивно разрешают указанную категорию споров, т.е. без использования какой-либо методологии. С этой точки зрения, показателен следующий пример, иллюстрирующий системное непонимание правильного подхода в ситуациях трехсторонней кондикции. Третье лицо на протяжении нескольких месяцев совершало платеж за должника в пользу кредитора. Платеж был обусловлен тем, что между должником и третьим лицом имелись договорные отношения по организации производства сельскохозяйственной продукции. Однако впоследствии должник нарушил свои обязательства (не организовал производство). В связи с этим третье лицо обратилось в суд с кондикционным требованием к получателю средств. Нарушая как правило

⁴²⁵ Markesinis B.S., Lorenz W., Dannemann G. The German Law of Obligations. Clarendon Press. 1997. P. 733

⁴²⁶ Илюшина М.Н. Особенности правовой природы обязательственных отношений с участием предпринимателей в свете концепции совершенствования гражданского законодательства // Предпринимательское право. 2010. № 3. С. 35 - 39.

защиты добросовестного кредитора, так и принцип возможности требовать неосновательное обогащение только от договорного партнера, три инстанции удовлетворили требование⁴²⁷.

В другом деле суд первой инстанции также удовлетворил требование третьего лица, который оплатил долг за должника в пользу кредитора, возникший в результате исполнения кредитором договора подряда. При этом кредитором работы были полностью выполнены, в связи с чем он ожидал исполнения со стороны должника. Суд первой инстанции указал, что между третьим лицом и кредитором не возникло каких-либо правоотношений и, соответственно, денежные средства были перечислены неосновательно⁴²⁸. Однако в апелляции данное решение суда первой инстанции было отменено⁴²⁹.

Далее стоит обратить внимание на примеры дел из практики Верховного суда РФ. Как будет продемонстрировано ниже, текущая правоприменительная практика на уровне Верховного суда РФ (в отличие от нижестоящих судов) в целом соответствует подходу к разрешению ситуаций неосновательного обогащения, осложненных участием третьего лица.

В одном из дел Верховный суд РФ рассматривал следующую ситуацию. Третьи лица перечисляли денежные средства кредитору в счет договорного долга должника перед кредитором по оплате приобретенного должником автомобиля. Впоследствии кредитор потребовал возврат автомобиля в связи с существенными просрочками по оплате долга – автомобиль был возвращен. Третьи лица предъявили кондикционное требование о взыскании денежных средств, полученных кредитором до момента расторжения договора, указав, что между ними и кредитором отсутствуют какие-либо правоотношения. Суды нижестоящих инстанций удовлетворили требования третьих лиц в полном объеме.

---

⁴²⁷ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23.08.2022 № 88-18153/2022.

⁴²⁸ Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 02.07.2019 по делу № А32-36260/2018.

⁴²⁹ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.11.2019 № 15АП-14637/2019 по делу № А32-36260/2018.

Верховный суд РФ отменил акты нижестоящих инстанций и направил дело на новое рассмотрение, указав: *«исполнение ... обязательства за Магаррамову М.М. [должник] само по себе не означает, что переданные денежные средства являются неосновательным обогащением [кредитора]»*. Суд также отметил, что кондикционное требование носит субсидиарный характер, в связи с чем если на новом рассмотрении суды придут к выводу о наличии иных потенциальных требований, то они будут иметь приоритет перед кондикционным иском⁴³⁰.

Действительно, само по себе предоставление третьего лица не приводит к неосновательному обогащению кредитора. Но что еще требуется выяснить судам нижестоящей инстанции для целей возврата неосновательного обогащения? Постулаты о субсидиарном характере кондикции не решают данный вопрос, поскольку непонятно, у кого с кем, по мнению Верховного суда РФ, должны быть какие-либо отношения, помимо кондикционных.

Более правильным, на наш взгляд, является следующий подход. В первую очередь, суды должны установить содержание всех правоотношений в контексте отношений покрытия и отношений валюты. Важно определить наличие или отсутствие инструкции, выданной в какой-либо форме от должника третьим лицам. Во-вторых, необходимо убедиться в том, что данная инструкция не имеет какого-либо дефекта. Затем на финальном этапе – сделать вывод о надлежащем ответчике по кондикционному требованию.

Представляется, что в данной ситуации третьи лица, перечисляя денежные средства в адрес кредитора, исполняли свое собственное обязательство перед должником в рамках отношений покрытия. С учетом того, что автомобиль был возвращен кредитору, он должен был выплатить должнику часть договорной цены, полученной от третьих лиц, для соблюдения эквивалентности предоставлений.

---

⁴³⁰ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.04.2022 № 12-КГ22-3-К6.

Как видно из данной ситуации, она представляет пример исполнения обязательства по инструкции третьим лицом за должника. В связи с этим платежи третьих лиц были направлены именно на прекращение обязательств перед должником, но не перед конечным получателем денежных средств. Соответственно, предоставления были направлены в пользу должника (в рамках отношений покрытия), а не кредитора; последний не имел с третьими лицами каких-либо правоотношений, в связи с чем предъявление такого иска (через голову должника) нарушает принцип относительности обязательств. Таким образом, кредитор не является надлежащим должником по кондикционному иску, требования третьих лиц должны были быть предъявлены к должнику как лицу, инициировавшему платеж.

В другом деле, рассмотренном Верховным судом РФ, банк списал денежные средства (алименты) со счета полного тезки должника (Васильев) в пользу супруги. Позже Васильев сообщил в банк об ошибке, и ему вернули денежные средства. Имущество банка уменьшилось в результате совершения фактически двух платежей, и он обратился с кондикционным иском к супруге и настоящему должнику по алиментам как к соответчикам. Суд первой инстанции взыскал денежные средства с супруги, в удовлетворении требования к должнику отказал. Суд апелляционной инстанции отменил решение и отказал в удовлетворении иска в полном объеме, такое решение было поддержано судом кассационной инстанции. Дело дошло до Верховного суда РФ.

Верховный суд РФ, отменяя определение апелляции, указал, что в делах о взыскании неосновательного обогащения необходимо установить не только сам факт обогащения лицом без законных оснований, но и то, что именно ответчик является неосновательно обогатившимся за счет истца. При этом суд указал:

«...задолженность ответчика Васильева А.Н. по алиментам перед взыскателем ... Сафроновой Е.М. ... была полностью погашена за счет

средств Банка, что свидетельствует об улучшении имущественного положения должника, поскольку он осуществил сбережение собственного имущества за счет расходования денежных средств Банком и тем самым не понес расходы по алиментным обязательствам, которые должен понести...»⁴³¹.

Из данного абзаца следует, что Верховный суд РФ воспринимает должника по алиментам в качестве надлежащего ответчика.

Можно было бы сказать, что банк (как третье лицо) исполняет обязательство бывшего супруга (как должника) перед супругой (как кредитора) без инструкции. Соответственно, данное дело подпадает под случаи оплаты чужого долга, где значение имеет действительность / дефектность отношений валюты. Как мы видим, отношения валюты в данном случае не имеют какого-либо дефекта, следовательно, обязательство перед супругой прекращается, а банк вправе обратиться с обратным требованием к бывшему супругу.

Можно отметить еще одно дело, которое было рассмотрено Верховным судом РФ. Собственница автомобиля заключила договор с управляющей компанией на оказание охранных услуг. Сами услуги оказывались частным охранным предприятием на основании договора последнего с управляющей компанией. Автомобиль был угнан, с управляющей компанией в пользу собственницы взысканы убытки, которые далее были переложены на охранный бизнес. Впоследствии автомобиль был возвращен собственнице, что стало причиной для предъявления охранным предприятием кондикционного иска к собственнице. Три инстанции удовлетворили указанное исковое требование.

---

⁴³¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.10.2019 № 35-КГ19-5.

Верховный суд РФ судебные акты нижестоящих инстанций отменил и направил дело на новое рассмотрение⁴³². Позиция, которая повлекла отмену судебных актов, заключалась в том, что суды не учли тот факт, что (1) убытки были взысканы в пользу собственницы на основании судебного решения, а (2) автомобиль возвращен на основании постановления следователя. Данные факты, по мнению Верховного суда РФ, являются правовыми основаниями для перемещения имущества, что означает отсутствие возможности предъявить кондикционный иск в данной ситуации.

Можно заметить, что в данном деле при правильном выводе Верховного суда РФ о невозможности удовлетворения требований истца мотивировочная часть вряд ли соответствует современным взглядам на условие «без правового основания», под которым понимается не отсутствие юридического факта, а недостижение цели предоставления. Что же касается надлежащей мотивировки решения, представляется, что в данном деле опять же краеугольным камнем является принцип относительности обязательств, в силу которого прямое требование в обход договорного партнера не должно допускаться. В данном случае истец состоял в договорных отношениях с управляющей компанией, а последняя – с собственницей. При такой цепочке участников требование должно было быть заявлено не к собственнице напрямую, а к управляющей компании как к договорному партнеру. В ином случае нарушалось бы распределение рисков и автономия воли сторон, которые выбрали себе договорных партнеров.

Как следует из представленного обзора практики судов, стоит сделать вывод, что в российском праве отсутствуют препятствия для возможности разрешения ситуаций неосновательного обогащения, осложненные участием третьего лица, с учетом указанных выше теоретических подходов – цель предоставления (кауза), принцип относительности и принцип

---

⁴³² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31.08.2021 № 67-КГ21-9-К8.

добросовестности. Иными словами, указанные институты способны предложить более взвешенный ответ на вопрос о том, кто является надлежащими сторонами кондикционного обязательства, нежели простое сопоставление «плюса» на стороне приобретателя и «минуса» на стороне потерпевшего.

***

Стоит сделать следующие выводы по итогам данного параграфа.

Во-первых, необходимо различать подход к разрешению проблемы в зависимости от вида обогащения. В случае обогащения в результате действий приобретателя фактически не возникает проблемы, связанной с третьим лицом в правоотношении. В таких ситуациях для цели легитимации необходимо устанавливать связь в силу теории прикрепляющего содержания субъективного права, в рамках которой одно лицо (приобретатель) извлекает неположенную ему выгоду, а другое лицо – потерпевший – лишается данного блага. Наоборот, в случае обогащения в результате действий самого потерпевшего необходимо принимать во внимание ряд факторов, которые детерминируются каузой предоставления и принципом относительности: (1) кондикционное требование предъявляется к договорному контрагенту для целей соблюдения относительности, (2) удовлетворение такого требования зависит от того, какой эффект реализуется в связи с таким предоставлением (на что направлена цель предоставления и какие обязательства прекращаются / не прекращаются таким предоставлением). Иными словами, можно сказать, что в «кондикции иным образом» в силу структуры не может быть учета ранее сложившихся договорных связей в отличие от «кондикции из предоставления». По этой причине, необходим дифференцированный подход к двум данным видам обогащения, в связи с чем подход отечественной доктрины может быть скорректирован в данной направлении.

Во-вторых, проведенный анализ показал, что содержанием условия «за счет» в ситуациях, осложненных участием нескольких лиц в кондикционном

правоотношении, является цель, которую преследует лицо при совершении предоставления. При этом при разрешении казусов в данной сфере необходимо анализировать то отношение, в котором образовался порок (отношения валюты, отношения покрытия, дефектность одновременно двух отношений или дефектность инструкции, на основании которой осуществлялось предоставление).

В данном аспекте проведенное исследование позволило сформулировать следующий алгоритм определения сторон обязательства в подобных ситуациях.

При недействительности отношения покрытия – обогащение за счет третьего лица возникает у должника. При недействительности отношения валюты – обогащение за счет должника возникает у получателя денежных средств (кредитора). При недействительности отношения валюты и отношения покрытия – обогащение за счет третьего лица возникает у должника.

Если третье лицо исполняет обязательство в отсутствии возложения должником либо недействительности возложения, обогащение за счет третьего лица возникает у кредитора. Если же возложение изначально имело юридическую силу, но утратило ее впоследствии, то обогащение за счет третьего лица возникает у должника.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что содержание условия «за счет» потерпевшего зависит от той модели, которая воспринята в конкретном правопорядке – унитарная модель или партикулярная модель. Без выделения двух указанных моделей невозможно определить истоки проблематики легитимации сторон в кондикционном обязательстве. Указанная зависимость проявляется в том, что при унитарной модели все ситуации неосновательного обогащения регулируются единообразно. В свою очередь, условия возникновения такого требования также являются едиными для каждой ситуации неосновательного обогащения вне зависимости от конкретной ситуации. Это приводит к тому, что содержание условия «за счет» так же, как и иные условия («обогащение» и «без правового основания»), должно быть одинаковым для всех случаев неосновательного обогащения.

Как показали результаты исследования, в унитарной модели существует два возможных подхода к содержанию условия «за счет»: (1) причинно-следственная связь и (2) уменьшение наличного имущества потерпевшего. Что касается второго подхода (уменьшение наличного имущества), который является самым распространенным в отечественной доктрине и судебной практике, его использование, в действительности, не позволяет правильно установить сторон кондикционного обязательства, в связи с чем для применения данного подхода существуют объективные препятствия.

Подход, основанный на причинно-следственной связи (в значении адекватной причинности), является более стройным и позволяет достигать тех же результатов, которые в партикулярном подходе достигаются с помощью дифференцированного подхода к содержанию условия «за счет». В связи с этим, использование подхода, основанного на адекватной причинности, может стать логичным объяснением содержания условия «за счет» в рамках унитарной модели.

Однако поскольку доктрина основывала содержание условия «за счет» либо на идее уменьшения наличного имущества, либо на концепции необходимой причины (*but for test*), в академической сфере получила поддержку теория построения кондикционных обязательств на базе дифференцированного подхода – партикулярная модель, где в зависимости от структуры состоявшегося обогащения принято выделять несколько видов доступных потерпевшему кондикций. Анализ показал, что с точки зрения партикулярного подхода не стоит пытаться подвести все виды ситуации неосновательного обогащения под единый знаменатель, вместо этого – необходимо дифференцированно определять условие «за счет».

В случае обогащения в результате вмешательства приобретателя (основного вида обогащения в рамках «кондикции иным образом») ключевое значение получает подход, согласно которому приобретатель, вторгающийся в имущественную сферу потерпевшего и использующий блага, которые «закреплены» за потерпевшим в силу субъективного права, является должником по кондикционному обязательству перед потерпевшим, поскольку он нарушил порядок распределения благ, гарантированный концепцией субъективного права. Соответственно, именно «за счет» такого потерпевшего произошло обогащение приобретателя.

Если обогащение заключается в передаче потерпевшим имущества приобретателю или в улучшении потерпевшим такого имущества, то в данном случае отражением условия «за счет» будет являться концепция целенаправленного предоставления, по которой критерием для определения сторон обязательства является цель, с которой потерпевший передает имущество в пользу приобретателя или в пользу имущественной массы, принадлежащей приобретателю.

При этом, как можно заметить из анализа двух указанных групп, аналогичные результаты могут быть достигнуты за счет использования теории адекватной причинности, поскольку ожидаемым последствием как в случае

перехода блага, так и в случае вмешательства в чужое субъективное право будет получение приобретателем дополнительных имущественных благ, которые в действительности должны были остаться в имущественной сфере потерпевшего или причитались потерпевшему в связи с исключительностью его господства над данными благами.

Однако в тех ситуациях, когда обогащение осложнено участием третьего лица, проблема легитимации стоит наиболее остро, в связи с чем необходимо принимать во внимание иные факторы, которые обуславливают управомоченность кредитора по кондикционному обязательству. Такими факторами являются цель предоставления и принцип относительности, в связи с чем (1) кондикционное требование предъявляется к договорному контрагенту для целей соблюдения относительности, (2) удовлетворение такого требования зависит от того, какой эффект реализуется в связи с таким предоставлением (на что направлена цель предоставления и какие обязательства прекращаются / не прекращаются таким предоставлением).

БИБЛИОГРАФИЯ

Нормативные правовые акты:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»;
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»;
3. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804.- М.: Инфотропик Медиа, 2012;
4. Гражданское уложение Германии от 18.08.1896: Вводный закон к Гражданскому уложению. - 4-е изд., перераб.- М.: Инфотропик Медиа, 2015;
5. Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ.; Науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013. СПС «КонсультантПлюс»;

Судебная практика:

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»;
7. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2000 № 49 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении»;
8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.08.2021 № 305-ЭС21-13488 по делу № А40-97980/2020;
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2021 № 307-ЭС21-708 по делу № А56-26830/2019;
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 № 305-ЭС22-21173 по делу № А40-201536/2021;
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2021 № 71-КГ21-9-К3;
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2023 № 24-КГ23-17-К4;
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.04.2022 № 12-КГ22-3-К6;

14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.10.2019 № 35-КГ19-5;

15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.08.2021 № 67-КГ21-9-К8;

16. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.02.2024 № 305-ЭС23-22693 по делу № А40-242372/2022;

17. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 05.03.2024 № 307-ЭС23-21546 по делу № А56-89525/2022;

18. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2023 № 310-ЭС23-14161 по делу № А14-2462/2022;

19. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2022 № 305-ЭС22-11906 по делу № А40-96008/2021;

20. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.01.2021 № Ф05-23031/2020 по делу № А40-163321/2018;

21. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.04.2019 № Ф01-1119/2019 по делу № А31-6641/2018;

22. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.04.2019 № Ф01-1119/2019 по делу № А31-6641/2018;

23. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 07.07.2022 по делу № А59-1461/2021;

24. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.08.2019 по делу № А24-183/2019;

25. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21.03.2022 по делу № А79-3505/2021;

26. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.11.2022 № Ф04-6268/2022 по делу № А03-7239/2021;

27. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.03.2023 № Ф09-1076/23 по делу № А60-17913/2022;

28. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.01.2023 № Ф04-7214/2022 по делу № А67-42/2022;
29. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.12.2022 № Ф03-5318/2022 по делу № А73-11320/2020;
30. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.09.2022 по делу № А40-178568/2021;
31. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.06.2021 по делу № А40-332295/2019;
32. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.08.2022 по делу № А41-50208/2021;
33. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.07.2022 по делу № А41-82344/2021;
34. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.04.2024 № Ф05-35866/2022 по делу № А40-131626/2022;
35. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.04.2024 № Ф07-2968/2024 по делу № А56-124378/2022;
36. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.05.2023 N Ф05-21668/2022 по делу № А40-279653/2021;
37. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17.06.2019 по делу № А49-15319/2017;
38. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.02.2024 по делу № А26-9964/2022;
39. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 23.12.2014 № 33-17488/2014;
40. Постановление ФАС Московского округа от 24.08.2004 № КГ-А40/6641-04;
41. Постановление ФАС Уральского округа от 16.10.2012 по делу № А50-22525/11;
42. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.02.2021 № Ф05-24606/2020 по делу № А41-87784/2018;
43. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.10.2020 № Ф05-16433/2020 по делу № А40-268986/2019;

44. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.11.2019 № 15АП-14637/2019 по делу № А32-36260/2018;
45. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 18.05.2018 по делу № А19-13881/2017;
46. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 02.07.2019 по делу № А32-36260/2018;
47. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23.08.2022 № 88-18153/2022;
48. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.10.2022 по делу № 88-23017/2022;
49. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.01.2022 по делу № 88-1860/2022;
50. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 07.06.2022 № 88-11491/2022;
51. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.09.2022 № 88-14399/2022;
52. *Air Canada v. B.C. (A.G.)* [1986] 2 SCR 539;
53. *Bank of Cyprus v Menelaou* [2015] UKSC 66;
54. *Banque Financière de la Cité v Parc (Battersea) Ltd* [1999] 1 AC 221;
55. *Fontainebleau Hotel Corp. v. Forty-Five Twenty-Five, Inc.* [1959] Fla. Dist. Ct. App.;
56. *Lipkin Gorman v Karpnale Ltd* [1988] UKHL 12;
57. *Investment Trust Companies v Revenue and Customs Comrs* [2012] EWCH 458 (Ch), STC 1150;
58. *Shilliday v Smith*. Scot [1998] CS CSIH.;
59. BGH 19.4.1985, BGHZ 94;
60. BGH 29.11.1965, BGHZ 44, 321;
61. BGH 9.3.1989, BGHZ 107, 117ff;
62. BGH v. 21.10.2004 - III ZR 38/04;

63. BGHZ 55, 128 = NJW 1971, 609;

64. BGHZ 72 246 = NJW 1986, 251;

Диссертации:

65. Былков В.В. Проблемы правоотношений, возникающих вследствие неосновательного обогащения: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004;

66. Гербутов В.С. Понятие и формы обогащения в кондикционных обязательствах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014;

67. Гранат М.А. Неосновательное обогащение в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2005;

68. Джимбеева Д.В. Обязательства из неосновательного обогащения в коллизионном праве. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2017;

69. Климович А.В. Кондикционные обязательства в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002;

70. Кушхов Р.А. Соотношение требований из неосновательного обогащения с другими гражданско-правовыми требованиями о возврате имущества (теория и практика): дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03. – Московская гос. юридическая академия, Москва. 2006;

71. Михайлов В.С. Причинно-следственная связь как условие деликтной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021;

72. Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве: сравнительно-правовое исследование: дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2006;

73. Рыбалов А.О. Проблемы классификации гражданских правоотношений: дис. ... канд. юр. наук. Санкт-Петербург. 2007;

74. Слесарев А.В. Обязательства вследствие неосновательного обогащения: дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург. 2000;

75. Третьяков С.В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. М., 2022;

76. Усачева К.А. Возвращение полученного как последствие расторжения нарушенного договора: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018;

Монографии и статьи:

77. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М. 1940;

78. Агарков М.М. Ценность частного права // Правоведение. 1992. № 1;
79. Анненков К. Система гражданского права. Т. 4: Отдельные обязательства. СПб., 1904;
80. Богданов Д.Е. Возмещение потерь в российском и зарубежном праве // Lex russica. 2017. № 5. С. 174 – 193;
81. Внедоговорные обязательства в международном частном праве: монография / В.Н. Борисов, Н.В. Власова, Т.П. Лазарева и др.; отв. ред. И.О. Хлестова. М.: ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2017;
82. Ворожевич А.С. Взыскание убытков и компенсация как меры ответственности за нарушение исключительного права на патентоохраняемый объект // Закон. 2019. № 1;
83. Гербутов В.С. Обзор диссертаций на тему неосновательного обогащения // Вестник гражданского права, 2008, № 2;
84. Годэмэ Э. Общая теория обязательств. М., 1948;
85. Гражданское право. Особенная часть: учебник / Н.В. Багрова, Т.Ю. Барিশпольская, Р.С. Бевзенко и др.; под ред. Е.С. Болтановой. Москва: ИНФРА-М, 2023;
86. Гримм Д.Д. Очерки по учению об обогащении. Выпуск первый. Дерпт: Типография Шнакенбурга 1891;
87. Громов А.А., Тололаева Н.В. Обязательственное и договорное право: курс лекций. М.: Статут, 2025;
88. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир. 1994;
89. Гурвич М.А. Институт неосновательного обогащения в его основных чертах по Гражданскому кодексу РСФСР // Советское право. 1925. № 2 (14);
90. Дамбаров С.Д. Формы неосновательного обогащения // Закон. № 8. 2007;
91. Дождев Д.В. Делегация и исполнение: анатомия обязательства // Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. Т. 2: Залоговое право. Обязательство. Договор купли-продажи / Д.В. Дождев; Исслед. центр частн. права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ. Рос. шк. частн. права. М.: Статут, 2021;

92. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник / Д.В. Дождев; под общ. ред. В.С. Нерсисянца. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023;
93. Егоров А.В. Ликвидационная стадия обязательства // Вестник ВАС РФ. 2011. № 10;
94. Егоров А.В. Упущенная выгода: проблемы теории и противоречия практики // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006;
95. Егоров А.В. Структура обязательственного отношения: наработки германской доктрины и их применимость в России // Вестник гражданского права. 2011. № 3;
96. Ем В.С. Обязательства вследствие неосновательного обогащения в современном российском гражданском праве // Законодательство, 1999, № 7;
97. Жилио Ф. Системный подход к "несправедливому" и "неосновательному" обогащению // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 12;
98. Илюшина М.Н. Особенности правовой природы обязательственных отношений с участием предпринимателей в свете концепции совершенствования гражданского законодательства // Предпринимательское право. 2010. № 3. С. 35 – 39;
99. Ильин Д.В. Применение доктрины присвоения корпоративных возможностей в России // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 8;
100. Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975;
101. Каммерер Э. Обогащение и недозволенное действие. Часть вторая // Вестник гражданского права. 2010. № 3;
102. Каммерер Э. Обогащение и недозволенное действие. Часть первая // Вестник гражданского права. 2010. № 2;
103. Карапетов А.Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2007;
104. Корнилова Н.В. Понятие и условия возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения // Юрист. 2004. № 7;

105. Крашенинников Е.А. Фактический состав возникновения обязательства из неосновательного обогащения // Очерки по торговому праву. Вып. 15, 2008. Екатеринбург;
106. Кривцов А.С. Абстрактные и материальные обязательства в римском и в современном гражданском праве. Юрьев. 1898;
107. Луданин Д.А. Уменьшение имущества потерпевшего как условие кондикционного требования // Вестник гражданского права. 2022. № 5;
108. Луданин Д.А. Причинная связь как отражение условия «за счет потерпевшего» в кондикционном обязательстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. № 3;
109. Луданин Д.А. К вопросу о системе кондикционных требований // Евразийская адвокатура. 2025. № 1;
110. Луданин Д.А. Особенности кондикционных требований, осложненных участием третьего лица // Вестник гражданского права. 2025. № 1;
111. Лугманов Р.Р. Деликтное право как средство взыскания чисто экономических убытков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 2;
112. Лунц Л.А. Деньги и денежное обязательство в гражданском праве. М.: Статут, 1999;
113. Лунц Л.А. Курс международного частного права: Международное частное право: Особенная часть. В 3-х томах / Том 2. - М.: Юрид. лит., 1975;
114. Лухманов М.И. Установление фактической причинной связи в деликте // Вестник гражданского права. 2021. № 5;
115. Маковский А.Л. Обязательства вследствие неосновательного обогащения (глава 60). Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть вторая), под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. МЦФЭР, 1996;
116. Международное частное право: учебник / В.Н. Борисов, Н.В. Власова, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. Н.И. Марышева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018;
117. Михайлов В.С. Концепция фактической причинной связи и некоторые проблемы ее применения // Вестник гражданского права. 2018. № 3;

118. Новак Д.В. В чем ценность владения и причем здесь кондикция? // Вестник гражданского права. 2009. № 3;
119. Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М.: Статут, 2010;
120. Новак Д.В., Гербутов В.С. Ключевые проблемы обязательств из неосновательного обогащения // Вестник ВАС РФ. 2014. № 1;
121. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М. 1950;
122. Петражицкий Л.И. Иски о «незаконном обогащении» в 1 ч. X т. (к характеристике современной юриспруденции) // Вестник права. 1900. № 1;
123. Пирвиц Э.Э. Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2010. № 5;
124. Проект Гражданского уложения Российской империи. Книга 5: Обязательства. Т. 5 с объяснениями. СПб., 1899;
125. Решения Гражданского Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1883 год. Екатеринослав. Типография Исаака Когана. 1912;
126. Решения Гражданского Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1907 год. Санкт-Петербург. Сенаторская Типография. 1907;
127. Римское частное право: Учебник / В.А. Краснокутский, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский и др.; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юрист, 2004;
128. Розенблум В. Иски из неправомерного обогащения // Юридический вестник. № 2. 1889;
129. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.В. Витрянский, В.С. Ем, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., М.: Статут, 2011. Т. 2: Обязательственное право;
130. Рясенцев В.А. Обязательства из так называемого неосновательного обогащения в советском гражданском праве // Ученые записки Московского государственного университета. Труды юридического факультета. 1949. Вып. 144. Кн. 3;

131. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: В 8 т.: Пер. с нем. М., 2013. Т. 3;
132. Салмин Д.Н. К вопросу об условиях ограничения кондикционного обязательства размером наличного обогащения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 6;
133. Самойлов Е.Ю. Публичная достоверность в гражданском праве: теоретическая конструкция и условия использования института // Вестник гражданского права. 2007. № 4;
134. Сарбаш С.В. Обязательства и их исполнение: комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» (постатейный). Москва: М-Логос, 2022;
135. Семенова А.Е. Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и обязательства, возникающие из причинения вреда. Гражданский кодекс РСФСР. Научный комментарий под ред. С.М. Прушицкого и С.И. Раевича. Выпуск XX. Юридическое издательство НКЮ РСФСР. Москва. 1928;
136. Сераков В.В. Теория адекватной причинности как способ ограничения размера причиненных убытков // Вестник гражданского права. 2014. № 5;
137. Слыщенко В.А. Обязанность передать право собственности на товар в связи с некоторыми проблемами современной российской купли-продажи // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 2;
138. Тололаева Н.В., Церковников М.А. Научно-практический комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Вестник гражданского права. 2023. № 5;
139. Толстой В.С. Исполнение обязательств. - М.: Юридическая литература. 1973;
140. Толстой Ю.К. Обязательства из неосновательного обогащения или сбережения имущества (юридическая природа и сфера действия) // Вестник ЛГУ. 1973. № 5;

141. Третьяков С.В. Некоторые аспекты формирования основных теоретических моделей структуры субъективного частного права // Вестник гражданского права. № 3. 2007;
142. Третьяков С.В. Субъективное право как "последняя абстракция" цивилистики: генезис и структурные компоненты классической волевой теории // Вестник гражданского права. 2020. № 2;
143. Третьяков С.В. Теоретическая модель права на чужое поведение и начало права наделения в частном праве // Вестник гражданского права. 2019. № 1;
144. Тузов Д.О. Неосновательное обогащение: Учебное пособие. Санкт-Петербург. 2020;
145. Туктаров Ю.Е. Чисто экономические убытки // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006;
146. Усачева К.А. Единая модель реституционных отношений в проектах реформирования французского и швейцарского обязательственного права (часть вторая: основные прикладные вопросы реституции) // Вестник гражданского права. 2016. № 1;
147. Ушивцева Д.А. Обязательства вследствие неосновательного обогащения: вопросы теории и практики. Тюмень: Слово, 2006;
148. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М.: Госюриздат, 1951;
149. Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие. М.: Статут, 2015;
150. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2 т. Т. II / пер. с нем. М. 2000;
151. Чернышев В.И. Обязательства из неосновательного приобретения или сбережения имущества. Учебное пособие. Ярославль. 1977;
152. Чурилов А.Ю. Участие третьих лиц в исполнении гражданско-правового обязательства: монография. М.: Юстицинформ, 2019;
153. Шапп Я. Система германского гражданского права / Пер. с нем. С.В. Королева. – М.: Международ. отношения. 2006;
154. Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т.5: Учебник русского гражданского права. Москва. Статут, 2007;

155. Эртманн П. О структуре субъективных частных прав // Вестник гражданского права. № 3. 2007;
156. Ягельницкий А.А. О тенденциях судебной практики по делам об убытках // Закон. 2019. № 3;
157. Янсен Н. От учения о реституции испанских поздних схоластов к европейскому праву внедоговорных обязательств? // Вестник гражданского права. 2022. № 4;
158. Яценко Т.С. Имя физического лица как предмет сделки: от критики до признания в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2022. № 3. С. 118 – 144;
159. Auer M. Neuanfang beim Bereicherungsausgleich in Dreipersonenverhältnissen // Zeitschrift für die gesamte Privatrechtswissenschaft. No. 4. 2016;
160. Ball E. Abandonment and the Problem of Incidental Gains in the Law of Restitution of Unjust Enrichment // Restitution Law Review. Vol. 19. Marenex Press. 2011;
161. Ball E. Enrichment at the Claimant's Expense: Attribution Rules in Unjust Enrichment. Hart Publishing. 2019;
162. Birks P. An Introduction to the Law of Restitution. Oxford: Clarendon Press. 1989;
163. Birks P. Unjust Enrichment. Oxford. 2005;
164. Burrows A. A Restatement of the English Law of Unjust Enrichment. Oxford. 2012;
165. Burrows A. 'At the Expense of the Claimant': A Fresh Look // Restitution Law Review. No. 167. 2017 – URL: <https://ssrn.com/abstract=2979390> (дата обращения: 10.02.2024);
166. Busse D. Internationales Bereicherungsrecht. Mohr Siebeck. Tübingen: Mohr Siebeck. 1998;
167. Canaris C.-W. Der Bereicherungsausgleich im Dreipersonenverhältnis // Festschrift für Karl Larenz. Munich. 1973;
168. Clive E.M. Judicial abolition of the error of law rule and its aftermath. Discussion Paper No. 99. Scottish Law Commission. 1994;

169. Dannemann G. The German law of unjustified enrichment and restitution. Oxford, 2009;
170. Davrados N.A. Demystifying Enrichment Without Cause // Lousina Law Review. No. 78. 2018;
171. Dawson J.P. The Self-Serving intermeddler // Harvard Law Review. Vol. 87. 1974;
172. Descheemaeker E. The New French Law of Unjustified Enrichment // Restitution Law Review. Vol. 25. 2018;
173. Descheemaeker E., L'enrichissement injustifié: The Reform of 10 February 2016 in a Historical and Comparative Perspective. Tribonien. 2019. – URL: <https://ssrn.com/abstract=3447009> (дата обращения: 10.02.2024);
174. Dicey and Morris on the Conflict of Laws. 14th ed. / Gen. ed. J.H.C. Morris. London. 1967;
175. Dietrich J. The Limitations of Unjust Enrichment: A New Perspective on Restitution. Australia. 1994;
176. Doyle M. Corrective justice and unjust enrichment // University of Toronto Law Journal. No. 62. 2012;
177. Du Plessis J. Basic Features and Problems of Unjustified Enrichment // *Iurium itinera. Historische Rechtsvergleichung und vergleichende Rechtsgeschichte*. Mohr Siebeck: Tübingen. 2022;
178. Du Plessis J. The relevance of the plaintiff's impoverishment in awarding claims based on unjust enrichment // *Stell Law Review*. 3. 2009;
179. Du Plessis J. The South African Law of Unjustified Enrichment. Cape Town. 2012;
180. Edelman J., Bant E. Unjust enrichment. Second edition. Oxford; Portland, Or.: Hart Publishing. 2016;
181. Ellger R. Bereicherung durch Eingriff. Tübingen: Mohr, 2002;
182. Endemann F. Lehrbuch des bürgerlichen Rechts. Berlin. 1900;
183. Enneccerus L. Das bürgerliche Recht. Allgemeiner Teil; Schuldverhältnisse. Marburg. 1900;

184. Evan-Jones R., Kruse K. Failure of Consideration // Johnston & R. Zimmermann (Eds.), Unjustified Enrichment: Key Issues in Comparative Perspective. Cambridge. 2004;
185. Friedmann D. Restitution of Benefits Obtained through the Appropriation of Property or the Commission of a Wrong // Columbia Law Review, Vol. 80, No. 3. 1980;
186. Goff R., Jones G. The Law of Restitution. 9th ed. London, 2016;
187. Gierke O.v. Deutsches Privatrecht. Bd. 3. Berlin. 2010;
188. Gordley J. Foundations of Private Law: Property, Tort, Contract, Unjust enrichment. Oxford: Oxford University Press, 2006;
189. Gordley J. The purpose of awarding restitutionary damages: a reply to Professor Weinrib // Theoretical Inquires in Law. 2000;
190. Grantham R.B., Rickett C.E.F. Disgorgement for unjust enrichment? // Cambridge Law Journal. Vol. 62 (1), 2003;
191. Haines H. Bereicherungsansprüche bei Warenzeichenverletzungen und unlauterem Wettbewerb – Zugleich ein Beitrag zur Dogmatik der Eingriffskondiktion. Köln. 1970;
192. Hay P. Unjust Enrichment in the Conflict of Laws: A Comparative View of German Law and the American Restatement 2d // The American Journal of Comparative Law. Vol. 26, No. 1. 1978;
193. Hedemann J.W. Schuldrecht des Bürgerlichen Gesetzbuches. Berlin. 1921;
194. Hellwege P. Unwinding mutual contracts // Johnston & R. Zimmermann (Eds.), Unjustified Enrichment: Key Issues in Comparative Perspective. Cambridge. 2004;
195. Jakobs H.-H. Eingriffserwerb und Vermögensverschiebung in der Lehre von der ungerechtfertigten Bereicherung. Bonn. 1964;
196. Jansen N. Farewell to unjustified enrichment? // Edinburg Law Review. Vol. 123. No. 20. 2016;
197. Jansen N. The structure of tort law. Oxford University Press. 2021;
198. Kaser M. Roman Private Law. Pretoria. 1984;

199. Kleinheyer G. Rechtsgutsverwendung und Bereicherungsausgleich // Juristen Zeitung. No. 15/16. 1970;
200. Koppensteiner H.-G., Kramer E.A. Ungerechtfertigte Bereicherung. Berlin: de Gruyter. 1988;
201. Kötter H.-W. Zur Rechtsnatur der Leistungskondiktion // Archiv für die civilistische Praxis. 153. Bd., H. 3, 1954;
202. Kupish B. Rechtspositivismus im Bereicherungsrecht // Juristen Zeitung. No. 5. 1997;
203. Larenz K., Medicus D. Schuldrecht II: Besonderer Teil. München. 2018;
204. Lodder A.V.M. Enrichment in the Law of Unjust Enrichment and Restitution. Oxford and Portland, Oregon: Hart 2012;
205. Loewenheim U. Bereicherungsrecht. C.H. Beck Verlag. Munchen. 2007;
206. Looschelders D. Schuldrecht Besonderer Teil. München. 2021;
207. Lorenz S. Bereicherungsrechtliche Drittbeziehungen // JuS. 2003;
208. Lorenz W. Gläubiger, Schuldner, Dritte und Bereicherungsausgleich // Archiv für die civilistische Praxis. Vol. 168 (3). 1968;
209. Markesinis B.S., Lorenz W., Dannemann G. The German Law of Obligations. Clarendon Press. 1997;
210. Martinek M. Das Recht der ungerechtfertigten Bereicherung und der Geschäftsführung ohne Auftrag // in J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einfuhrungsgesetz und Nebengesetzen Eckpfeiler des Zivilrechts. Berlin: de Gruyter. 2008;
211. Martinek M. Unjust enrichment issues in triangular situations of defective cashless payments - the German approach in a comparative perspective // Saarbrücker Bibliothek. URL: <http://archiv.jura.uni-saarland.de/projekte/Bibliothek/text.php?id=219> (дата обращения: 09.04.2024);
212. Matthiass B. Lehrbuch des Bürgerlichen Rechtes. Berlin. 1900;
213. McInnes M. "Passing On" in the law of restitution: a re-consideration // Sydney Law Review. Vol. 19:179. 1997;

214. McInnes M. The Canadian Principle of Unjust Enrichment: Comparative Insights Into the Law of Restitution // *Alberta Law Review*. 1999. Vol. 37 (1);
215. Medicus D. *Schuldrecht II. Besonderer Teil: Ein Studienbuch*. II. Aufl. Munchen, 2003;
216. Meier S. Enrichment at the Expense of Another and Incidental Benefits in German Law. *Acta Juridica*. 453. 2019;
217. Meier S. Mistaken Payments in Three-Party Situations: A German View of English Law // *Cambridge Law Journal*. Vol. 567, № 56. 1999;
218. Meier S. Unjust factors and legal grounds // Johnston & R. Zimmermann (Eds.), *Unjustified Enrichment: Key Issues in Comparative Perspective*. Cambridge. 2004;
219. Meier S. Unjustified enrichment // *Max Planck Encyclopedia of European Private Law* / Ed. by J. Basedow, K.J. Hopt, R. Zimmermann, A. Stier. Vol. II. Oxford, 2012;
220. Meier S. Unwinding Failed Contracts: New European Developments // *Edinburgh Law Review*. Vol. 21, Issue 1;
221. Mitchell C. Unjust factors in three-party cases // *Restitution Law Review*. 2017;
222. Mugdan B. *Die Gesamten Materialien zum burgerlichen Gesetzbuch fur das Deutsche Reich*. Bd. 2: Recht der Schuldverhaltnisse. Scientia, 1979;
223. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law Draft Common Frame of Reference (DCFR). Interim Outline Edition / Chr. von Bar, E. Clive, H. Schulte-Nölke et al. Sellier, 2008;
224. Rabel E. *The Conflict of Laws: A Comparative Study*. 2nd ed. Vol. 3 *Special Obligations: Modification and Discharge of Obligations* Michigan, 1964;
225. Reuter D., Martinek M. *Ungerechtfertigte Bereicherung*. Tubingen. 2016;
226. Rinfret T. Unjustified Enrichment in Quebec // *The Canadian Bar Review*. № 5. 1937;
227. Rotherham C. *Restitution for wrongs. Research handbook on unjust enrichment and restitution*. Edited by Bant E., Barker K., Degeling S. Edward Elgar Publishing Limited. UK. 2020;

228. Rotherham C. The conceptual structure of restitution for wrongs // The Cambridge Law Journal. Vol. 66. No.1. 2007;
229. Saiman C. The Reemergence of Restitution: Theory and Practice in the Restatement (Third) of Restitution // Villanova Law Review. No. 52. 2006;
230. Schall A. Abrüstung der Bereicherungsdogmatik im Dreipersonenverhältnis // Juristen Zeitung. 2013;
231. Scheyhing R. Leistungskondiktion und Bereicherung „in sonstiger Weise“ // Archiv für die civilistische Praxis. Vol. 157. 1958;
232. Schlechtriem P. Schuldrecht. Besonderer Teil. Tübingen: Mohr Siebeck. 1998;
233. Schmidt-Recla A. Deutsche Dogmen und englisches leapfrogging bei der Restitution im Dreiecksverhältnis // JuristenZeitung. 2010. No. 23;
234. Schnauder F. Leistung ohne Bereicherung? — Zu Grundlagen und Grenzen des finalen Leistungsbegriffs // Archiv für die civilistische Praxis, 1987, Vol. 187;
235. Schrage E.J.H. On Obligations that arise from unjustified enrichment. Digesta. 2005;
236. Schulz F. System der Rechte auf den Eingriffserwerb // Archiv für die civilistische Praxis. 105 Bd. H. 1. 1909;
237. Scott H. What Mistake Can Do // Iurium itinera. Historische Rechtsvergleichung und vergleichende Rechtsgeschichte. Mohr Siebeck: Tübingen. 2022;
238. Scott S. The Corporate Opportunity Doctrine and Impossibility Arguments // The Modern Law Review. Vol. 66. 2003;
239. Smith L. Restitution: A New Start? // The Impact of Equity and Restitution in Commerce. Oxford. 2018;
240. Smith L. Restitution: the heart of corrective justice // Texas Law Review. 79 (7). 2001;
241. Stevens R. Three Enrichment Issues. Mapping the Law: Essays in Memory of Peter Birks. Oxford. 2006;
242. Thomale C. Leistung als Freiheit: Erfüllungsautonomie im Bereicherungsrecht. Mohr Siebeck, 2012;

243. Verhagen H.L.E. The Policies against Leapfrogging in Unjust Enrichment: A Critical Assessment // *Edinburgh Law Review*. No. 55. 2018;
244. Verse D.A., Gaschler A. Improvement of Another's Property // *Max Plank Encyclopedia of European Private Law*. Oxford University Press, 2012;
245. Virgo G. *The Principles of the Law of Restitution*. Oxford University Press. 2015;
246. Visser D. Unrequested Improvements in English Law: The Search for Relational Justice in Comparative Perspective // *Iurium itinera. Historische Rechtsvergleichung und vergleichende Rechtsgeschichte*. Mohr Siebeck: Tübingen. 2022;
247. Visser D.P. *Unjustified Enrichment*. Cape Town. 2008;
248. Webb C. What is Unjust Enrichment // *Oxford Journal of Legal Studies*. Vol. 29 (215). 2009;
249. Weinrib E. Corrective justice in a nutshell // *The University of Toronto Law Journal*. Vol. 52. No. 4. 2002;
250. Weinrib E. J. The Gains and Losses of Corrective Justice // *Duke Law Journal*. Vol. 44 (2). 1994;
251. Winiger B., Askeland B., Bargelli E., Hogg M., Karner E. *Digest of European Tort Law*. Vol. 4: Essential Cases on the Limits of Liability. Walter de Gruyter. 2024;
252. Wieling H.J. *Bereicherungsrecht*. Trier.: Springer-Verlag. 2006;
253. Wilburg W. *Die Lehre von der ungerechtfertigten Bereicherung nach österreichischem und deutschem Recht*. Graz. 1934;
254. Wilhelm J. *Rechtsverletzung und Vermögensentscheidung als Grundlagen und Grenzen des Anspruchs aus ungerechtfertigter Bereicherung*. Bonn. 1973;
255. Windscheid B. *Zwei Fragen aus der Lehre von der Verpflichtung wegen Ungerechtfertigter Bereicherung*. Leipzig. 1878;
256. Zimmermann R. A road through the enrichment forest? Experiences with a general enrichment action // *The Comparative and International Law Journal of Southern Africa*. Vol. 18 (1). 1985;
257. Zimmermann R. *The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition*. Oxford: Oxford University Press. 1995.